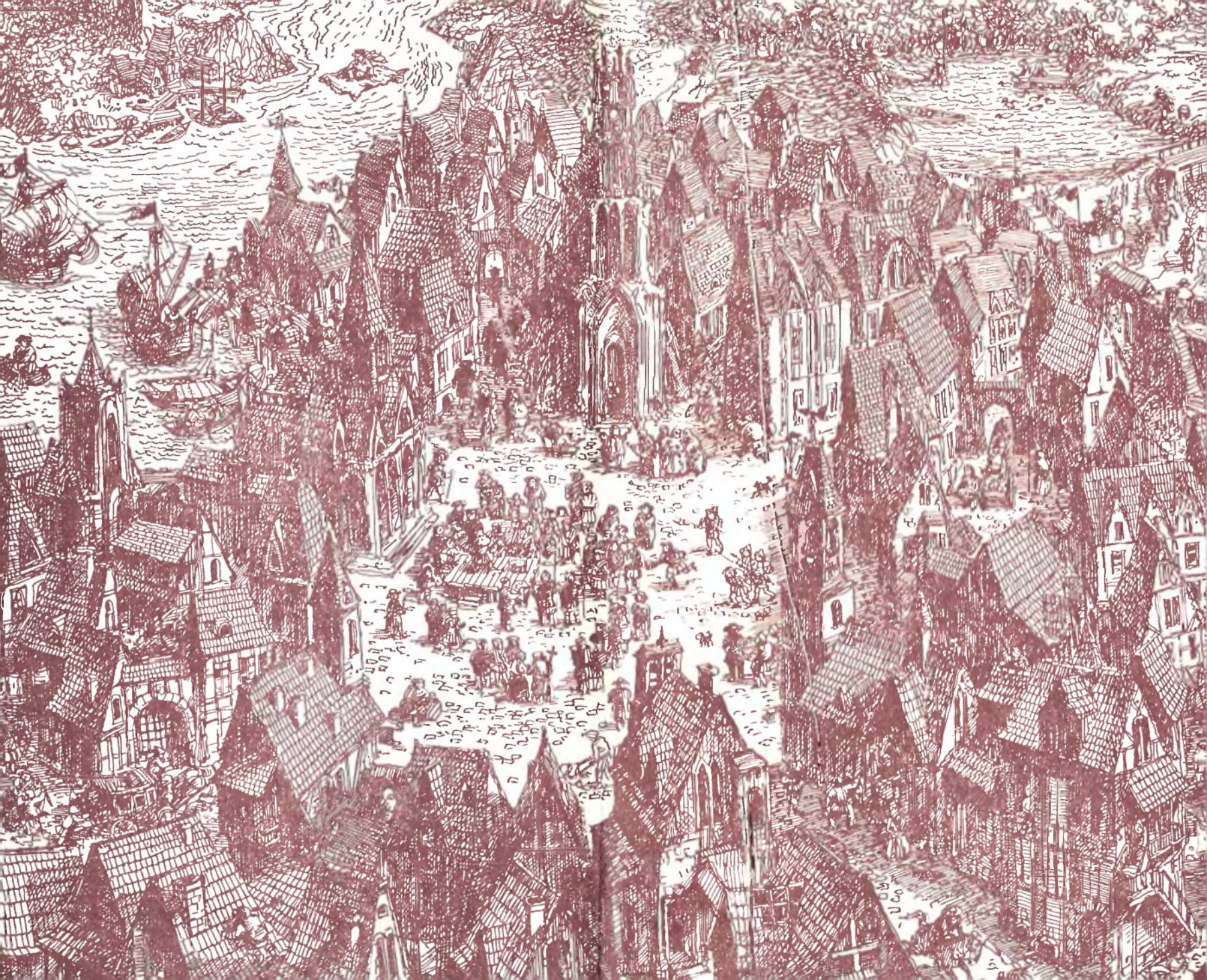
Кейт ЛОУМЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР



КЕЙТ ЛОУМЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

•

РЕТИФ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1992

ББК 84.7 США
Л 81

Перевод с английского
МИХАИЛА ГИЛИНСКОГО

Лоумер К.
Л81 Космический шулер: роман, рассказы. Пер. с англ. — СПб: Северо-Запад, 1992. — 351 с.
ISBN 5—8352—0040—4

Кейт Лоумер — американский дипломат, военный летчик, писатель, автор более тридцати книг, выдающийся мастер юмористической фантастики, до сих пор малоизвестный русскоязычному читателю.

В настоящую книгу вошли роман «Космический шулер» и цикл рассказов о Дипломатическом Корпусе Земли, представляющие читателям двух самых популярных лоумеровских персонажей — Ретифа и Лафайета О'Лири — и повествующие об их совершенно невероятных приключениях.

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© М. Гилинский, перевод, 1992
© Д. Гордеев, оформление, 1992
© «Северо—Запад»,
подготовка текста, 1992

ISBN 5—8352—0040—4

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

Первая

На Артезии стоял теплый осенний полдень. Лафайет О'Лири, бывший гражданин США, а нынче сэр Лафайет О'Лири, посвященный в рыцари принцессой Адоранной, развалясь, сидел в золоченом кресле в просторной библиотеке у завешенного пышными шторами высокого окна, выходившего в дворцовый сад. На нем были пурпурные бриджи, белая шелковая рубашка и туфли из телячьей кожи с золотыми пряжками. На одном пальце сверкало кольцо с огромным изумрудом, на другом красовалась серебряная печатка с изображением топора и дракона. У его локтя стоял хрустальный бокал с прохладительным. Из динамиков, расположенных на обитых гобеленами стенах, доносилась музыка Дебюсси.

О'Лири похлопал себя ладонью по губам, не пытаясь сдержать зевок, и лениво отложил в сторону толстый том в кожаном переплете под названием «Искусство Волхвования», в котором было очень много мелкого шрифта, но, увы, никакой полезной информации. В течение трех лет (с тех самых пор, как Централь обнаружила вмешательство в Континуум и пресекла всякие попытки изменения вероятностей) Лафайет безуспешно пытался вернуть себе недолговечную способность фокусировать психические силы, как было описано в обширном труде «Практика Месмеризма» профессора Ханса Йозефа Шиммеркомпфа. «Да, — с сожалением подумал Лафайет. — Это была настоящая книга, а не чушь собачья». Жаль, он успел прочитать лишь часть первой главы и в последний момент не смог захватить книгу с собой на Ар-

тезию. С другой стороны, когда тебе предлагают срочно выбрать между миссис Макглинт, сдающей комнаты внаем, и Дафной в дворцовых покоях, лучше не мешкать.

Эх, веселые были денечки! Все эти годы, живя в Колби Корнерз, он подозревал, что жизнь уготовила для него нечто большее, чем карьеру мелкого торговца без гроша за душой, довольствующегося тухлыми сардинами и несбыточными мечтами. Вот тогда ему и попался на глаза толстый том профессора Шиммеркомпфа. Слог был тяжеловат и несколько старомоден, зато смысл предельно ясен: сконцентрируйся — и мечты твои сбудутся, или, по крайней мере, покажутся сбывшимися. А разве можно удержаться от соблазна превратить (с помощью самовнушения) жалкую комнатенку в роскошную спальную, где так легко дышится свежим ночным воздухом и играет нежная музыка? Нет, нельзя.

Результат превзошел все ожидания. Полный успех. Он представил себе причудливую старинную улицу в причудливом старинном городе — и на тебе! Очутился, где хотел, а самые разнообразные звуки и запахи делали иллюзию полной. Сознание того, что на самом деле он спит, ничуть не уменьшало прелести происходящего. А когда события приняли угрожающий характер, О'Лири сделал второе удивительное открытие: если это и был сон, проснуться он уже не мог. Честно говоря, оставалось только предположить, что кошмарным сном оказался Колби Корнерз, а проснулся Лафайет где положено: на прекрасной Артезии.

Он, конечно, не сразу понял, что наконец-то попал к себе домой и душой и телом. Некоторое время он считал, что нашел ответ на извечный вопрос: проснется ли человек, который во сне упал со скалы? Сам Лафайет, по счастью, ни с каких высот не падал, но, пожалуй, это была единственная опасность, которой он не подвергался. Сначала его вызвал на

дуэль граф Аллан, и от непредсказуемых последствий спасла его Дафна, сбросившая в очень важный психологический момент с верхнего этажа дворца свой ночной горшок прямо графу на голову. Потом король Горубль поклялся, что свернет Лафайету шею, если тот не убьет дракона. Невероятные приключения, грозившие жизни и здоровью О'Лири, закончились тем, что ему пришлось убить Лода, двухголового великана. А затем выяснилось, что Лода, вместе с его любимцем аллозавром, перебросили в Артезию из другого измерения по приказанию фальшивого короля Горубля.

И только благодаря чистой случайности, — в чем Лафайет не сомневался, — ему удалось доказать, что узурпатор — бывший агент Континуума, который убил настоящего короля, а наследного принца, нарушив закон, отправил в другое измерение на украденном в Централи Путепроходце.

Хорошо, что Лафайет успел помешать Горублю избавиться заодно от принцессы Адоранны. Посчитав себя смертельно раненным, бывший король признался, что именно О'Лири является наследным принцем и истинным владыкой Артезии.

Ситуация сложилась довольно двусмысленная, и некоторое время все действующие лица чувствовали некоторую неловкость, но, слава богу, Горубля случайно вышвырнул в другое измерение его собственный Путепроходец, после чего Лафайет отрекся от престола в пользу принцессы и зажил припеваючи с верной Дафной.

Он тяжело вздохнул, поднялся с кресла и выглянул в окно. В роскошном дворцовом парке шли приготовления к чаепитию, вернее — внезапно подумал Лафайет — завтрак на свежем воздухе закончился. Не было слышно ни болтовни, ни веселого смеха, раздававшихся всего несколько минут назад, а лужайки и тропинки почти опустели. Несколько задержавшихся гостей лениво шли к воротам; мажордом то-

ропился на кухню, стараясь не уронить поднос, заполненный пустыми чашками, тарелками и скомканными салфетками; служанка в мини-юбке, демонстрируя пару прелестных ножек, стряхивала крошки с мраморного столика у фонтана. Глядя на ее костюм, вернее, его отсутствие, Лафайет затосковал. Стоит только чуть-чуть расфокусировать зрение, и можно представить, что перед ним Дафна, какой он увидел ее в первый раз. «Все-таки раньше жилось как-то проще, веселее, — подумал Лафайет, — хоть Горубль и мечтал отрубить мне голову, а великан Лод придерживался того же мнения. Да и с драконом пришлось повозиться, а в интригах Аллана и Красного Быка не разобрался бы сам черт».

Но Лода Лафайет прикончил, и дракона тоже. Само собой, нехорошего дракона. Любимец Лафайета, игуанодон, счастливо здравствовал в стойле, ежедневно пожирая положенный рацион: двенадцать стогов самой свежей соломы. Аллан женился на Адоранне и, перестав ревновать, стал вполне терпим. Красный Бык опубликовал свои мемуары, после чего купил небольшую гостиницу на окраине города и назвал ее «Одноглазый Мужик». Горубль подевался неизвестно куда. Дафна ничуть не изменилась; по крайней мере, в те минуты, когда Лафайету удавалось с ней встретиться, она была столь же умна и прелестна, как прежде. Графский титул не вскружил бывшей прислуге голову, но в последнее время она слишком уж часто предавалась светским развлечениям и невинным шалостям. Нет, конечно, Лафайету вовсе не хотелось вновь стать объявленным вне закона преступником, которого бескорыстно полюбила дворцовая служанка, но...

Ничего особенного в его жизни не происходило, и не особенного тоже. Самым интересным приключением можно было считать разве что предстоящий праздничный ужин. Лафайет тяжело вздохнул во второй

раз. А как хорошо было бы посидеть с Дафной в уютном баре, тет-а-тет, и чтоб играла музыка...

Он тряхнул головой, избавляясь от наваждения. В Артезии не было ни баров, ни музыки. Таверны, воздух в которых был, казалось, пропитан дымом высоких чадящих свечей, назывались здесь гостиницами, и в них подавали пиво и сочное свежее мясо. Лафайет встрепенулся. Кстати, неплохая идея. Совсем необязательно им с Дафной присутствовать еще на одном роскошном пиру.

Настроение у Лафайета сразу улучшилось, и, решив не откладывать дела в долгий ящик, он быстро прошел в соседнюю залу и распахнул дверцы платяного шкафа. Раздвигая вешалки с ослепляющими великолепием парадными костюмами, О'Лири достал малиновый пиджак с серебряными пуговицами. На улице было жарко, но если он появится в рубашке с короткими рукавами, на него начнут бросать косые взгляды, Дафна расстроится, а принцесса Адоранна приподнимет идеально прямую бровь. Этикет...

— Вот чего я добился, — бормотал Лафайет, на ходу надевая пиджак. — Казарменный режим какой-то. Скука смертная.

О, боже, разве к этому он стремился, проклиная судьбу мелкого американского торговца без гроша за душой? Правда, географически он и сейчас находился в Соединенных Штатах. Артезия располагалась там же, где Колби Корнерз, но в другом измерении, а следовательно, и жизнь здесь была другой.

Но разве это жизнь? Королевский бал, королевская охота, королевская регата. Блистательные праздники, блистательное общество, блистательные разговоры.

Ну и что с того? Что в этом плохого? Разве он не мечтал о сладкой жизни, прозябая в крохотной комнатенке и открывая очередную коробку сардин на очередные завтрак, обед и ужин?

«Мечтал, — печально признался Лафайет. — И все же... все же мне очень скучно».

Скучно. В Артезии, стране его грез. Скучно.

— Чепуха на постном масле! — громко воскликнул он, спускаясь по широкой спиральной лестнице, ведущей в Зал Приемов, увешанный зеркалами в золотых рамах. — У меня все есть, а если чего нет — стоит только захотеть! Нежная Дафна щебечет, как птичка, одно загляденье; я могу выбрать в Королевских конюшнях любого скакуна, хоть Дини; в моем гардеробе двести костюмов; каждый вечер дается банкет и... и...

Он шел по черно-красному гранитному полу, сопровождаемый гулким эхом, чувствуя, как навалива-ется усталость от одной только мысли, что завтра его ждут неизбежные банкет, бал, званый ужин, — одним словом, очередной день ничегонеделания.

— Чего тебе надо? — требовательно спросил он у своих зеркальных отражений. — Человек вкалывает, как лошадь, чтобы заработать побольше денег. А деньги ему нужны, чтобы делать все, что захочется. А ты и так делаешь все, что захочется. — Лафайет сурово посмотрел на малиново-золотое отражение. — Чего молчишь?

— Мы уедем отсюда, — бормотал он, выходя в парк. — В горы, а может, в пустыню. Или на берег моря. Могу поспорить, Дафна никогда не купалась голая при лунном свете. По крайней мере, со мной. И мы возьмем с собой немного продуктов, и сами будем готовить, и ловить рыбу, и заниматься ботаникой, и смотреть на птичек, и...

Он остановился у широкой террасы и стал оглядываться, надеясь увидеть изящную фигурку Дафны сквозь зеленые ветки кустарника. Последний гость вышел за ворота, исчез мажордом, убежала служанка, и лишь старый садовник в дальнем углу парка ковырялся в земле.

Лафайет медленно пошел по тропинке, почти не

замечая одурманивающего запаха цветущей гортензии, ленивого жужжания пчел, мягких вздохов ветерка, шуршащего в кронах аккуратно подстриженных деревьев. Постепенно его охватила апатия. Зачем уезжать? Какой в этом смысл? Он не перестанет быть Лафайетом О'Лири, а Дафна останется Дафной. Когда новизна ощущений пройдет, он наверняка пожалеет об удобном кресле и забитом доверху холодильнике, а Дафна начнет переживать по поводу прически и событий, которые могли произойти во дворце за время ее отсутствия. К тому же их закусают комары, они обгорят на солнце, будут мерзнуть по ночам, питаться горелой кашей и испытывать массу прочих неудобств, от которых он так отвык.

На мгновение в конце тропинки показалась высокая фигура графа Аллана. Лафайет окликнул его и ускорил шаг, но подойдя к перекрестку, никого не увидел. Он повернул обратно, теперь уже в совершенно подавленном настроении. Впервые за три года он испытывал те же чувства, что в Колби Корнерз, где он гулял долгими вечерами по городским кварталам, глядя на желтые фонари и строя воздушные замки...

Лафайет остановился. Он вел себя, как мальчишка. Ему повезло, как никому другому, и незачем валять дурака. К чему рубить сук, на котором сидишь? Через час начнется праздничный ужин, и он пойдет на него, как всегда, и будет вести светские разговоры, тоже, как всегда. А так как ему не очень хочется в данную минуту возвращаться во дворец — да и собеседник из него сейчас никудышный — можно немного посидеть на любимой мраморной скамейке, почитать очередной выпуск «Популярного Волшебства» и заодно настроиться на нужный лад, чтобы за столом не ударить лицом в грязь. И кстати, не забыть сделать Дафне комплимент по поводу нового сногсшибательного платья. А после обеда улизнуть с ней в спальную и...

Неожиданно Лафайет вспомнил, что давно уже не

нашептывал в нежное ушко Дафны ласковых слов. Вечно его отвлекали то книги, то собутыльники, а Дафна, конечно, была на седьмом небе от счастья, обсуждая с женами высокопоставленных особ рукоделья, или что там обычно обсуждают леди, пока мужья глушат бренди, курят сигары и рассказывают непристойные анекдоты.

Лафайет неодобрительно посмотрел на стоявший перед ним куст азалии и нахмурился. Он был настолько поглощен мыслями, что невольно прошел мимо своего самого любимого уголка парка, где рядом с мраморной скамейкой цвело миндальное дерево и мягко журчал фонтан, а большие вязы отбрасывали прохладные тени на зеленую лужайку, за которой росли тополя и виднелся берег озера.

Он пошел назад и вскоре вновь очутился на перекрестке, где видел графа Аллана. Забавно. Заблудиться в собственном парке. Лафайет посмотрел по сторонам, покачал головой, увидев пустынные тропинки, и решительно зашагал вперед. Через десять шагов он остановился перед кустом азалии.

— Я совсем распустился, — пробормотал он. — Не могу найти первого поворота направо за фонтаном...

Он оборвал себя на полуслове, неуверенно глядя на внезапно уменьшившуюся лужайку. Фонтан? Никакого фонтана в помине не было: Лафайет стоял на усыпанной гравием и опавшими листьями дорожке, по одну сторону которой росли деревья, а по другую — возвышалась кирпичная стена. Но ведь этой стене положено находиться в конце парка, за утиным прудом... Лафайет поспешно пошел по дорожке, свернул направо... и увидел болото в зарослях тростника. Резко повернувшись, он уткнулся в густой кустарник. С трудом продравшись сквозь спутавшиеся ветви, исцарапанный и исколотый колючками, Лафайет вышел на небольшую лужайку, поросшую одуванчиками. Цветочные клумбы исчезли, как по мано-

вению волшебной палочки. От тропинок и следа не осталось. Дворец, возвышавшийся на фоне почему-то серого неба, имел жалкий вид и казался пустым и заброшенным. Выбитые стекла напоминали пустые глазницы; ветер сдувал с террас опавшие листья.

О'Лири быстро поднялся по ступенькам в Зал Приемов, увешанный зеркалами. На мраморном полу лежал толстый слой пыли. Гулкое эхо шагов преследовало его по пятам до дверей караульной, в которой пахло затхлостью и не было ничего, кроме плесени.

Лафайет побежал по коридору, громко крича, заглядывая в пустые и явно нежилые комнаты. Остановившись, он на мгновение прислушался, но услышал лишь далекий крик какой-то птицы.

— Ерунда, — услышал он как бы издалека собственный голос. — Не могли они все уйти, ничего мне не сказав. Дафна никогда бы так не поступила...

Едва справившись с неприятным тошнотворным ощущением, он стал подниматься по широкой лестнице, перепрыгивая через ступени. С паркетных полов исчезли ковры, со стен — портреты придворных. Он настежь распахнул двери в свои покои и уставился на деревянный пол и окна без портьер.

— Великий боже, меня обчистили! — воскликнул Лафайет и, повернувшись к стенному шкафу, с размаху ударился носом о стену. Шкаф прекратил свое существование, а стена оказалась футов на двенадцать ближе, чем ей было положено. — Дафна! — взревел он и со всех ног кинулся в следующую комнату, оказавшуюся на удивление маленькой, темной и с низким потолком. На его вопль никто не ответил.

— Никодим, — громко сказал Лафайет. — Ну конечно же, надо срочно позвонить Никодиму в Централь. Он знает, что делать.

Кинувшись в башню, Лафайет помчался по узкой витой каменной лестнице к бывшей лаборатории Придворного Мага Артезии, а на самом деле — аген-

та Централи, которого давным-давно отозвали для выполнения очередного задания первостепенной важности. Но телефон остался, запертый в стенном сейфе, и надо успеть добежать, прежде... прежде...

Лафайету стало так страшно, что он решил больше не думать на эту тему. Если сейф окажется пустым...

Совсем запыхавшись, он добежал до верхней площадки и ворвался в небольшую, отделанную гранитом лабораторию. Над широкими скамьями висели полки с чучелами сов; на столах валялись бутылки, будильники, пузырьки, обрывки проволоки и непонятные аппараты из меди, бронзы и хрусталя. С высокого, затянутого паутиной потолка свисал на тонкой проволоке пыльный позолоченный скелет, перед которым находилась панель управления черного цвета с рычажками и циферблатами. Рычажки давно заржавели, а на циферблатах треснули стекла. Затаив дыхание, Лафайет подошел к сейфу, дрожащими руками снял с шеи ключик на золотой цепочке и сунул его в замочную скважину. Со вздохом облегчения он снял трубку старинного, с бронзовой отделкой телефона и услышал далекий, похожий на писк комара, гудок.

О'Лири облизнул пересохшие губы и наморщил лоб.

— Девять, пять, три, четыре, девять, ноль, ноль, два, один, один, — бормотал он, набирая номер.

В трубке потрескивало. Лафайет почувствовал, что пол под его ногами заходил ходуном. Он поглядел вниз. Шероховатые гранитные плиты исчезли, уступив место таким же шероховатым деревянным доскам.

— Соединяйся, черт тебя дери! — простонал он, стукнув по телефону, и был вознагражден долгими гудками. — Ответьте, хоть кто-нибудь! Вы — моя последняя надежда.

Ветер взъерошил ему волосы. Лафайет вздрогнул,

бросил быстрый взгляд наверх и увидел свинцовое небо. На полу, невесть откуда, появились птичий помет и куча опавших листьев. Тем временем вокруг явно посветлело, и стена, в которую был вделан сейф, превратилась в столб.

Лафайет неловко повернулся, начал падать и изо всех сил уцепился за телефон, стоявший теперь на конструкции, напоминающей крыло ветряной мельницы, угрожающе раскачивающейся под порывами ледяного ветра. Схватившись одной рукой за ствол растущего рядом дерева, Лафайет посмотрел вниз на огромную мусорную свалку.

— Централь! — взвыл он придушенным голосом. — Вы не можете меня бросить! Не имеете права! — Он стукнул по телефону, но на сей раз чуда не произошло.

После трех неудачных попыток Лафайет сдался и повесил трубку с такой осторожностью, будто она была сделана из яичной скорлупы. Вцепившись в крыло ветряной мельницы, он принялся оглядывать окрестности: покрытый кустарником склон холма, полуразрушенный город на расстоянии в четверть мили, жалкие лачуги у озера. Топография совсем как в Артезии, и если на то пошло, как в Колби Корнерз, но исчезли куда-то башни, пропали аллеи, сгинули парки, будто их не было вовсе.

— Исчезли! — прошептал О'Лири. — Все, на что я жаловался... — Он сглотнул слюну. — И заодно все, на что я не жаловался. Дафна, роскошные покои, дворец... А ведь я уже почти согласился пойти на званый ужин.

При мысли об ужине что-то резко кольнуло его чуть ниже средней пуговицы того самого малинового пиджака, который он надел часом раньше. Лафайет задрожал. Становилось темно и холодно. Первым делом надо спуститься на землю, а потом... Оцепеневший мозг не желал задумываться о будущем.

— Первым делом надо спуститься на землю, —

строго прикрикнул на себя Лафайет. — Первоочередная задача — самая важная. А там видно будет.

Он осторожно опустил ногу на деревянный выступ, ощущая слабость в коленках. Мельница тихонько заскрипела и начала оседать. Несмотря на холодный ветер, Лафайет взмок от пота. Да, несомненно, легкая жизнь не пошла ему на пользу. Прошли те дни, когда он съедал на завтрак коробку сардин, метался, как угорелый, с утра до вечера, съедал на обед коробку сардин, а перед сном экспериментировал с различными пластмассами, съедая коробку сардин на ужин. Когда он выберется из этой переделки, если он когда-нибудь из нее выберется, придется сесть на строжайшую высококалорийную диету и всерьез заняться спортом: бегом трусцой, йогой, каратэ, джиу-джитсу и прыжками в длину.

* * *

Телефон негромко зазвонил, и Лафайет замер, не понимая, послышалось ему или нет, и не спутал ли он телефонный звонок с далеким звоном колокола в деревне или коровьим колокольчиком, если, конечно, в этом измерении обитали животные под названием коровы, и если у них были колокольчики.

Телефон зазвонил еще раз, и Лафайет, оборвав два ногтя и ссадив ладони, ринулся наверх. На мгновение нога соскользнула с выступа, но он даже не заметил, что висит на руках.

Дзинь-дзинь.

Спустя несколько секунд Лафайет сорвал трубку и прижал ее к уху другим концом.

— Алло? — задыхаясь, выкрикнул он. — Алло? Да? Говорит Лафайет О'Лири...

Услышав пронзительный скрипучий голос где-то в районе подбородка, он быстро перевернул трубку.

— ... Фитильзад, исполняющий обязанности инспектора Континуума, — говорил скрипучий голос. — Простите, что пришлось нарушить ваш покой, но Централь объявила аврал, и мы вынуждены времен-

но призвать на действительную службу всех агентов. Согласно нашим данным, вы находитесь в бессрочном отпуске на Локус Альфа Девяносто Три, Измерение В-87, Лиса 22 1-б, известное также под названием Артезия. Это верно?

— Да, — пробормотал Лафайет. — То есть нет. Видите ли...

— Аварийная ситуация требует, чтобы вы немедленно удалились от дел и ушли в подполье, в качестве заключенного в лагере строгого режима, отбывающего девяносто девять лет за убийство при отягчающих вину обстоятельствах. Вам ясно?

— Послушайте, мистер Фитильзад, — торопливо перебил его Лафайет. — Вы не совсем разобрались в ситуации. В настоящий момент я сижу на мельнице, в которую превратился королевский дворец, и...

— Таким образом, вам надлежит срочно доложить о своем прибытии в подпольную организацию, штаб-квартира которой расположена в месте пересечения трубопроводной и канализационной систем дворца, в двенадцати футах под Королевским Заводом по переработке отбросов, в двух милях к северу от города. Вы, естественно, будете замаскированы. Наш человек тайно переправит вас в лагерь, предварительно снабдив лохмотьями, вшами, струпьями, колтунами, шрамами... всем необходимым.

— Подождите! — закричал Лафайет. — Я не могу выполнить вашего задания!

— Почему? — Голос звучал удивленно.

— Потому что я не в Артезии, черт побери! Я вам все уши об этом прожужжал! Я сижу на мельнице в ста футах над помойкой! Говорю же, гулял себе тихо-спокойно в парке, а скамейка исчезла, а потом фонтан, а потом...

— Вы намекаете, что вы не в Артезии?

— Почему вы не хотите слушать? Произошло нечто ужасное...

— Будьте добры, отвечайте на вопрос. Да или

нет, — отрезал скрипучий голос. — Может быть, вам неизвестно, что возникла аварийная ситуация, которая может распространиться на весь Континуум, включая Артезию!

— Так ведь и я о том же! — взвыл О'Лири. — Нет. Я НЕ в Артезии.

— Фу, — проскрипел голос. — В таком случае прошу простить за звонок...

— Фитильзад! Не вешайте трубку! — заорал О'Лири. — Вы — моя единственная надежда! Мне необходима помощь! Они все исчезли, понимаете? Дафна, Адоранна — никого не осталось. Дворец, город, королевство...

— Послушайте, мой мальчик, допустим, я внесу вас в Список Пропавших без Вести и...

— Нет, это вы послушайте! Когда-то я вам помог. Теперь ваша очередь. Заберите меня отсюда! Я хочу в Артезию!

— Не может быть речи, — сурово проскрипел голос. — Сегодня вечером мы обслуживаем агентов с секретностью два нуля девять, а у вас — жалкие два нуля три. Но...

— Вы не имеете права! Где Никодим? Он вам скажет...

— Никодим переброшен на Локус Бета Два-ноль в обличьи капуцинского монаха, занимающегося исследованиями в области алхимии. Он исполняет задание настолько секретное, что мы лишены возможности поддерживать с ним связь в течение двадцати восьми лет и шести месяцев.

Лафайет застонал.

— Но хоть чем-то вы можете помочь?

— Гмм... Видите ли, О'Лири, я только что просмотрел ваше дело. Похоже, раньше вы занимались недозволенными экспериментами с пси-энергией, и мы, естественно, сфокусировали на вас Подавитель. И все же, я вижу, вы действительно оказали нам когда-то важную услугу. А теперь слушайте. У меня,

конечно, нет полномочий отключать Подавитель, но, между нами, сугубо конфиденциально, могу намекнуть на одно обстоятельство, которое поможет вам выпутаться. Только не вздумайте проболтаться, что это я намекнул.

— Валяйте. Намекайте... и как можно скорее.

— Гмм... Как там? О'кэй, запоминайте: Смешайте конину и ножки свиньи, — Чтоб стали они, как веревки, туги, — От Бронкса милльоны едят до Майами, — Ключ к этой разгадке, конечно... Ох, ох, ну вот, О'Лири. Так я и знал! Это шаги Главного Инспектора! Я должен идти. Желаю счастья! Желаю удачи! Не забывайте нас! И если останетесь в живых, дайте о себе знать!

— Подождите! Вы забыли сказать, какой ключ к загадке!

Лафайет бешено затряс трубку, но в ответ услышал лишь короткие гудки. Затем внутри что-то фыркнуло и наступила зловещая тишина. Лафайет застонал и повесил трубку на место.

— Ножки свиньи, — пробормотал он. — Конина. И это — единственное спасибо, которое я получил за годы преданной службы, когда делал вид, что наслаждаюсь праздниками, обедами, охотой, Дафной, а на самом деле страдал, ожидая, когда позвонит этот треклятый телефон и меня призовут на действительную службу, дадут секретное поручение...

Он перевел дыхание и заморгал глазами.

— Опять ты мелешь ахинею, О'Лири, — сказал он сам себе. — Признайся, все эти годы ты наслаждался жизнью, как никогда. И тебе в голову не приходило набрать номер Централи и пойти добровольцем на какую-нибудь опасную работу. Так что не скули, затяни пояс потуже, оцени обстановку и составь план действий.

Он посмотрел вниз. Земля, окутанная сумерками, казалась еще более далекой и недоступной.

— Итак... с чего начать? — громко спросил он. —

Какие шаги предпринять, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову и очутиться в другом измерении?

— Ах ты, тупица! — воскликнул он, подпрыгнув и чуть не свалившись с мельницы. — Ну конечно же! Пси-энергия! Вспомни, как ты попал на Артезию из Колби Корнерз? И прекрати разговаривать с самим собой, — сурово добавил он. — А то подумают, что ты совсем свихнулся.

Уцепившись что было сил за крыло мельницы, О'Лири крепко зажмурился и стал вспоминать Артезию — ее запахи, романтичные старинные улочки, причудливые дворцовые башни, таверны, паровые автомобили, деревянные домики, маленькие аккуратные лавочки и лампочки в сорок ватт...

Он осторожно приоткрыл один глаз. Никаких перемен. Он все еще восседал на вершине мельницы, а склон холма, поросший кустарником, спускался к деревне у озера. В Артезии на этом месте находился зеркальный пруд, в котором росли белоснежные кувшинки и скользили по воде лебеди. Даже в Колби Корнерз пруд был довольно аккуратным, хотя в нем, напоминая о существовании цивилизации, плавали фантики от конфет. Озеро, на которое смотрел Лафайет, казалось каким-то грязным и заболоченным. Женщина, неторопливо вышедшая из дома на берегу, выплеснула помойное ведро прямо в воду. Лафайет поморщился и закрыл глаза. Он представил себе классический профиль Дафны; лицо графа Аллана — мужественное, с квадратным подбородком; придворного шута Болтошку; элегантную фигуру и аристократические черты принцессы Адоранны...

Безрезультатно. Он, конечно, знал, что Централь лишила его возможности оперировать пси-энергией, объявив преступником, подвергшим опасности существование Континуума, но все же надеялся, что в этом измерении Подавитель не подействует. И...

Что там сказал этот бюрократ по телефону? Какой-то намек. Загадка, ключ, китайская грамота, од-

ним словом. Нет, полагаться можно только на самого себя, и чем скорей он это поймет, тем лучше.

— Итак, что будем делать? — спросил он у мельницы.

— Для начала мы с тебя слезем, — сообщил он, — а то совсем окоченеем от холода.

С сожалением посмотрев на телефон, Лафайет начал осторожно спускаться.

* * *

Когда Лафайет спрыгнул вниз, пролетев последние десять футов по воздуху и угодив в колючий кустарник, совсем стемнело. Жадно потянув носом воздух, он понял, что не ошибся, и до него действительно доносится восхитительный запах жареного лука. Он сунул руку в карман, побренчал мелочью и подумал, что неплохо было бы перекусить в ближайшей таверне, а заодно выпить небольшую бутылочку вина, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы. Потом, призвав на помощь все свое искусство дипломата, он постарается выяснить, куда попал. Вопросы надо задавать крайне осторожно, но с этим он справится. Вот только какие вопросы задавать? Ладно, там видно будет.

Прихрамывая, Лафайет начал спускаться с холма: после неудачного падения болела лодыжка. Совсем потерял форму. Постарел, что ли? Ведь недавно прыгал, как акробат, с крыши на крышу, карабкался по веревкам, воевал с разбойниками, усмирял драконов и одновременно ухаживал за Дафной. При мысли о Дафне у него защемило в груди. Что подумает несчастная женщина, когда поймет, что ее муж исчез? Сердце ее будет навек разбито, она умрет от беспокойства...

Да полно! Он пренебрегал ею последнее время, и Дафна просто не заметит его отсутствия. Возможно, в эту самую минуту ее соблазняет какой-нибудь придворный. Вечно шляются по дворцу, якобы для про-

хождения рыцарской практики, а на самом деле — пьяницы, картежники и бабники...

Лафайет непроизвольно сжал кулаки. Как только его отсутствие будет замечено, они накинутся на маленькую беззащитную Дафну, как стервятники на падаль. Бедная невинная девочка, она ведь не сможет защититься от этих волков в овечьих шкурах и начнет принимать утешения...

— Прекрати немедленно! — прикрикнул на себя Лафайет. — Дафна — верная жена, лучше не придумаешь, разве что неопытная. Но она поставит фонарь под глаз первому ухажеру, который позволит себе лишнее! Слишком много лет она махала шваброй, и удар у нее, что надо; да и сейчас ей приходится трудиться вовсю: скакать верхом, плавать, играть в теннис — ведь она стала аристократкой!

Лафайет представил себе изящную фигурку жены в купальном костюме, застывшую на вышке для прыжков в воду перед бассейном...

— Говорю тебе, хватит, — напомнил он. — Займись-ка лучше решением проблем насущных. Конечно, если выяснишь, в чем они заключаются.

* * *

Главная улица города представляла собой грязную немощеную дорогу, в колдобинах и рытвинах, по которой едва могла проехать телега. По краям валялись кучи мусора и пищевых отходов, в основном — фруктовые очистки и яичная скорлупа. В окнах горел неяркий свет. Несколько подозрительных личностей оглядели Лафайета с ног до головы и скрылись в аллеях между деревьями, еще более узких и темных, чем главная улица. Над обветшалой дверью одного из домов скрипела и раскачивалась на холодном ветру грубо намалеванная вывеска, на которой сверху корявыми готическими буквами было написано: «ТАКОВА УЖ НИЩЕНСКАЯ ДОЛЯ», а внизу изображен коренастый человек в серой куртке с чугунком в руке.

Лафайету стало тоскливо. Он невольно сравнил эту мазню с прекрасной картиной над входом в харчевню «Топор и Дракон», где так беззаботно проводил время... «Забывая о Дафне, — неожиданно вспомнил он. — Оставляя ее в одиночестве...» — Лафайет застонал.

— По крайней мере, надеюсь, что в одиночестве, — пробормотал он. — Какой же я был дурак! Ну нет, хватит. Как только вернусь...

Он сглотнул комок, застрявший в горле, и, толкнув низкую дверь ногой, вошел в таверну.

От чада и копоти у него заслезились глаза. В нос ударил запах кислого пива, горелого картофеля и чего-то вовсе непристойного. Лафайет зашагал по грязному неровному полу, наклонив голову, чтобы не стукнуться о низкие перекрытия, по направлению к стойке, за которой, спиной к двери, стояла девушка в домашнем переднике и запачканной косынке, — она начищала чугунок тряпкой и напевала вполголоса.

— Э-э-э... нельзя ли у вас перекусить? — осторожно спросил Лафайет. — Чего-нибудь попроще, скажем, гуся с артишоками и бутылочку Пулли-Фюиз пятьдесят девятого...

— Ну-ну, — ответила девушка, не поворачиваясь. — Я вижу, ты не лишен чувства юмора.

— Хорошо, тогда давайте омлет, — торопливо согласился О'Лири. — А к нему немного сыра, фруктов и кружку черного пива.

— О'кэй, — ответила девушка. — Ты своего добился. Мне уже смешно. Ха-ха-ха.

— Может, у вас найдется бутерброд с ветчиной? — спросил Лафайет с надеждой в голосе. — Больше всего на свете люблю швейцарскую ветчину на баварском ржаном хлебе...

— Сосиски и пиво, — резко сказала девушка. — Будешь заказывать?

— Буду, буду! — взволнованно вскричал Лафайет. — И, пожалуйста, поджарьте с корочкой.

Девушка повернулась, поправляя выбившуюся из-под косынки прядь.

— Эй, Боров! — крикнула она. — Зажарь-ка джентльмену сосисочку, да так, чтоб сгорела — ему это нравится.

Лафайет уставился в ее большие голубые глаза, на маленький прямой носик, прекрасные белокурые волосы, выбивавшиеся из-под косынки.

— Принцесса Адоранна! — вскричал он. — Как вы сюда попали?

Вторая

Официантка бросила на Лафайета усталый взгляд.

— Меня зовут Свайнхильда, мистер, — сказала она. — А как я сюда попала — долгая история.

— Адоранна, разве вы меня не узнаете? Это я, Лафайет! — Голос его сорвался. — Мы с вами разговаривали сегодня утром за завтраком!

Дверь на кухню неожиданно отворилась с тягучим скрипом, и в образовавшуюся щель просунулось небритое лицо с правильными чертами и квадратной челюстью.

— За завтраком, вот как? — возмущенно заявило лицо, поворачиваясь к Свайнхильде. — Придется тебе объясниться, дрянь ты эдакая.

— Аллан! — вскричал Лафайет. — И ты тоже?!

— Что ты хочешь этим сказать, парень? — угрожающе вымолвило лицо. — В каком это смысле «тоже»?

— Я... я думал, что один сюда попал... а теперь со мной Адоранна... то есть она не со мной... вы не так поняли... и мне показалось, что вы...

— Опять мне изменила, да? — Длинная мускулистая рука высунулась из-за двери, но девушка проворно отскочила в сторону и схватилась за сковородку.

— Посмей меня пальцем тронуть, образина несчастная, — завизжала она, — и я растоплю жир, которым ты пользуешься вместо мозгов.

— Успокойтесь, Адоранна, прошу вас, — миролю-

биво произнес Лафайет. — Сейчас не время для семейных сцен...

— Семейных! Ха! Знал бы ты, как я натерпелась с этим подонком...

Ей не удалось договорить, так как предмет их обсуждения одним прыжком выскочил из кухни, чуть не сломав дверь. Свайнхильда, не задумываясь, размахнулась тяжелой чугунной сковородкой и опустила ее на нечесаную голову. Сделав два шага на негнущихся ногах, Боров сел на стойку и изумленно уставился на Лафайета.

— Так что тебе приготовить, приятель? — спросил он и начал медленно оседать, постепенно исчезая из поля зрения. Раздался грохот. Девушка отложила в сторону свое грозное оружие и раздраженно посмотрела на О'Лири.

— С чего тебе вздумалось его дразнить? — спросила она и, нахмурившись, оглядела Лафайета с головы до ног. — Кто ты такой? Что-то не припомню. Могу поспорить, что с тобой я никогда ему не изменяла!

— Неужели вы действительно не помните? — взмолился Лафайет. — Я хочу сказать, неужели вы все забыли? И Аллан... Как вы сюда попали? А Дафна... Боже мой, Адоранна, где Дафна?

— Даффи? Заходит к нам такой, когда надоест бродяжничать. У него не все дома. Вечно клянчит выпивку. Не видела его недели две-три...

— Не Даффи, а Дафна. Это — девушка, то есть не девушка, а моя жена. Невысокая такая, но среднего роста. Вы меня понимаете? Точеная фигурка, нежное личико, шатенка...

— Давай ее сюда, — донесся из-под стойки невнятный голос. — Сейчас разберусь, в какую сторону кренится палуба и...

Свайнхильда отвела ногу и изо всех сил пнула Борова чуть ниже уха.

— Проспись, битюг, — пробормотала она и, за-

думчиво посмотрев на Лафайета, приподняла бровь, сняла косынку и распустила по плечам белокурые волосы.

— У этой дамы есть что-нибудь, чего нет у меня? — холодно спросила она.

— Адоранна! Я говорю о Дафне, графине, моей жене!

— Ах да, конечно, графине. Извини, милый, но мы сейчас не принимаем графинь. Сам понимаешь, мы слишком заняты, пересчитывая наши жемчуга. — Она наклонилась над Боровом. — Извини, но мне надо немного прибраться.

— Разрешите мне помочь вам, — с готовностью предложил Лафайет.

— Да брось ты. Сама управлюсь.

— Но с ним все в порядке? — Лафайет перегнулся через стойку, пытаясь разглядеть неподвижное тело.

— С Боровом? Смеешься, что ли? Его череп подковой не прошибить, даже когда подкова на ноге у лошади.

Она схватила Борова за ноги и поволокла, пятясь, на кухню.

— Адоранна, подождите, выслушайте меня! — вскричал Лафайет, перепрыгивая через стойку.

— Слушай, сколько раз можно повторять, что меня зовут Свайнхильдой. Одер и Анна здесь ни при чем.

— Но... неужели вы не помните?

— Честное слово, первый раз в жизни тебя вижу. А теперь, если ты кончил трепаться, выметайся отсюда: наша харчевня закрывается.

— Так рано?

Свайнхильда приподняла бровь.

— У тебя есть другие предложения?

— Мне надо поговорить с вами, — сказал Лафайет с отчаянием в голосе.

— Не бесплатно, — отрезала Свайнхильда.

— С-сколько?

— По часам или на всю ночь?

— Уделите мне несколько минут, и я все объясню! — радостно воскликнул Лафайет. — Начнем с того...

— Подожди-ка минутку. — Она отпустила ноги Борова, и они со стуком упали на пол. — Сначала переоденусь и приведу себя в порядок.

— Вы прекрасно выглядите, — торопливо сказал Лафайет. — Так вот...

— Не хочешь ли ты обучать меня моему ремеслу, чужеземец?

— Да... то есть... Никакой я не чужеземец! Мы знаем друг друга много лет! Неужели вы забыли нашу первую встречу на балу короля Горубля, когда я согласился убить дракона? На вас было голубое платье с жемчужным ожерельем, а на поводке вы держали тигренка...

— А-а... бедный ты мой, бедный, — сочувственно сказала Свайнхильда. — У тебя шарики за винтики заскочили, да? Что ж ты сразу не сказал? Послушай, ты действительно хотел со мной поговорить? И ничего больше?

— Конечно, что еще? Адоранна, прошу вас, не отвлекайтесь. Я сам не знаю, что произошло, может, вас загипнотизировали, но если вы постараетесь, то обязательно вспомните. Сосредоточьтесь и представьте себе розовый мраморный дворец, рыцарей и придворных дам в роскошных туалетах, ваши покои в западном крыле, отделанные золотом, с видом на парк...

— Не торопись, милый. — Свайнхильда достала из-под стойки бутылку, выбрала из груды грязной посуды в раковине два относительно чистых стакана, плеснула в каждый немного бурой жидкости и глубоко вздохнула. — Твое здоровье. Ты, конечно, псих, но уж больно складно у тебя получается. Давай, ври дальше. — Привычным движением она опрокинула

содержимое стакана прямо в горло и сочувственно посмотрела на Лафайета, который тоже выпил и никак не мог отдышаться. — Жизнь наша такая, что любой тюфячок, вроде тебя, может свихнуться, — сказала она. — Ты откуда родом? У нас так никто не одевается. Чудно́.

— Дело в том... — ответил Лафайет и умолк на полуслове. — Я и сам не знаю, как тебе объяснить, — беспомощно произнес он, незаметно переходя на «ты».

Только сейчас он осознал в полной мере свое одиночество, почувствовал боль от ушибов и ссадин, ощутил ломоту во всем теле. Ему просто необходимы были хороший обед, горячая ванна и удобная постель.

— Да брось ты, — сказала Свайнхильда и потрепала Лафайета по руке маленькой твердой ладошкой. — Не переживай. Завтра проснешься, и все будет хорошо, вот увидишь. Хотя лично я в этом сильно сомневаюсь, — резко добавила она. — Ничего хорошего ждать не приходится, пока старый козел Родольфо сидит на герцогском троне.

Лафайет выпил стакан вина и не заметил этого.

— Родольфо? — с трудом спросил он. — Послушай, Свайнхильда, ты должна рассказать мне, что у вас происходит. Здесь, конечно, не Артезия, но земля такая же, и ты с Алланом... Я хочу знать подробности, — может, хоть за что-то удастся зацепиться.

Свайнхильда рассеянно почесала бедро.

— Что я могу сказать? Раньше у нас все было в порядке. Герцогство как герцогство, без лишней роскоши, но жить можно. Постепенно становилось все хуже и хуже: сплошные налоги, указы, эдикты, постановления и законы. Потом погиб урожай табака, а грибок сгубил двухлетние запасы вина. Мы пили привозной ром, но он тоже кончился. С тех пор пьем пиво и закусываем сосисками.

— Вот кстати, — встрепенулся Лафайет. — Сосиска — это хорошо!

— Милый, да ты умираешь с голоду!

Свайнхильда вскочила, выдернула из-за кухонной двери все ту же злополучную сковородку, кинула на нее расплавленный жир, куски сомнительного мяса и поставила на жаровню, перетряхнув угли.

— Расскажи мне поподробнее о герцоге Родольфо, — попросил Лафайет.

— Ублюдок он, а не герцог. Я и видела его один только раз, когда уходила из казарм в три часа ночи. Навещала больного друга, сам понимаешь. Старый сводник прогуливался по саду, а так как время было не позднее, я перемахнула через забор и попыталась завязать с ним беседу. Только не подумай, что мне такой тип мужчин нравится. Просто решила, что знакомство с ним не помешает. — Свайнхильда стрельнула на Лафайета глазами. — Но старый козел отказался наотрез, — сказала она, разбивая яйцо о ручку сковородки. — Стал мямлить, что я ему в племянницы гожусь, и кликнул лягавых. Я тебя спрашиваю, что можно ждать от государства, если эта старая развалина ни на что не способна?

— Гмм... — задумчиво произнес Лафайет. — Скажи... э-э-э... Свайнхильда, как бы мне получить аудиенцию у герцога?

— И не думай. Своих гостей он обычно скармливает львам.

— Только герцог может мне помочь во всем разобраться, — пробормотал Лафайет. — Больше некому. Я только сейчас понял, что Артезия никуда не исчезала. Это я исчез.

Свайнхильда посмотрела на него через плечо, зацокала языком и покачала головой.

— Мужчина средних лет, в расцвете сил, и надо же, чтобы так, — сочувственно сказала она.

— Средних лет? Мне и тридцати не исполнилось, — поправил ее Лафайет. — Хотя, должен

признаться, сегодня я чувствую себя столетним старцем. Нет, мне просто необходимо составить план действий. Иначе я пропал.

Он понюхал хрустящее месиво, которое Свайнхильда выложила на битую тарелку, полив сверху яйцом.

— Говоришь, сосиска? — спросил он, с сомнением глядя на необычное блюдо.

— Я и говорю: сосиска. Кушайте, мистер, на здоровье, пока не остыло.

— Послушай, почему бы тебе не называть меня Лафайетом, — предложил Лафайет, осторожно кладя кусок мяса в рот. По внешнему виду оно напоминало крем для чистки обуви, но, к счастью, было абсолютно безвкусным.

— Слишком длинно. Но мне нравится имя Лэйф.

— Лэйф — это дамское белье, или что-то в этом роде, — запротестовал О'Лири.

— Послушай, Лэйф, — твердо сказала Свайнхильда, кладя локоть на стол и одаряя Лафайета взглядом, который ясно говорил: «С меня хватит». — Чем скорее ты выкинешь дурь из головы, тем лучше. Если люди Родольфо узнают, что ты — чужеземец, они из тебя черепаху сделают, прежде чем ты успеешь добежать до прокуратуры, а потом вышибут все твои секреты плеткой-семихвосткой.

— Секреты? Какие секреты? Моя жизнь — открытая книга. Я — невинная жертва обстоятельств...

— Все правильно, ты — псих безвредный. Но попробуй доказать это Родольфо. Он такой же недоверчивый, как старая дева, которая пытается унюхать лосьон для бритья, прежде чем залезть в ванную.

— Я уверен, ты преувеличиваешь, — твердо сказал Лафайет, выскребая остатки мяса с тарелки. — Честность — лучшая политика. Я пойду к нему, как мужчина к мужчине, объясню, что совершенно случайно оказался в другом измерении, и спрошу, не поможет ли он мне разыскать человека, занимающегося

неразрешенными экспериментами в области пси-энергий. А может быть, — продолжал Лафайет, воодушевляясь по мере того, как разыгрывалось его воображение, — Родольфо поддерживает связь с Централью. Ну конечно же! За этим измерением просто обязан присматривать какой-нибудь инспектор Континуума, и как только я объясню, что произошло...

— И все это ты собираешься рассказать Родольфо? — спросила Свайнхильда. — Конечно, не мое дело, Лэйф, но на твоем месте я бы поостереглась. Ты меня понимаешь?

— Завтра с утра первым делом пойду к нему, — пробормотал Лафайет. — Где, говоришь, живет герцог?

— Я ничего не говорю. И не сказала бы, но ты все равно узнаешь. Его резиденция находится в столице, в двадцати милях к западу.

— Гмм... На Артезии там когда-то жил Лод. На краю пустыни?

— Нет, милый. Город находится на острове, а остров посреди Одинокого Озера.

— Удивительно. В разных измерениях координаты водных пространств почему-то не совпадают, — сообщил Лафайет. — В Колби Корнерз эта местность находится на берегу залива. В Артезии она безводна, как Сахара. А здесь — озеро. Ну да ладно, утро вечера мудренее. Честно говоря, больше всего на свете мне сейчас хочется выспаться. Ты не подскажешь, где тут гостиница, Свайнхильда? Люкс не обязательно, хватит и простой комнаты с ванной и, желательно, окнами на восток. Я люблю вставать с первыми лучами восходящего солнца, когда заря...

— Могу бросить тебе охапку соломы в козлиное стойло, — сказала Свайнхильда. — Не беспокойся, — добавила она, увидев изумленный взгляд Лафайета. — Козла мы давно съели.

— Ты хочешь сказать... в городе нет отеля.

— Для психа ты на редкость сообразителен. Пойдем со мной.

Свайнхильда повернулась и черным ходом вышла на тропинку, ведущую к дворовым постройкам. Лафайет плелся сзади, стараясь плотнее запахнуться в пиджак и дрожа от порывов ледяного ветра.

— Перелезай через забор, не стесняйся, — предложила Свайнхильда. — Если хочешь, можешь переночевать на улице — за те же деньги.

Лафайет уставился на ржавую металлическую крышу, покоившуюся на четырех подгнивших столбах, грязную жижу, из которой торчали стебли камыша, и потянул носом воздух, уловив характерный запах, напомнивший ему о бывшем обитателе.

— Не можешь ли ты подыскать мне хоть что-нибудь поприличнее? — спросил он с отчаянием в голосе. — Я буду твоим вечным должником.

— В долг не даю, — сурово ответила Свайнхильда. — Деньги вперед. Ты мне должен два медяка за сосиску, два — за прочие услуги и пятак за беседу.

Лафайет сунул руку в карман и вытащил пригоршню серебряных и золотых монет. Он протянул девушке толстый артезианский пятидесятицентовик.

— Хватит?

Свайнхильда посмотрела на лежавшую на ее ладошке монету, попробовала ее на зуб и широко открытыми глазами уставилась на Лафайета.

— Это — настоящее серебро, — прошептала она. — Что ж ты не сказал, что нафарширован, как кабачок, Лэйф... то есть Лафайет. Пойдем, любимый. Для тебя — только самое лучшее!

О'Лири послушно отправился вслед за своей провожатой обратно в дом. Свайнхильда на секунду остановилась, зажгла свечу и поднялась на второй этаж в небольшую комнатку с низким потолком, резной позолоченной кроватью и круглым окном, в которое вместо стекла были вставлены донышки от бутылок. На подоконнике в цветочном горшке стояла

герань. Лафайет осторожно повел носом, но никаких посторонних запахов не уловил.

— Замечательно! — воскликнул он, расплываясь в улыбке и одобрительно глядя на хозяйку. — Комната мне подходит. Где тут у вас ванная?

— Лохань под кроватью. Пойду нагрею воды.

Лафайет нагнулся, вытащил, пыхтя, большую медную лохань на середину комнаты и уселся на кровать, снимая сапоги. За окном в лунном свете возвышались далекие холмы, совсем как на милой его сердцу Артезии. Дафна, наверное, шла сейчас на званый ужин под руку с очередным сладкоречивым дэнди, удивляясь, куда пропал муж, и, возможно, украдкой вытирая слезы...

В который раз Лафайет одернул себя, отгоняя навязчивую мысль об изящной фигурке своей супруги. В конце концов, он сделал все что мог, и с завтрашнего дня начнет трудиться не покладая рук. Был бы повод, а желание всегда найдется. И хорошо, что они на некоторое время расстались. В разлуке Дафна полюбит его еще сильнее...

— А может, кого другого? — пробормотал он. — Того, кто поближе?

* * *

Дверь открылась, в комнату вошла Свайнхильда с двумя большими ведрами, из которых шел пар. Она вылила воду в ванну и проверила температуру локтем.

— В самый раз.

Лафайет вежливо выпроводил девушку из комнаты, разделся, с сожалением глядя на лохмотья, в которые превратилась одежда, и залез в лохань. На губах его появилась блаженная улыбка. Правда, полотенца он не заметил, но коричневый кусок мыла лежал под рукой. Мурлыча под нос, О'Лири тщательно помылся и, намылив голову, стал поливать себя сверху. Как всегда, ему отчаянно защипало глаза, и,

встав на ноги, он попытался нашарить полотенце вслепую.

— Черт, — выругался он. — Забыл попросить...

— Держи, — раздался над его ухом голос Свайнхильды, и в следующую секунду ему в руки сунули кусок грубой ткани. О'Лири вцепился в простыню, что было сил, и тут же завернулся в нее с головы до ног.

— Что ты здесь делаешь? — требовательно спросил он, вылезая из лохани на холодный пол и пытаясь протереть один глаз. Преуспев в этом начинании, он увидел рядом Свайнхильду, снимающую через голову нижнюю полотняную сорочку. — Эй, — пробормотал он. — Ты чего?

— Собираюсь принять ванну, если тебе она больше не нужна, — услышал он ехидный ответ.

О'Лири быстро отвел глаза. Не из скромности, конечно, скорее наоборот. Вид голой девушки с поднятой ногой, пробующей воду в лохани, был до изумления приятен. Несмотря на спутанные волосы и обгрызанные ногти, у Свайнхильды было тело принцессы... принцессы Адоранны, если уж на то пошло. Лафайет быстро вытерся и улегся в постель, натянув одеяло до подбородка.

Свайнхильда мурлыкала какую-то песенку, весело плеща водой.

— Поторопись, — сказал Лафайет хриплым голосом. — Вдруг сюда зайдет Боров?

— Ему придется подождать, только и всего, — резонно заметила Свайнхильда. — Правда, не помню, чтоб этот дундук хоть раз в жизни мылся ниже подбородка.

— Но ведь он — твой муж!

— Называй, как хочешь. Сам знаешь, как живем. Этот гад сказал, что не хочет записываться, потому что нас обложат налогами, обдерут как липку, да еще под статью подведут. Врет он все. По-моему...

— Ты еще не готова? — взвизгнул О'Лири, за-

жмурившись и с трудом удерживаясь от искушения подсмотреть.

— Мм-мм... почти. Вот только...

— Прошу тебя, поторопись. Мне надо как следует выспаться, ведь завтра идти пешком целых двадцать миль!

— Где полотенце?

— На спинке кровати.

Он услышал ровное дыхание, шуршание простыни по обнаженному телу, шлепанье босых ног...

— Подвинься, — прошептал нежный голос.

Лафайет подскочил и сел в постели.

— Великий боже, Свайнхильда, ты не можешь здесь спать!

— Это почему я не могу спать в собственной кровати? — возмущенно спросила она. — Может, ты хочешь отправить меня в козлиное стойло?

— Нет... что ты... но...

— Послушай, Лэйф, либо мы делимся поровну, либо катись отсюда, и плевать я хотела на твое ребро.

Теплое тело скользнуло в постель, перегнулось через него, задувая свечу...

— Дело не в этом, — слабым голосом ответил Лафайет. — Дело в том...

— Да?

— Э-э-э... я не помню, в чем дело. Но твой муж храпит внизу, а из комнаты нет второго выхода.

— Кстати, насчет храпа, — неожиданно сказала Свайнхильда. — Что-то больно тихо стало на кухне.

От удара дверь распахнулась настежь, с потолка посыпалась штукатурка. При свете высоко поднятой керосиновой лампы Лафайет увидел разъяренное лицо Борова, отнюдь не ставшее менее свирепым от синяка под глазом и шишки размером с утиное яйцо на голове.

— Ага! — заорал он. — Под кровлей моего дома, Иезабель!

— Твоего дома! — проорала в ответ Свайнхильда, не оставаясь в долгу, в то время как Лафайет глубже вжался в стену, надеясь, что о нем забудут. — Папаша мне его завещал, а я тебя подобрала по доброте душевной. Помню, как ты шлялся по улицам в поисках обезьяны, которая утащила твою шарманку. Или тогда ты тоже наврал?

— Как только я увидел эту разодетую образину, сразу понял, что у тебя с ним шашни! — не сдавался Боров, тыкая пальцем размером с сардельку в сторону Лафайета.

Он повесил лампу на крючок у двери, закатал рукава рубашки, обнажая бицепсы толщиной с коровью ляжку, и, вытянув руки вперед, прыгнул на кровать. Лафайет отчаянным усилием оттолкнулся ногой и свалился на пол, запутавшись в одеяле. Соответственно, Боров со всего размаха угодил головой в стену, после чего рухнул как подкошенный.

— Ну и ударчик у тебя, Лэйф, — раздался откуда-то сверху восхищенный голос Свайнхильды. — Так ему и надо, бульдогу проклятому, получил по заслугам.

Лафайет, окончательно запутавшийся в бескрайних просторах одеяла, боролся до конца и одержал верх, вылезая из-под кровати на глазах изумленной Свайнхильды.

— Какой ты забавный, — сказала она. — Сначала вырубил Борова одним ударом, а потом зачем-то забрался под кровать.

— Я искал контактные линзы, — сообщил Лафайет. — Но в них отпала надобность, потому что я раздумал составлять завещание. Лучше я переночую в чистом поле. — Он начал лихорадочно одеваться.

— Наверное, ты прав, — вздохнула Свайнхильда, откидывая прядь прекраснейших белокурых волос на голое плечо. — Когда Боров проснется, настроение у

него будет не из лучших. — Она надела рубашку и принялась натягивать на себя платье.

— Не беспокойся, я знаю дорогу, — торопливо сказал Лафайет. — Можешь не провожать.

— Провожать? Ты что, шутишь? Как я могу здесь остаться после того, что произошло? Давай-ка уберемся подобру-поздорову, пока Боров не пришел в себя, а то опять придется тебе драться, уж больно он страшен в гневе.

— Э-э-э... может, тебе действительно лучше несколько дней погостить у мамы? А когда Боров остынет, ты объяснишь ему, что он ошибся и напрасно подумал...

— Ошибся? — Свайнхильда изумленно на него посмотрела. — В чем? Ну да ладно, можешь не отвечать. Ты какой-то странный, Лэйф, но кажется, не хотел меня обидеть. Не то, что Боров, горилла проклятая!

Лафайету показалось, что он увидел слезинку, блеснувшую в голубом глазу девушки, но она быстро отвернулась и стала застегивать платье на пуговицы, а затем открыла дверцы стенного шкафа и достала тяжелый плащ.

— Соберу еды в дорогу, и сразу пойдем, — сказала она, выскальзывая из комнаты в темный коридор.

Лафайет покорно пошел следом, прихватив керосиновую лампу. На кухне он стоял, переминаясь с ноги на ногу, пока Свайнхильда упаковывала в корзину грубый хлеб, связку черных колбасок, яблоки, желтый сыр, а также кухонный нож и бутылку с жидкостью сомнительного пурпурного цвета.

— Ты очень заботлива, — сказал он, принимая корзинку из рук Свайнхильды. — Надеюсь, ты разрешишь мне заплатить, в знак моей глубокой признательности.

— Да брось ты, — отмахнулась Свайнхильда,

увидев, что он полез в карман. — Деньги нам пригодятся в пути.

— Нам? — Брови Лафайета изумленно приподнялись. — А где живет твоя мама?

— Что ты заладил одно и то же? Прямо маменькин сыночек какой-то. Моя старуха умерла, когда мне года не исполнилось. Ладно, сматываемся. А то Боров проснется и отправится на розыски.

Она толкнула ногой заднюю дверь, и в комнату ворвался ледяной порыв ветра.

— Н-но... мы не можем путешествовать вместе!

— Это почему? Нам по пути.

— Ты... ты тоже хочешь встретиться с герцогом?

— Плевать я хотела на герцога! Просто хочу побродить по большому городу, увидеть яркие огни, поразвлекаться, в конце концов, пока не стала старухой. Лучшие годы жизни я провела, стирая слоновьи носки, да и те приходилось отнимать с боем. И где благодарность? Только руку чуть не вывихнула, когда врезала ему сковородкой.

— Но... что скажут люди? Пойдут слухи, а Боров никогда не поверит, что я тобой не интересуюсь... то есть, в другом смысле не интересуюсь...

Свайнхильда вздернула подбородок и выпятила нижнюю губку: метод, с помощью которого принцесса Адоранна в свое время разбила тысячи сердец.

— Прошу прощенья, благородный рыцарь. Теперь и мне кажется, что я буду вам только в тягость. Так что идите-ка своей дорогой, а я уж как-нибудь доберусь.

Она резко повернулась и пошла по освещенной луной улице. На сей раз О'Лири не сомневался, что видел в ее глазах слезы.

— Свайнхильда, подожди! — Он кинулся за ней и уцепился за край плаща. — Я имел в виду... я не имел в виду...

— Нужны мне твои утешения, — пробормотала девушка, и Лафайету показалось, что она едва удер-

живается от рыданий. — Жила я на свете, пока тебя не было, и сейчас не помру.

— Свайнхильда, — запинаясь проговорил Лафайет, торопливо шагая рядом, — по правде говоря, я колебался, э-э-э-э, не решаясь путешествовать вместе, гмм-мм, только потому, что ты мне очень нравишься. Да. Я хочу сказать, кха-кха, что боюсь не совладать со своими чувствами, э-э-э, и могу... тебя обидеть. Вот. А ведь я — женатый мужчина, а у тебя есть муж. И... и...

Он остановился, окончательно запутавшись, ловя воздух ртом, а Свайнхильда повернулась, испытующе глядя на него. Внезапно она расплылась в улыбке и обняла руками за шею.

Мягкие бархатные губки слились с его губами, мягкое податливое тело прижалось к его груди.

— А я было испугалась, что старею, — доверительно призналась она, покусывая Лафайета за мочку уха. — Какой ты смешной, Лэйф. Наверное, из благородных, раз считаешь, что можно этим обидеть девушку.

— Вот-вот, — с готовностью подтвердил Лафайет. — К тому же меня волнует, что скажут твой муж и моя жена.

— Больше тебя ничего не волнует? Мне б твои заботы. — Свайнхильда растрепала рукой его волосы. — Пойдем. Если поднажмем, попадем в Миазмы до петухов.

Третья

Поднявшись на небольшой холм, О'Лири увидел внизу залитое лунным светом озеро, которое, казалось, простиралось до самого горизонта. На этой нескончаемой водной глади виднелась цепь островов, и на самом последнем горели далекие огни большого города.

— Трудно поверить, что именно здесь я когда-то шагал по знойной пустыне, — сказал он. — И если б не набрел на оазис, где стоял автомат с газированной водой, от меня остались бы одни воспоминания да высушенный скелет.

— У меня болят ноги, — простонала Свайнхильда. — Давай перекусим.

Они уселись прямо на землю, и О'Лири распаковал корзинку с продуктами, из которой мощно запахло чесноком. Нарезав колбасу кружочками, он сделал бутерброды, и они принялись за еду, глядя на звезды.

— Смешно, — сказала Свайнхильда. — Когда я была маленькой, мне почему-то казалось, что на каждой звездочке есть люди. Я думала, они живут в роскошных садах и целыми днями поют и танцуют. И еще я вообразила себе, что у меня нет родителей, и люди со звезд прилетят ко мне и заберут с собой.

— Самое забавное, — ответил Лафайет, — что я вообще ни о чем не думал, пока не очутился на Артезии. Научился фокусировать пси-энергию, и бац! Представляешь?

— Послушай, Лэйф, — сказала Свайнхильда. — Ты человек хороший, я от души тебе говорю: опом-

нись и не болтай глупостей. Мечтай себе на здоровье, только не верь мечтам, а то окончательно свихнешься. Забудь-ка ты лучше об этих энергиях и очнись, пока не поздно. Нравится тебе или нет, но живем мы с тобой на Меланже, будь он трижды неладен.

— Артезия, — прошептал Лафайет. — Я мог стать королем, но отказался от престола. Слишком хлопотно. Но ты была принцессой, Свайнхильда, а Боров — графом. Чудесный человек, если поближе с ним познакомиться...

— Это я — принцесса? — Свайнхильда невесело рассмеялась. — Я — кухарка и домашняя хозяйка, Лэйф. Разве ты можешь представить меня в кружевном наряде, с презрительной улыбкой на лице и каким-нибудь пуделем на веревке?

— Тигренком на поводке, — поправил Лафайет. — И ты никогда не улыбалась презрительно: тебя все любили за доброту. Конечно, ты на меня рассердилась, когда я пригласил служанку на Большой Бал...

— Конечно, и я была права, — подхватила Свайнхильда. — Не хватало только, чтоб на моем королевском балу танцевали всякие кухарки и служанки. Что, других баб тебе было мало?

— Ну, не скажи, — горячо запротестовал Лафайет. — Дафна была так же чиста и прекрасна, как самая прекрасная женщина на балу, кроме, может, тебя одной. Ей не хватало лишь горячей ванны да роскошного платья, чтобы засверкать во всем блеске.

— Н-да, чтобы сделать из меня леди, этого явно недостаточно, — сокрушенно пробормотала Свайнхильда.

— Ерунда! — воскликнул Лафайет. — Если б ты хоть капельку за собой следила, то была бы ничуть не хуже других!

— Ты считаешь, когда я напялю на себя платье в кружавчиках, да буду ходить на цыпочках и не марать рук, то стану лучше, чем сейчас?

— Я не это имел в виду... я имел в виду...

— О господи, опять тебя заело. Хватит, Лэйф. У меня есть тело, сильное и горячее, и если я ничего не смогу добиться в жизни, на кой ляд мне кружевные трусы?

— Знаешь, Свайнхильда, когда доберемся до столицы, я отведу тебя к парикмахеру, и он уложит твои волосы, а потом...

— Зачем мне портить волосы? Прекрати, Лэйф. Собирайся и пойдем. Нам еще топать и топать, а впереди — озеро, и переплыть через него — это тебе не языком трепать.

* * *

Они спустились с холма и очутились на заболоченном берегу, покрытом жижей, гнилыми водорослями и тухлой рыбой. Стоя по щиколотку в грязи, Лафайет и Свайнхильда дрожали от холода, беспомощно озираясь по сторонам. На далеком острове огоньки весело перемигивались, отражаясь в черном небе.

— Наверное, старый баркас затонул, — заметила Свайнхильда. — Раньше он ходил в город и обратно каждый час — полторашка в один конец.

— Придется поискать лодку, — сказал О'Лири. — Пойдем. Видишь избушки? Скорее всего, это — рыбачьи хижины. Может, удастся нанять человека, который согласится нас перевезти.

— Слушай, Лэйф, должна тебя предупредить: ты с этими рыбаками поосторожней. Запросто обчистят, дадут по голове и выбросят в воду.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть. Не стоять же на месте, в самом деле.

— Лэйф, — она схватила его за руку, — давай просто пойдем по берегу, найдем лодку, которая плохо привязана, и...

— Ты хочешь, чтобы я лишил несчастного рыбака средств производства? Свайнхильда, мне стыдно за тебя!

— О'кэй. Тогда ты подожди, а эти самые средства добуду я.

— Твои намерения не делают тебе чести, Свайнхильда, — твердо сказал Лафайет. — Мы будем действовать прямо и открыто. Честность — лучшая политика, запомни раз и навсегда.

— Странная политика, Лэйф. Ладно, валяй. В конце концов, речь идет о твоей шее.

Они зашлепали по грязи к ближайшей хижине — полуразвалившейся постройке с прогнившими венцами и ржавой печной трубой, почему-то торчавшей из стены. Из трубы валил черный дым; слабая полоска света пробивалась из-под ставен наглухо заколоченного окна. Лафайет постучал в дверь. Спустя несколько секунд послышался скрип пружинной кровати и хриплый голос произнес.

— Ну?

— Э-э-э... вас беспокоят двое путешественников, — сказал Лафайет. — Нам нужно попасть в столицу. Мы готовы хорошо заплатить... уфф!.. — Локоть Свайнхильды больно ткнул его под ребро, — ...если у нас хватит денег.

Послышалось невнятное бормотание, звук отодвигаемого засова, и дверь приоткрылась на шесть дюймов. В образовавшейся щели были видны лишь густая мохнатая бровь и покрасневший глаз, бессмысленно уставившийся на Лафайета.

— Тебе чего? — сказал глаз. — Псих, что ли?

— Не смейте выражаться! — Лафайет повысил голос. — Здесь присутствуют дамы.

Бессмысленный глаз уставился на Свайнхильду. В дверной щели появился расплывшийся в ухмылке рот, обнаживший несметное число больших желтых зубов.

— Что ж ты сразу не сказал, голуба? Совсем другое дело. — Глаз оценивающе посмотрел вверх, затем вниз. — Да, хороша пташка. Так чего, говоришь, тебе надо?

— Нам необходимо попасть в порт Миазм, — объяснил Лафайет, делая шаг в сторону и полностью закрывая Свайнхильду от глаза. — Это очень важно.

— Ага. Утром...

— Мы не можем ждать до утра, — перебил Лафайет. — Кроме того, в наши намерения не входит ночевать на болоте, и нам нужно замести следы... э-э-э... добраться до столицы как можно скорее.

— Ну... Знаешь что, приятель, я — человек добрый. Так и быть, пусть дама ночует со мной в хижине, а тебе я постелю плащ на берегу. Утром...

— Сколько раз повторять! — прикрикнул Лафайет. — Мы хотим переправиться на остров сейчас, сию минуту. Немедленно.

— Ага, — сказал абориген, зевая во весь рот и прикрывая его гигантской волосатой ладонью. — Без лодки твое дело не выгорит, босс.

— Послушай, — сказал О'Лири. — Я хочу дать тебе... — Он сунул руку в карман и достал очередной пятидесятицентовик, — ...эту монету, если ты доставишь нас в город. Или тебе не нужны деньги?

— Эй! — сказал рыбак. — Похоже на чистое серебро.

— Да, — ответил Лафайет. — Согласен?

— Ух ты, спасибо, кэп. — Рука потянулась к монете, но О'Лири быстро сунул ее обратно в карман.

— Нехорошо, — ледяным тоном произнес он. — Сначала перевези нас на остров.

— Ну. — Рука отпрянула и стала чесать голову со скрипом, напоминающим звуки строгающего рубанка. — Здесь есть одна закавыка, ваше сиятельство. Схожу, посмотрю, может, чего и выйдет. Но только цена моя будет другая. С вас-то монетка, ладно, а дама сама заплатит. — Рука вытянулась вперед, намереваясь смести О'Лири с дороги, и он резко ударил ее владельца по пальцам, после чего рука вновь отпрянула, и потревоженное место было

засунуто в рот. — Ага, — сказал абориген, с упреком глядя на Лафайета. — Больно, приятель.

— Жаль, что мало, — холодно ответил Лафайет. — Скажи спасибо, что я тороплюсь, а то выволок бы тебя из дома и задал настоящую взбучку.

— Ну? Мог бы чуток зашибиться, голуба.

Внутри хижины что-то зашевелилось, и из двери высунулась голова, за которой появились плечи, размером с добрую копну сена, массивный торс, а за ними и сам рыбак, который выполз на четвереньках, поднялся на ноги, величиной с телеграфные столбы, и выпрямился во весь рост — не меньше семи футов шести дюймов.

— Я же ничего не говорю, и с платой могу подождать, пока переедем, — сказало чудовище. — Даже лучше, что сначала разогреюсь. Жди меня здесь, кэп. Я быстро.

— Ну ты даешь, Лэйф, — прошептала Свайнхильда, когда гигантская фигура скрылась в тумане. — Сразу видно, что не из пугливых. — Она с сожалением посмотрела вслед великану. — Что-то в нем все-таки есть.

— Если он до тебя пальцем дотронется, я оторву ему голову и запихаю в его собственную глотку, — прошипел Лафайет.

— Эй, Лэйф! Да ты никак ревнуешь? — с восхищением сказала Свайнхильда и, на секунду задумавшись, добавила: — Смотри, не зарывайся. Хватит с меня скандалов. Посмотрит какой-нибудь бродяга на мою грудь, так Боров сразу в кулаки. Надоело.

— Ревную? Я?! Ты с ума сошла.

Лафайет сердито сунул руки в карманы и стал шагать взад-вперед, в то время как Свайнхильда напевала себе под нос, накручивая прядь волос на палец.

Прошло не менее четверти часа, прежде чем великан вернулся, крадучись, двигаясь на удивление бесшумно.

— Все готово, — сказал он хриплым шепотом. — Поехали.

— Чего это ты шепчешься? — громко спросил О'Лири подозрительным тоном. — Что...

Молниеносным движением гигант заткнул ему рот ладонью, жесткой, как подошва сапога.

— Тише, босс, — прошипел он, — а то разбудим соседей. Ребята вкалывают с утра до вечера и хотят выспаться.

О'Лири вырвался из железных объятий, отфыркиваясь от резких запахов селедки и дегтя.

— Хорошо, — тоже шепотом ответил он. — Извини, я не хотел никого беспокоить.

Взяв Свайнхильду за руку, О'Лири пошел за проводником по болотистому берегу к полуразрушенному каменному причалу, в конце которого была привязана грубо сделанная широкая плоскодонка. После того, как великан сел за весла, осадка лодки увеличилась дюймов на шесть. Лафайет помог Свайнхильде спуститься и заскрежетал зубами, когда мощные руки подхватили ее, как пушинку, и перенесли на корму.

— А ты садись на нос, кэп, и следи, чтоб мы не наткнулись на бревна, — сказал гигант.

Лафайет едва успел удобно устроиться, как весла опустились в воду, и от мощного гребка он чуть было не вывалился из лодки. Угрюмо вцепившись в борт, О'Лири видел, как под скрип уключин и плеск волн уменьшается и исчезает в густом тумане причал. Впереди далекие огни большого города продолжали перемигиваться, плавая в черной дымке неба. Сырой ветер пронизывал насквозь.

— Долго нам плыть? — хрипло спросил он, плотнее закутываясь в пиджак.

— Шш-шш-шш, — просипел великан, не оборачиваясь.

— В чем дело? — резко спросил Лафайет. — Может, теперь ты боишься разбудить рыбу?

— Будь ласков, друг, заткни пасть, — настойчиво прошептал абориген. — Знаешь, как звук разносится по воде? — Он наклонил голову, прислушиваясь. На берегу кто-то невнятно закричал.

— Вот видишь? — высокомерно произнес Лафайет. — Не все так заботятся о покое ближних, как ты. Должен заметить...

— Да замолчишь ты, падла, в конце концов, — сдавленным от ярости голосом прошипел великан. — Нас услышат!

— Кто? — громко спросил Лафайет. — В чем дело? — Почему мы ведем себя как преступники?

— Потому что парень, у которого я одолжил лодку, может обидеться, — пробормотал гигант. — А, теперь все одно. У ребят слух, как у летучих мышей.

— За что может обидеться парень, у которого ты одолжил лодку? — удивленно спросил Лафайет.

— За то, что я одолжил у него лодку.

— Ты хочешь сказать, что взял ее без разрешения?

— Стану я будить человека, чтобы спрашивать всякие глупости.

— Ты... ты...

— Меня зовут Хват, голуба. А ругаться будешь, когда нас поймают. Не бойся, ребята на месте сидеть не будут.

Хват наклонился вперед и мощным гребком послал лодку далеко вперед.

— Великолепно, — простонал Лафайет. — Вот она, награда за честность. Полиция идет по горячему следу, а нам приходится удирать.

— Я от тебя ничего скрывать не стану, босс, — доверительно сообщил Хват. — Эти ребята не лягавые. Нету у них глупых предрассудков. И если поймают, не жди повестки в суд.

— Послушай, — быстро сказал Лафайет. — Давай повернем назад и объясним, что произошло недоразумение...

— Может, вашему сиятельству хочется, чтоб его сожрали рыбы, но это не по мне, — отрезал Хват. — И надо подумать о маленькой леди. Ребята давно не видели девочек.

— Ты бы лучше поберег дыхание, — посоветовал Лафайет. — Чем болтать, греби сильнее.

— Если я буду грести сильнее, сломаются весла, — отпарировал Хват. — Похоже, нас догоняют, голуба. Надо бы облегчить корабль, кэп.

— Прекрасная мысль, — согласился Лафайет. — Что выбросим за борт?

— Да вроде бы нет здесь ни сетей, ни удилищ. А кроме меня, грести некому. И даму из лодки не выкинешь, пока нет нужды. Остаешься ты, приятель.

— Я? — недоуменно спросил Лафайет. — Послушай, Хват, ведь это я тебя нанял. Не можешь же ты...

— Что делать, босс. Такова жизнь.

Великан бросил весла, хлопнул ладонью о ладонь и повернулся к О'Лири.

— Но... кто тебе заплатит, если ты меня выбросишь? — спросил хитроумный Лафайет, пытаясь вжаться в деревянную банку.

— Ага... это ты верно подметил, — согласился Хват, почесывая подбородок, широкий, как Гибралтар. — Может, сначала рассчитаемся?

— Вот уж нет. Куда я, туда деньги.

— Ну... хватит разговоры разговаривать. Несправедливый ты человек, кэп, да ладно, получу с маленькой леди вдвойне.

Массивная рука вытянулась в его сторону. Лафайет пригнул голову как бык и ринулся вперед, намереваясь угодить великану в живот и почему-то натыкаясь на кирпичную стену, отбросившую его на борт. Отчаяннно цепляясь за неровное дно, О'Лири услышал какой-то свист, глухой удар, и в следующую секунду лодка оказалась в центре тайфуна. Ледяная вода обдала его с головы до ног.

— Спокойно, Лэйф! — крикнула Свайнхильда с кормы. — Я ему врезала веслом по голове, так что все в порядке. Чуть не утопил нас, гад. Давай вышвырнем его за борт.

— Ты... с ума... сошла, — с трудом произнес Лафайет, приходя в себя и уставившись на фигуру великана, рука которого, толщиной с небольшой дуб, свешивалась с лодки, чертя по воде след. — Он без сознания. Может утонуть.

Пробравшись на четвереньках к гребной банке, О'Лири забрал у девушки весло, вставил его в уключину, сделал гребок...

Раздался громкий треск, и Лафайет полетел вверх тормашками.

— Эх, слишком сильно я ударила, — с сожалением сказала Свайнхильда. — Сковородка была удобнее.

Лафайет вскарабкался обратно на банку, не обращая внимания на боль в плечах, спине, груди, пояснице и прочих частях тела.

— Придется грести одним веслом, — сказал он, тяжело дыша. — Ты не знаешь, в каком направлении?

— Понятия не имею, — ответила Свайнхильда. — Но, по-моему, ты можешь не стараться, Лэйф. Смотри.

О'Лири повернулся и увидел белое расплывчатое пятно треугольного паруса, надвигающегося на них с угрожающей скоростью.

— Баркас! — воскликнул он, глядя, как из тумана появляется корпус судна, на палубе которого стояли несколько рыбаков. При виде дрейфующей плоскодонки они радостно закричали и искусно причалили борт к борту. Лафайет разбил оставшееся весло о голову первого человека, прыгнувшего в лодку, но затем айсберг, о существовании которого он не подозревал, упал на него, погребая под сотнями тонн ледяных глыб и мамонтовых скелетов.

* * *

О'Лири пришел в сознание, не понимая, зачем ему понадобилось совать голову в ледяную окрошку и почему в его мозгу трезвонят праздничные колокола. К тому же пол качался во все стороны одновременно, а когда он попробовал за что-нибудь ухватиться, оказалось, что обе его руки отрезаны по самые плечи. Лафайет изо всех сил задергал ногами, в результате чего окунулся с головой в ледяную воду, полившуюся за воротник при очередном подъеме палубы. Он изогнулся, перекатился на спину и заморгал глазами, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. По крайней мере, руки были на месте: слишком уж сильно они болели, стянутые тугими веревками.

— Очнулся, мазурик, — послышался рядом веселый голос. — Дать ему пару раз по морде?

— Подожди. Сначала будем тащить соломинки.

О'Лири завертел головой, испытывая самые разнообразные ощущения, не относящиеся к числу приятных, и туман перед его глазами постепенно рассеялся.

Первым делом он увидел ноги, обутые в резиновые сапоги. Обладатели ног стояли на палубе, глядя на рыбака, обхватившего Свайнхильду сзади. Как раз в эту минуту девушка изловчилась и лягнула своего тюремщика ногой в голень. От неожиданности рыбак подпрыгнул и громко выругался.

— Живчик, да и только! — восхищенно сказал матрос с длинными жирными волосами. — Где соломинки?

— Откуда здесь соломинки? — ворчливо отозвался его приятель. — Будем тащить рыбу.

— Не по правилам, — пробормотал невысокий коренастый пират с иссиня-черной бородой и бакенбардами, между которыми с трудом можно было различить кончик носа. — Где это видано, чтобы бабу разыгрывали рыбой?

— Да бросьте вы, ребята, — вмешалась Свайнхильда. — Я сама привыкла выбирать мальчиков.

Вот ты, красавчик... — Она бросила многообещающий взгляд на верзилу с квадратной челюстью и рыжими волосами, чем-то похожего на свинью. — Ты мне больше всех нравишься. Неужели ты позволишь этим недоноскам помешать нашей любви?

Избранник Свайнхильды поперхнулся от изумления, но тут же расправил широкие плечи и выпятил грудь, ухмыляясь во весь рот.

— Значит, так, ребята...

Метко брошенный гарпун угодил точно в шею, и обладатель квадратной челюсти, взмахнув руками, рухнул на палубу.

— Ты это прекрати, — скомандовал хриплый голос. — Оставь свои бабьи штучки. У нас все поровну. Правда, ребята?

Вслушиваясь в одобрительный хор голосов, Лафайет умудрился принять сидячее положение и облокотился о румпель, надежно фиксированный канатом. Никем не управляемый баркас легко шел по ветру, рассекая волны. Руки у Лафайета совсем онемели, и он напряг мышцы, пробуя веревки на прочность, но они сдавили кисти как наручники. Матросы весело смеялись, поддразнивая Свайнхильду, а один из них, высунув язык от напряжения, пытался зажать в кулаке несколько копченых селедок. Предмет их лотереи стоял в насквозь промокшем платье, прилипшем к телу, высоко вздернув подбородок и выпятив посиневшую от холода нижнюю губу.

О'Лири застонал. Хорош защитничек! Это он втравил девушку в жуткую историю. Упрямый осел! Теперь вообще неизвестно, удастся ли унести отсюда ноги. Хват говорил, что аборигены скормят его рыбам. Наверное, оставили в живых, потому что не успели ограбить, а потом — нож под лопатку, и концы в воду. И Свайнхильда... бедная девочка, мечтавшая увидеть огни большого города. Головорезы наверняка ее прикончат. Лафайет изо всех сил напряг мышцы. Если б только освободить одну руку, он прихватил

бы на тот свет кого-нибудь из этих склабящихся обезьян! Если б только к нему хоть на мгновение вернулась способность фокусировать пси-энергию!..

Лафайет глубоко вздохнул и заставил себя расслабиться. Ему никогда не удастся развязать трехдюймовые веревки, но... может, ему удастся самое маленькое (нет, не вернуться на Артезию, или вызвать на бой дракона, или получить задарма коробку вкусных конфет), самое крошечное чудо — и тогда появится реальный шанс остаться в живых.

— Это все, о чем я прошу, — прошептал он, закрывая глаза. — Честное слово.

«Но мне необходимо задумать что-то определенное, — напомнил он сам себе. — Фокусировка пси-энергии — не волшебство, а концентрация определенных сил, с помощью которых можно управлять событиями. Вот, например, меня плохо связали...»

— Но тебя хорошо связали, — пробормотал он. — Нельзя изменить свершившийся факт; в лучшем случае можно повлиять на будущее. И то в известных пределах.

«В таком случае на палубе лежит нож, старый ржавый ножик, небрежно брошенный рядом с румпелем. Я бы мог дотянуться до него, и...»

— Проснись, скотина, — прогремел чей-то голос, и носок резинового сапога ударил Лафайета в ухо. Красочные круги и треугольники заплясали перед глазами О'Лири, и неожиданно он понял, что лежит на боку, а в нос ему бьет резкий запах сыра и чеснока. Что-то похожее на колючую проволоку царапало его шею. Повернув голову, он почувствовал под щекой раздавленное яблоко...

Лафайет затаил дыхание. Да ведь это же корзинка с продуктами! Пираты подняли ее на борт вслед за пленниками. А в корзинке был нож.

Лафайет приоткрыл один глаз и осторожно осмотрелся. Трое матросов обступили четвертого, тщательно изучая рыбьи головы, торчащие из кулака.

Пятый пират, явно не угодивший своим товарищам, скорее всего, сжульничавший, корчился на палубе в предсмертных муках. Свайнхильда лежала у борта, свернувшись в клубок, видимо, отброшенная в сторону за очередную провинность.

Стараясь двигаться незаметно, Лафайет принялся ощупывать палубу связанными сзади руками. Он наткнулся на ломоть промокшего хлеба, еще одно раздавленное яблоко, подполз к корзинке и залез внутрь. Пусто. Он осторожно продвинулся на шесть дюймов, раздвигая колбаски плечами и давя сыр лопатками. Ему помогли волны, раскачивающие баркас. Нож скользнул в руку, и пальцы Лафайета сжались на его рукоятке.

Матросы увлеченно тащили из кулака селедки, забыв обо всем на свете. Лафайет перекатился по палубе, сел на прежнее место у румпеля и ожесточенно принялся водить ножом по канату.

В течение минуты ему казалось, что ничего не выйдет, но внезапно раздался музыкальный «бенц!» — и румпель больно ударил Лафайета под ребра, поворачиваясь на девяносто градусов. Баркас накренился, уваливаясь под ветер. Парус обвис, потом вновь надулся с треском, напоминающим пистолетный выстрел. Заскрипели ванты. Нижний деревянный брус паруса описал полукруг, пролетая по воздуху на высоте человеческой шеи, в чем Лафайет убедился, глядя на четверых пиратов, выброшенных ударом за борт. Неуправляемый баркас продолжал мчаться по озеру.

Четвертая

— Бедная твоя голова, — сказала Свайнхильда, пожертвовавшая нижней юбкой ради того, чтобы наложить холодный компресс на одну из многочисленных шишек О'Лири. — Ребята швыряли тебя, как мешок с капустой.

Лафайет застонал, дотрагиваясь до распухшего горячего уха, по форме напоминающего картошку, и чуть повернул румпель, вглядываясь в туман.

— Они оказали нам услугу, — пробормотал он. — На веслах нам никогда не удалось бы дойти до города так скоро.

— До чего раздражает твоя дурацкая привычка во всем плохом видеть хорошее, — недовольно ответила Свайнхильда. — Одумайся, пока не поздно.

— Сейчас не время для мрачных размышлений, — подбодрил ее Лафайет. — Правда, мы продрогли, промокли и проголодались, но худшее позади. Пострадали моя голова да твое достоинство. Ничего страшного. Через несколько минут мы будем кушать вкусный суп и пить вино, а потом снимем номер в отеле и как следует выспимся.

Он ловко повернул баркас под ветер, проходя мимо высоких строений на гранитной набережной, чем-то напоминавшей амстердамскую, и причалил к молу, у которого покачивались несколько барж и шаланд. Свайнхильда бросила швартов сторожу, обмотавшему канат вокруг низкого каменного столбика. Газовые фонари раскачивались на ветру, освещая территорию порта, заваленную мусором и пищевыми отходами. Несколько матросов безразлично смотрели,

как Лафайет помог Свайнхильде сойти на берег. Шелудивый пес с поджатым хвостом прошмыгнул мимо, а так как он явно торопился по своим собачьим делам в Миазмы, они пошли следом.

— Какой огромный город, — испуганно озираясь по сторонам, сказала Свайнхильда. — И порт... такой большой и красивый, даже не ожидала. — Она рассеянно поправила упавший на лоб локон.

— Да-а, — с сомнением в голосе отозвался Лафайет и, взяв девушку за руку, повел ее к освещенному входу в таверну, над которым висела засаленная вывеска: «ПИЩА НА СЛАВУ».

В дымной, но теплой комнате они заняли угловой столик. Заспанный хозяин молча принял заказ и удалился.

— Совсем другое дело, — со вздохом облегчения произнес Лафайет. — Вечер начался неудачно, зато сейчас — грех жаловаться. Поедим горячего, пойдем в отель, и сразу спать. Жить можно.

— Мне страшно, Лэйф, — сказала Свайнхильда. — Очень уж он большой, этот город. И бездушный. Люди спешат куда-то, друг на друга не смотрят. У них совсем не осталось маленьких радостей. Я так не смогу.

— Спешат? — пробормотал Лафайет. — Как покойники в морге.

— Посуди сам, — продолжала Свайнхильда. — Глубокая ночь, а таверна открыта. Никогда такого не видывала.

— Послушай, сейчас десять вечера, — резонно возразил Лафайет. — Совсем не...

— И к тому же мне надо выйти, а поблизости ни одного куста.

— Для этого существует специальное помещение, — торопливо объяснил Лафайет. — Видишь, написано «ЛЕДИ».

— Внутри?!

— Конечно. Ведь мы в городе, Свайнхильда. Придется тебе привыкать...

— Ладно, неважно. Я быстренько сбегаю за угол...

— Свайнхильда! Немедленно в туалет!

— Тогда пойдем со мной.

— Не могу, он для женщин. Для мужчин рядом.

— Надо же! — Свайнхильда неодобрительно покачала головой.

— Иди скорее, через несколько минут принесут суп.

— Пожелай мне ни пуха ни пера.

Она встала со стула и неуверенно пошла вперед. Лафайет вздохнул, подвернул намокшие кружевные манжеты рубашки, вытер влажное лицо салфеткой, лежавшей рядом с тарелкой, и принюхался к восхитительным ароматам жарящегося цыпленка и лука, доносившимся с кухни. При мысли об ужине рот его наполнился слюной. Кроме нескольких кусочков салями и сомнительных сосисок, приготовленных Свайнхильдой, он с утра ничего не ел...

Утро... десять часов и миллион лет тому назад. Резной столик на террасе, белоснежная скатерть, начищенное серебро, безупречный дворецкий, наливающий легкое вино из замороженной и обернутой полотенцем бутылки, ломтики ветчины со специями, пшеничный хлеб, взбитые сливки, тоненькая, как папиросная бумага, фарфоровая чашечка с черным кофе...

— Эй, ты! — загремел с другого конца комнаты грубый голос, нарушая сладостные мечты О'Лири.

Решив, что в таверну забрел бродяга, которого собираются немедленно выставить за дверь, Лафайет оглянулся. У входа стояли двое мужчин в треугольных шляпах, голубых мундирах, обшитых золотом, и белых бриджах до колен. Они смотрели на него в упор.

— Точно, он, — заявил один из них, хватаясь за эфес шпаги. — Ух ты, целую неделю за ним гонялись!

Теперь награда наша. Все денежки получим сполна. Смотри, Заскок, только не упусти. — Шпага со свистом вылетела из ножен и замелькала перед глазами О'Лири. — Лицом ко мне, руки на стол, приятель. Замри. Мы тебя арестуем именем герцога.

Второй стражник вытащил из-за пояса обрез и направил дуло на голову Лафайета.

— Сам пойдешь, мерзавец, или подстрелить тебя при попытке к бегству?

— Послушайте, — раздраженно сказал О'Лири, — вы меня спутали с каким-то другим мерзавцем. Я только что появился в вашем городе и еще не успел нарушить законов; или у вас есть закон, по которому запрещено дышать?

— Пока еще нет, но все впереди. — Острие шпаги кольнуло О'Лири в плечо. — Смотри, какой умник выискался.

— Давай по-хорошему, приятель, — посоветовал Заскок. — Нам с Простофлем платят за живого, как за мертвого.

— Я своими глазами видел, как ты отчебучил моих друзей, которые всего только хотели тебя арестовать, — добавил Простофль. — У меня руки чешутся с тобой посчитаться.

Заскок взвел курки обреза.

— С ума вы все посходили, что ли! — вскричал Лафайет. — Я никогда в жизни не был в этой богом забытой дыре!

— Сказки рассказывай герцогу Родольфо! — Шпага еще раз кольнула его в плечо. — Ну-ка, лапки кверху, приятель! Не бойся, идти недалеко.

Вставая со стула, Лафайет бросил красноречивый взгляд на хозяина таверны, потом на дверь женского туалета. Хозяин моргнул, перекрестился и уставился в пол, яростно протирая хрустальные фужеры.

— Вы совершаете непоправимую ошибку, господа! — сказал Лафайет, подгоняемый острием шпаги на улицу. — Хватаете невиновного, в то время,

как преступник разгуливает на свободе. Ваш начальник будет недоволен.

— Нам все равно, за кого получать деньги, приятель. А теперь заткнись.

Несколько случайных прохожих испуганно посмотрели вслед стражникам, ведущим Лафайета по узкой мощеной улице в направлении угрюмой высокой башни. Они миновали железные ворота, охраняемые часовыми в той же форме, что у Заскока и Простофля, пересекли большой двор и подошли к двери, над которой горел красный фонарь. За дверью находилась ярко освещенная комната, до потолка увешанная плакатами: ИХ РАЗЫСКИВАЕТ ПОЛИЦИЯ. Посередине стояли деревянная скамья и стол, заваленный грудами пыльных бумаг.

— Гляди-ка, кто к нам пожаловал, — сказал сидящий за столом мужчина, обращаясь к Лафайету. Взяв гусиное перо, он придвинул к себе чистый бланк. — Неумно. Крайне неумно. Ты сделал большую ошибку, вернувшись в Миазмы.

— Я не...

Резкий удар в спину положил конец возражениям О'Лири. Его схватили под руки, втолкнули в длинный коридор через обитую железом дверь, свели вниз по металлической лестнице. Пахло, как в обезьяннике Сэнт-Лу.

— Ох, нет, — взмолился О'Лири. — Только не туда!

— Туда, туда, — охотно отозвался Простофль. — Прощай, шут гороховый!

И удар ногой в то место, на котором сидят, швырнул Лафайета вниз. Пролетев некоторое расстояние по воздуху, он свалился в камеру с низким потолком, освещенную светом одной-единственной свечи. По стенам камеры стояли клетки, из которых на него смотрели заключенные, напоминавшие обликом зверей. Между клетками сидел человек, поперек себя шире,

и, раскачиваясь на трехногом табурете, чистил ногти огромным кинжалом.

— Нашего полку прибыло, — сказал он голосом, похожим на скрежет тупой мясорубки, мелющей мясо вместе с костями. — Тебе повезло, что есть свободное место.

Лафайет, не дослушав, бросился вверх по ступенькам, но не успел пробежать и трех шагов, как железная решетка с грохотом рухнула, чуть было не раздробив ему пальцы на ноге.

— Эх, опять промахнулся! — сказал надзиратель. — Вечно мне не везет. Дюймом дальше, и пришлось бы отскребать тебя от пола.

— Что все это значит? — дрожащим голосом спросил Лафайет.

— Попался — терпи. Второй раз тебе не удастся улизнуть.

— Я требую адвоката. Не знаю, в чем меня обвиняют, но в чем бы меня ни обвиняли, обвинять меня не в чем!

— Да ну? — осведомился надзиратель, поднимая бровь в притворном изумлении. — Ты никогда ни с кем не дрался?

— Ах, вот оно что. Но я...

— Никогда ничего не крал?

— Без злого умысла. Плоскодонка...

— Никогда никого не соблазнял? Не пробирался по ошибке в чужую постель?

— Но я могу объяснить! — вскричал Лафайет.

— Можешь не стараться. — Надзиратель зевнул, перебирая связку ключей. — Твое дело слушалось в суде, и ты признан виновным по всем статьям уголовного кодекса. Советую как следует выспаться, ведь завтра твоя премьера.

— Завтра? Какая премьера?

— Да ты не волнуйся. — Надзиратель схватил Лафайета за воротник окончательно пришедшего в негодность пиджака и втолкнул в клетку. — Ма-

аленькое отрубание головы на заре. Ты — в главной роли.

* * *

Лафайет забился в угол клетки, стараясь не обращать внимания на боль и ломоту во всем теле. По полу взад-вперед бегали мыши; от зловония нечем было дышать; мощный храп раздавался со всех сторон. Изредка Лафайет почесывался, вылавливая неуемных насекомых и отгоняя мысль о неприятном событии, ожидавшем его в такую рань.

— Свайнхильда подумает, что я ёе бросил, — пробормотал он, обращаясь к своим коленям. — Никогда больше не будет доверять она женским уборным. Бедная девочка: одна, в средневековом городе, без денег, без друзей...

— Эй, Лэйф, — прошептал знакомый голос. — Иди сюда. Нам надо добраться до ворот минут за пять-шесть, пока не начнется обход.

— Свайнхильда! — Лафайет поперхнулся и, оглянувшись, увидел всклокоченные белокурые волосы, свисавшие из треугольного отверстия в стене, у которой стояла клетка. — Где... как... что...

— Чш-шш! Ты разбудишь надзирателя!

Лафайет бросил взгляд на тюремщика, восседающего на табурете, подобно мечтающему Будде. Сложив пальцы на необъятном животе и прислонившись к стене, он спал.

— Я буду пятиться, а ты ползи вперед, — шепнула Свайнхильда. — Здесь не развернуться.

Лафайет вскочил на ноги и в мгновение ока залез в грубый каменный тоннель, по которому дул холодный ветер.

— Положи камень на место, — вполголоса сказала Свайнхильда.

— Как? Ногами?

— А, черт! Ладно, может, никто не заметит.

Неожиданно они стукнулись лбами, и губы Ла-

файета случайно скользнули по ее щеке. Девушка захихикала.

— Ну, ты даешь, Лэйф! Нашел, когда приставать! Любой другой только и думал бы, как унести ноги!

— Как тебе удалось меня найти? — спросил Лафайет, продолжая осторожно ползти вперед.

— Хозяин таверны сказал, что тебя сцапали. Я шла следом до самых ворот, а там познакомилась с мальчиками. Один из них показал мне подземный ход. Какой-то заключенный удрал им дня три назад.

— И они тебе все рассказали, едва успев познакомиться?

— Сам посуди, что у них за жизнь, Лэйф? Вкалывают от зари до зари, денег не получают... жалко им, что ли, если какой-нибудь бедняга вырвется из когтей Родольфо?

— Вот уж действительно благородно с их стороны.

— Да, но как тяжело было моей спине! Ну и холодный этот каменный пол, на котором ребятам приходится выстаивать часами!

— Свайнхильда... ты хочешь сказать... ладно, неважно, — поспешно добавил Лафайет. — Я предпочитаю ничего не знать.

— Осторожно, милый, — предупредила девушка. — Здесь тоннель поднимается и выходит наружу за кустом. А рядом — часовой.

Цепляясь локтями, пальцами и ногтями, Лафайет полз вверх. У самого выхода он замер и стал ждать, когда Свайнхильда разведает обстановку.

— Давай! — услышал он сдавленный шепот, и мгновением позже они скрылись в тумане, а еще через несколько минут, пробежав по аллее, перемахнули через невысокую ограду и очутились в парке. Осторожно пробираясь между деревьями, они вышли на небольшую поляну, окруженную кустарником.

— Знаешь, Свайнхильда, а я о тебе думал, — признался Лафайет, в изнеможении опускаясь на

землю. — Представляешь, мне собирались отрубить голову, и только благодаря тебе я остался жив. До сих пор не верится. Это просто чудо.

— А ты спас меня от пиратов, — ответила Свайнхильда. — Если б не ты, эти образины и сейчас бы со мной развлекались.

— Да, но ведь из-за меня ты ушла из дома, и...

— А ты из-за меня поругался с Боровом. Не такой уж он плохой, вот только мозгов маловато, и вечно меня в чем-то подозревает. Могу поклясться, окажись он здесь, закатил бы жуткий скандал, застукав нас в кустах!

— Э-э-э... ты права, — согласился Лафайет, незаметно отодвигаясь от мягкого теплого тела. — Но сейчас надо решить, что делать дальше. Я не могу показаться людям на глаза: либо меня с кем-то путают, либо эти матросы — олимпийские чемпионы по плаванию!

— Нам так и не удалось перекусить, — напомнила Свайнхильда. — Тебя накормили в тюрьме?

— У них, наверное, повар был выходной, — печально ответил Лафайет. — С каким наслаждением поел бы я колбасок, которые остались в нашей корзинке.

— Ты подглядывал, — с упреком сказала Свайнхильда, разворачивая пакет и доставая салями, яблоко, кухонный нож и бутылку сомнительного вина, которые в последний раз О'Лири видел на борту баркаса.

— Умница моя, — восторженно прошептал бывший заключенный и принялся за дело, толсто накромсав пахнущую чесноком колбасу, разделив яблоко пополам и вытащив пробку из бутылки. — Нет ничего лучше ужина на свежем воздухе, — пробормотал он, прожевывая жесткое мясо.

— О такой жизни я могла только мечтать, — согласилась Свайнхильда, придвигаясь к нему и расстегивая две верхние пуговицы рубашки. — Большой

город, полная свобода, встречи с интересными людьми, осмотр достопримечательностей...

— Осмотр местных тюрем не доставил мне удовольствия, — возразил Лафайет. — Не можем же мы вечно жить под кустом. Придется возвращаться на баркас.

— Как? Ты хочешь уехать? Мы ведь даже не успели сходить в Музей восковых фигур!

— Досадное упущение, но, учитывая привычки местной полиции сначала рубить голову, а потом требовать паспорт, я переживу это несчастье.

— Обидно, Лэйф. И еще говорят, у них есть статуя Штурмбана, убивающего дракона, который так похож на настоящего, что из него течет кровь.

— Очень соблазнительно, — согласился О'Лири, — но жизнь — соблазнительней.

— Вот увидишь, если мы вернемся, Борову это не понравится, — предупредила Свайнхильда.

— А зачем тебе возвращаться? Оставайся здесь, в большом городе. Ведь топор плачет по моей шее. К тому же я собираюсь переправиться на другой берег озера. Ты случайно не знаешь, что там находится?

— Ничего особенного. Волшебные пустыни, Заговоренные холмы, дикари, Бескрайний Лес, драконы. И Стеклянное Дерево.

— А городов нет?

— Говорят, в замке под горой живет король гномов. Зачем ты спрашиваешь?

— Похоже, мне надеяться не на что, — пробормотал Лафайет. — Централь обычно посылает агентов только в крупные населенные пункты.

— Значит, ты влип, Лэйф. На Меланже единственный город — Миазмы.

— Не смеши меня, — проворчал О'Лири. — Не может быть на всей планете один город.

— Это почему?

— А потому... сам не знаю. — Он вздохнул. — Ты, конечно, права. Значит, придется мне все-таки уви-

деться с герцогом. Неплохо бы обзавестись маскарадным костюмом, фальшивой бородой, повязкой на глаз...

— Эх, ведь могла я украсть для тебя солдатскую форму, — сказала Свайнхильда. — Не подумала. И лежала-то она рядом со мной на стуле...

— Главное — проникнуть в замок. Если удастся увидеть герцога и доказать, что мне необходимо на Артезию, — дело в шляпе.

— Не торопись, Лэйф. Я слышала, Родольфо не жалует посетителей, в особенности после того, как один из них надел герцогу на голову его любимое кресло для отдыха.

— Что толку рассуждать, — буркнул О'Лири, — если я все равно не могу показаться на улице. Нужна маскировка. — Он отрезал еще один кусочек салями и принялся задумчиво жевать.

— Да не убивайся ты так, Лэйф, — попыталась утешить его Свайнхильда. — Кто знает, может, ты найдешь костюм прямо на дереве. В жизни все бывает.

— Ты права, девочка, и сама того не знаешь. Достаточно сфокусировать пси-энергию, и можно изменить любое событие, которое еще не произошло, и получить любую вещь, которую ты еще не видел. Когда-то я это умел.

— Ой, как здорово, Лэйф, — мечтательно сказала Свайнхильда. — Ты бы мог навыдумывать всяких украшений, вроде шелковых чулок или подушечек с вышивкой...

— Согласен на обыкновенный фальшивый нос с усами и вставной челюстью, — перебил ее Лафайет. — И, может, рыжий парик и монашеское одеяние с небольшой подушкой. И чтоб все это лежало вот за тем кустом, — он указал пальцем, — случайно забытое неизвестным, который...

Вздрогнув, О'Лири умолк и вцепился в Свайнхильду. Глаза его широко раскрылись от изумления.

— Ты ничего не чувствуешь?

— Чувствую. Сделай так еще раз.

— Разве ты не слышала... какой-то удар... мурашки по коже...

— Нет. Ты не дал мне досказать. А еще я хотела бы красивые кружевные штанишки с маленьким цветочком на...

— Свайнхильда!.. Чш-шш!

Лафайет наклонил голову, прислушиваясь. Из-за ближайших кустов донесся подавленный смешок, шуршание одежды...

— Жди меня здесь.

Лафайет осторожно пополз вперед, раздвигая листву карликового лимонного дерева. Звуки доносились откуда-то сбоку. Внезапно под его рукой треснула сухая ветка.

— Черт возьми, Пуделья, ты слышала? — зашептал нервный голос.

В зашевелившихся кустах появилась рыбья физиономия с бородой мышиного цвета. Голубые навыкате глаза тупо уставились на обомлевшего Лафайета. Раздался придушенный крик, и лицо исчезло.

— Твой муж! — зашептал дрожащий голос. — Разбегайся в разные стороны!

Вслед за женским визгом послышался топот убегающих ног. Лафайет облегченно вздохнул, выпрямился и неожиданно увидел на кусте что-то странное. Он подошел ближе. На ветке висела простая серая ряса из грубой шерсти, а рядом лежала черная шелковая подушка, вышитая золотыми и розовыми цветами.

— Великий боже! — прошептал Лафайет, чувствуя, как сердце на мгновение перестало биться. — Неужели же...

Он нагнулся и стал лихорадочно шарить по траве, почти сразу наткнувшись на неподвижного зверька, пушистого и мягкого. Дрожащими руками О'Лири поднес свою находку к глазам.

— ...Рыжий парик!

— Лэйф, что случилось? — раздался у него над ухом голос Свайнхильды. — Откуда у тебя?..

— Отсюда. Здесь... лежало.

— Ряса священника. И... моя подушечка!

Свайнхильда завизжала от радости и, схватив подушку, прижала ее к груди.

— Лэйф, ты опять подсматривал! Сознавайся! Решил надо мной подшутить и морочил голову всякими желаниями!

— Не хватает еще одного предмета, — пробормотал Лафайет, вновь наклоняясь и шаря по земле. — Нашел!

В лунном свете блеснули фальшивый нос с усиками и вставная челюсть.

— И мои штанишки, те самые! — в полном восхищении вскричала Свайнхильда, прижимая воздушное одеяние к груди другой рукой. — Ах ты, плут!

И не выпуская подушки и штанишек, она обхватила Лафайета за шею и горячо поцеловала в губы.

— О, господи, — сказал Лафайет, высвобождаясь из ее объятий. — Ко мне вернулись старые способности! Я не знаю почему, но... — Он закрыл глаза. — За миртовым деревом, — пробормотал он. — Роллс-ройс. С дизельным двигателем. — Выжидающе застыв, О'Лири открыл один глаз, подошел к дереву и осторожно заглянул за ствол. — Странно. Попробуем еще раз. — Позади скамейки. Маузер. Калибр семьсот шестьдесят пять. В черной кожаной кобуре. Заряженный. С запасной обоймой. — Он бросился к скамейке, переворошил все листья, но безуспешно. — Ничего не понимаю. Опять заколодило!

— Хватит, Лэйф, пошутил и будет. Пора сматывать удочки. Повезло тебе: парень наверняка оделся как священник, чтобы встретиться со своей куколкой. Еще и лучше, чем солдатская форма.

— Могло ли это быть простым совпадением? — бормотал Лафайет, отбирая у Свайнхильды подушку

и засовывая ее за пояс рясы. Надев парик, он начал прилаживать фальшивый нос.

Девушка захихикала.

— Как я выгляжу?

— Как обычный монах: того и гляди надуешь кого-нибудь.

— Ладно, сойдет.

— Конечно, сойдет. Послушай, Лэйф, плюнь ты на герцога. Из тебя получится совсем неплохой монах. Мы подыщем себе домик, повесим занавесочки на окна...

— Не говори глупостей, Свайнхильда, — укоризненно произнес Лафайет. — Родольфо — моя единственная надежда. Без его помощи мне никогда отсюда не выбраться.

Свайнхильда схватила его за руку.

— Лэйф, не ходи во дворец. Если поймают, ты и пикнуть не успеешь, как останешься без головы. Давай жить спокойно, как все. Заведем корову...

— Спокойно? Ты думаешь, мне доставляет удовольствие получать по голове, сидеть в тюрьме или прятаться в кустах?

— Я... я буду прятаться вместе с тобой, Лэйф.

— Спасибо, Свайнхильда, ты девушка хорошая, и я очень благодарен тебе за помощь, но не могу. Меня жена ждет.

— Ну и что? Она — там, а я — здесь.

— Нет, Свайнхильда. — Он потрепал ее по руке. — Смело иди вперед и не упусти своего счастья. Я уверен, тебя ждет большой успех. А мне надо закончить одно дело, и рассчитывать я могу только на себя. Прощай.

— М-может, в-возьмешь с собой? — она протянула ему бутылку вина и остатки колбасы. — Вдруг тебя опять запрячут в кутузку?

— Не надо. Надеюсь, в скором времени я отобедаю в более фешенебельной обстановке...

По аллее, скрытой кустарником, зацокали копыта.

Осторожно пробравшись между деревьями, Лафайет выглянул из-за ствола и увидел приближающийся верховой отряд кирасиров в лимонного цвета кожаных куртках и шлемах с плюмажами, за которыми великолепная пара вороных влекла золоченую карету красного дерева.

В открытом окне кареты мелькнула изящная рука в перчатке, бледно-голубой рукав бархатного платья, склоненная голова, лицо в профиль...

— Дафна!!! — закричал Лафайет на весь парк.

Кучер взмахнул кнутом, и лошади перешли на галоп. Не обращая внимания на боль, Лафайет продрался сквозь колючий кустарник и спустя мгновение бежал рядом с подножкой кареты. Пассажирка уставилась на него широко открытыми от изумления глазами.

— Дафна! — вскричал О'Лири, тяжело дыша и хватаясь за дверцу. — Дафна! Остановись! Подожди!

Ближайший к нему всадник эскорта проревел какую-то команду, и внезапно Лафайета окружили со всех сторон. Он увернулся от сабельного удара, споткнулся о камень и растянулся на земле, стукнувшись подбородком. С трудом подняв голову, он увидел исчезающую вдали карету и свирепое лицо с угрожающе закрученными усами.

— Бросьте негодяя в темницу! — взревел капитан эскорта. — Закуйте его в цепи! Положите его на голые доски! Но не убивайте. Пусть леди Андрагорра увидит, как он корчится в предсмертных судорогах!

— Дафна, — пробормотал Лафайет, чувствуя, что сердце его навек разбито. — Даже не оглянулась...

Пятая

Новая камера Лафайета была еще хуже старой. Он стоял в колодках на сыром цементном полу, площадью с ломберный столик. За решеткой работал человек с непомерно длинными руками, одетый с ног до головы во все черное. Весело насвистывая, он помешивал угли в небольшой раскаленной жаровне, над которой висели стальные зажимы, клещи, крюки и набор щипцов самых разнообразных размеров. Справа от жаровни стояла поставленная на попа кровать, а слева — гроб, утыканный длинными ржавыми гвоздями.

— Выслушай меня, — в девятый раз повторил Лафайет. — Это. недоразумение. Прошу тебя, разреши мне переговорить с герцогом или хотя бы написать ему письмо.

Человек в черном посмотрел на О'Лири и широко улыбнулся.

— Эх, друг! Побереги нервы! Тебе это все в новинку, а знаешь, сколько вас прошло через мои руки? Расслабься, успокойся и подумай о чем-нибудь приятном. Например, о цветах. Цветы — это хорошо. Представь себе, как они склоняют маленькие головки, забрызганные утренней росой, распускаясь под лучами солнца, и ты почти ничего не почувствуешь.

— Тебе виднее, — сказал Лафайет, искоса посмотрев на раскаленную жаровню. — Но я — простой турист, и ни в чем не виновен. Позволь мне хоть на минутку увидеться с герцогом, и обещаю, что замолвлю о тебе словечко...

— Ай-ай-ай. Побереги силы, друг. Сам виноват.

Зачем ты пошел на дело, не сняв монашеской рясы? Разве не знаешь, что стража с ног сбилась, разыскивая этого соблазнителя, который под носом герцога обделывал свои грязные делишки? Ты совсем с ума сошел, набросившись на Ее светлость перед воротами замка. Заметь, я тебя ни в чем не виню. Она — лакомый кусочек.

— И это все, что мне... гм-м... инкриминируют?

— А тебе мало? Ее светлостью интересуется сам герцог. И вряд ли ему понравится, что к ней приставал какой-то бродяга.

— И мне не отрубят голову на заре?

— Голову? Что ты, друг. Тебе назначена обычная процедура: каленое железо. А голову должны были отрубить парню, который превратился в летучую мышь и улетел в трубу.

— Жаль, я так не умею, — пробормотал Лафайет и зажмурился. — Я нахожусь на Артезии, — страстно прошептал он. — Прекрасная ночь, светят звезды, и мне надо пройти всего двадцать миль по пустыне...

— Заклинания? — с упреком в голосе спросил палач. — Доиграешься, друг, что тебя обвинят в колдовстве.

— Бесполезно, — простонал О'Лири. — Опять ничего не получается. Я застрял здесь... застрял навеки... если не удастся договориться с герцогом. Послушай, — сказал он с отчаянием в голосе, — может, ты сам сходишь к Родольфо? Если окажется, что я говорю правду, тебя наверняка повысят в должности.

— Но я не хочу другой должности, друг. В нашей профессии лучше меня не сыщешь. Я очень доволен работой.

— Тебе нравится быть палачом?

Человек в черном поморщился.

— Нам, добистам, не к лицу называться таким некрасивым именем, — сказал он расстроенным тоном. — Мы — добывающие истину специалисты —

не чета палачам, которые только позорят наше доброе имя. Попади ты в руки какому-нибудь мяснику, я бы тебе не позавидовал.

— Ты считаешь, надо закончить университет, чтобы научиться жечь раскаленным железом?

— Не упрощай, друг. Вот, например, мне строго-настрого приказано не превышать полномочий и считать тебя «абитуриентом» — есть у нас такой термин — до тех пор, пока не вернется Ее светлость. А так как приедет она не раньше, чем через две-три недели, сам понимаешь, какая тонкая, деликатная работа меня ждет.

— Послушай, — с фальшивой веселостью заявил Лафайет. — Почему бы тебе просто не забыть обо мне, пока Ее светлость не вернется? Тогда ты сможешь разрисовать меня красками и сделать парочку рубцов из воска...

— Как тебе не стыдно! — сурово перебил его добист. — Будем считать, я ничего не слышал. Позволь я себе такой обман, меня немедленно выгнали бы из гильдии.

— Давай договоримся, — предложил Лафайет. — Если ты дашь честное слово никому не говорить, то и я не скажу.

— Эх, заманчиво, но... нет. — Добист поворошил угли, поворачивая докрасна раскаленный железный прут. — Ничего не могу сказать, это ты неплохо придумал, но я не имею права нарушать традиций. Дело чести.

Он поднял прут, критически осмотрел его, лизнул палец и слегка дотронулся до железа. Послышалось громкое шипение.

— В самый раз. Если тебе не трудно, разденься до пояса. Можно начинать.

— О, я не тороплюсь, — быстро сказал Лафайет, отступая к задней стене камеры и лихорадочно ощупывая каменную кладку за спиной.

«Один-единственный расшатанный камень, —

взмолился он. — А за ним — ма-аленький потайной ход...»

— Честно говоря, я уже отстал от графика. Что ты скажешь, если мы потихоньку начнем с эпидермы и постепенно перейдем к нервным центрам? А потом сделаем перерыв на ужин. Да, кстати, забыл спросить: тебе нужен паек? Всего полтора доллара за салат с цыпленком и пирожок с вареньем.

— Спасибо, не надо. Во-первых, я провожу лечебное голодание, а во-вторых, сижу на диете. Разве я не говорил, что нахожусь под наблюдением врача? И в особенности мне противопоказан шок. Так что...

— Если б от меня зависело, я бы накормил тебя бесплатно, по-американски, но...

— Что ты знаешь об Америке? — вскричал Лафайет.

— Кто не знает Луиджи Американо, рубаху-парня, главного поставщика яиц. Жаль, конечно, что герцог у нас скряга...

— Я все слышу, Стонруб, — прогремел вибрирующий баритон.

Высокий мускулистый мужчина с одутловатым лицом, зачесанными назад гладкими седыми волосами и в очках в тонкой золотой оправе стоял в дверях у дальней стены. На нем были желтые вельветовые джинсы, кожаные туфли с закругленными носами, кружевная рубашка и короткий, отороченный горностаем плащ. На пальцах сверкали кольца с драгоценными камнями. Лафайет уставился на него, потеряв дар речи.

— Привет, Ваша светлость, — спокойно сказал палач. — Кушайте на здоровье. Сами знаете, я не шепчусь за вашей спиной, режу правду-матку прямо в глаза.

— Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко, — буркнул герцог. — Оставь нас. Мне надо поговорить с заключенным.

— Ваша светлость! Это нечестно! Мой стержень

номер четыре только-только нагрелся до рабочей температуры!

— Как ты думаешь, я смогу здесь сидеть, если будет пахнуть горелым?

— Гм-мм... верно.

Стонруб швырнул прут на жаровню, с сожалением глядя на О'Лири.

— Прости, друг. Я не виноват.

Седовласый, прищурившись, смотрел на Лафайета в упор, и как только дверь за добистом закрылась, подошел к решетке.

— Итак, это все-таки вы, — резко сказал он и умолк, нахмурившись. — В чем дело? Что вы на меня уставились?

— Н-н-никодим? — прошептал О'Лири.

— Если это пароль, я его не знаю, — сурово ответил герцог.

— Вы... не Никодим? Не инспектор Централи? Вы не можете позвонить, чтобы меня быстренько отправили обратно на Артезию?

Родольфо возмущенно посмотрел на Лафайета.

— Прекратите издеваться надо мной, Ланцелот! Сначала вы врываетесь в мой кабинет и устраиваете скандал, затем удираете из моей самой надежной тюрьмы на глазах моей самой неподкупной стражи. После этого вы, не скрываясь, появляетесь на пристани, прямо-таки напрашиваясь на арест. Затем вы опять удираете и появляетесь в третий раз, пристава к одной леди — не будем называть ее имени — у ворот моего дворца. Очень хорошо, может, я немного упрям, но мне кажется, я вас понял: вы хотите мне что-то сказать.

— Да? — слабым голосом произнес Лафайет. — О, да... значит, вы поняли?

— Я вас слушаю.

— Вы... меня?

Герцог нахмурился.

— Значит, ты решил меня шантажировать? Ниче-

го у тебя не выйдет. Валяй, исчезай снова, развлекайся! Но не жди, что я приползу на коленях, умоляя сообщить сведения о леди Андрагорре...

Последнюю фразу он закончил вопросительным тоном и посмотрел на Лафайета тоскливым взглядом.

— Леди Андрагорре? — пробормотал О'Лири. — Сведения?..

Герцог вздохнул.

— Хорошо. Допускаю, я вел себя некорректно и готов признать ошибку. Я был неправ, Ланцелот. Хотя вряд ли ты можешь упрекнуть меня, если вспомнишь историю с тухлым яйцом и бутылкой чернил! И тем не менее, я согласен помириться. Я даже извинюсь, хотя это против моих правил. Теперь ты согласен поговорить со мной, как джентльмен с джентльменом?

— Э-э-э... давайте мириться, — ответил Лафайет, лихорадочно думая, как бы чего не ляпнуть. — Но камера для пыток — неподходящее место для дружеской беседы.

Герцог хмыкнул и, секунду подумав, громко позвал Стонруба.

— Проследи, чтобы этого дворянина освободили, помыли, накормили, одели, согласно его положению в обществе, и привели в мои апартаменты через полчаса, — приказал он и, бросив на Лафайета угрожающий взгляд, добавил: — И никаких исчезновений, Ланцелот.

— Ну вот, подфартило, — философски заметил Стонруб, глядя в спину герцога, закрывающего за собой дверь. — Жаль, не успел показать тебе несколько славных приемов, но все равно, приятно было познакомиться. До встречи, друг.

— Спасибо, — сказал Лафайет. — Послушай, Стонруб, что ты знаешь о леди Андрагорре?

— Не больше других. Она — самая богатая и са-

мая красивая леди на всем Меланже, а страсть герцога к ней горит как огонь в Чикаго.

— Ты слышал о чикагском пожаре?

— Конечно. Пивнушка. Сгорела на прошлой неделе. А что?

— Ладно, неважно. Ты говоришь?..

— Увы! Его светлости никогда не удастся близко познакомиться с Ее светлостью.

— Почему?

Стонруб ухмыльнулся и игриво ткнул Лафайета локтем в бок.

— Потому что у нее есть другой. Это все знают.

— Другой?

О'Лири почувствовал, что его сердце подпрыгнуло до горла, ушло в пятки и вернулось на прежнее место.

Стонруб понизил голос до шепота:

— Герцог Родольфо ничего не знает, но он играет вторую скрипку после одного мошенника по имени Лоренцо Долговязый, или Ланцелот Счастливчик — точно не помню, как его зовут.

— Лоренцо Долговязый? — прохрипел О'Лири, морщась от боли и глядя, как добист снимает с него колодки.

— Если верить официальному сообщению, миледи отправилась навестить свою тетку-старушку и ее двенадцать кошек, — доверительно сообщил Стонруб. — Но между нами говоря, ходят слухи, что леди Андрагорра уехала в Закличарье и намерена провести медовый месяц в охотничьей избушке.

— М-медовый месяц?

— Да. Пойдем, друг. Отведу тебя к служанке, а дальше — ее забота.

* * *

Когда Лафайета, принявшего ванну, прекрасно накормленного и одетого по последней моде, ввели в кабинет, герцог Родольфо сидел в мягком кожаном

кресле за небольшим столиком, уставленном бутылками, фужерами и рюмками.

— Садись, Ланцелот, — сказал он, явно заставляя себя разговаривать дружеским тоном. — Бокал вина? Сигару?

— Благодарю. — Со вздохом облегчения Лафайет опустился в кресло и зевнул, рискуя вывихнуть челюсть. — Прошу прощенья, — извинился он и на всякий случай добавил: — Привык ложиться рано. И кстати, мое имя — Лафайет.

— Хорошо пообедал?

— Немного мешали девушки, которые вшестером терли мне спину, накладывали пластырь на ссадины и массировали ушибы. Но я ценю твою доброту.

— Превосходно. А теперь поговорим без обиняков. Какие у тебя... э-э-э... отношения с леди Андрагоррой?

— Отношения с леди Андрагоррой... — повторил Лафайет. — Гм-мм... как тебе сказать... я — ее муж.

Лицо герцога окаменело.

— Муж?! — голос его рубанул воздух, подобно падающему ножу гильотины.

— Троюродный муж, — торопливо поправился Лафайет. — Мы почти незнакомы.

— Миледи никогда не была замужем, — чеканя каждое слово, сообщил Родольфо. Он потянулся за бутылкой виски, налил себе на два пальца и опрокинул рюмку одним глотком. — К тому же она разведена.

— Очаровательная девушка, — все так же торопливо продолжал Лафайет. — Веселая, жизнерадостная...

— Меня не интересуют интимные подробности, — перебил Родольфо и закусил нижнюю губу. — Капитан Пифпаф доложил, что ты пытался заговорить с ней на улице.

— Прекрасный человек, капитан Пифпаф, — радостно заявил Лафайет, довольный, что может пере-

менить тему разговора. — И... э-э-э... очень настойчивый.

— Хотел бы я знать, чем ты оскорбил несравненную леди? Она тебя просто презирает.

— Все началось с хлопушки в постели, — охотно ответил Лафайет, но, увидев черную тучу, затмившую герцогское чело, мгновенно перестроился. — Хлопушка — это кошка, — объяснил он. — Андрагорра вбила себе в голову, что будет с ней спать. А у меня от кошек аллергия, так что сам понимаешь, какие у нас были отношения.

— Ты хочешь сказать... что никогда... ни разу...

— Вот именно. — Лафайет отер потный лоб рукавом кружевной рубашки и налил себе большую рюмку виски.

— Считай, что тебе крупно повезло, Ланцелот, — сурово сказал Родольфо. — В противном случае я вынужден был бы немедленно отрубить тебе голову.

— Меня зовут Лафайет. И давай не будем начинать все сначала, — ответил О'Лири, переводя дух после крепкого виски. — Ты хотел поговорить со мной, как джентльмен с джентльменом. Я тебя слушаю.

Герцог забарабанил пальцами по столу.

— Дело в том, что я испытываю чувство привязанности к данной леди, — признался он. — Естественно, я предложил ей провести вместе отпуск. Не пожелав оправдать оказанного мною доверия, она отказалась, сославшись на то, что еще раньше договорилась навестить престарелую родственницу.

— Ну и что?

— Возможно, я излишне мнителен, но мне показалось, она разговаривала без должной страсти. — Герцог наполнил свою рюмку.

— А может, ты не в ее вкусе, — ответил Лафайет, следуя примеру герцога.

— Не в ее вкусе? Что ты имеешь в виду?

— Во-первых, ты ей в отцы годишься, — напомнил Лафайет.

— Не имеет значения.

— Для тебя. А во-вторых, только не обижайся, ты какой-то невеселый. Даф... леди Андрагорра любит порезвиться...

— Невеселый? Как я могу веселиться, обремененный государственными делами, измученный бессонницей, изжогой и отсутствием денег?

Герцог схватил бутылку за горлышко и наполнил рюмки до краев.

— Вот и я говорю, Твоя светлость. Сплошная работа и никаких развлечений делают Родольфо скучным.

— Сплошная работа и никаких... клянусь своими поджилками, сэр, неплохо сказано!

Они чокнулись. Герцог задумчиво облизнул губы.

— Теперь я все понял. Каким идиотом я был! Почему ж не подошел к ней честно, открыто, предложив, например, весело прогуляться по музею или бесшабашно поиграть в карты?

— То-то и оно, Родольфо.

На сей раз рюмки наполнил Лафайет.

— Ты мог бы даже предложить ей прогулку в парке, отдых на пляже и пикник на лужайке. Когда муравьи ползают в картофельном салате, для любви нет преград. Твое здоровье!

— Конечно, мой мальчик! Как это мне раньше в голову не пришло? — Наполняя рюмки, Родольфо расплескал виски на скатерть. — Я был дураком! Бесчувственным идиотом!

— Не упрекай себя, Руди, — сказал Лафайет, поднимая рюмку. — В конце концов, тебе надо было управлять государством.

— Верно. Но теперь я прозрел, и все благодаря тебе, мой мальчик. Я буду кормить ее своими любимыми яствами, мы будем слушать мою любимую музыку, я подарю ей изысканные вина, завалю моими

любимыми книгами, духами, закидаю нарядами, которые пойдут ей больше всего...

— Руди! Остановись! Не хочешь ли ты немного подумать о вкусах самой леди?

— Как может она возражать, когда ей подадут нарубленную куриную печенку в белом вине, а мой оркестр сыграет «Траурный марш» Сеула?

— И оденешь ты ее по последней моде? Трудно сказать, Руди. Женщины — странные животные. Никогда не знаешь, что они думают. Напомни мне как-нибудь об одной принцессе, с которой я был обручен...

— И я начну сейчас, немедленно! — воскликнул Родольфо и ударил кулаком по столу. — Я... черт возьми, ничего не получится. Она уехала из города и вернется только через две недели.

— Недурна была девочка, — сообщил Лафайет. — Но стоило мне на минутку отвернуться...

— В конце концов, герцог я или не герцог? И какой смысл быть герцогом, если герцог не может отдать приказ? — Родольфо победоносно посмотрел на Лафайета. — Я прикажу, чтобы ее вернули. Кавалерийский отряд догонит ее за два часа, а я тем временем охлажу мое любимое вино.

— Ах, Руди, — запротестовал Лафайет. — Поклонение, а не сила, разве ты забыл?

— Это слишком хлопотно.

— Неужели ты хочешь иметь забитую рабыню, угрюмо подчиняющуюся всем твоим прихотям, вместо ласковой и воркующей голубки, восхищенной твоими галантностью и умом?

— Гм-мм... При такой постановке вопроса рабыня кажется мне куда практичнее.

— Ерунда, Руди. Ты ведь не откажешься, если этот лакомый кусочек, этот созревший плод достанется тебе в целости и сохранности? Поэтому не посылай потных солдат, которые притащат ее за волосы, визжащую и царапающуюся, а отряди чрезвычайного посла, который передаст ей твои по-

желания с учтивостью, достойной великого герцога. — Лафайет икнул и, опрокинув бутылку над рюмкой, постукал по донышку.

— Черт возьми, сынок, ты как всегда прав. — Родольфо нахмурился. — Но кому из кретинов и пьяниц, меня окружающих, могу я доверить столь важное дело?

— Тебе нужен человек, доказавший свою преданность, ум и храбрость. Благородный рыцарь, находчивый, галантный, образованный, а не мужлан, который продаст лошадь и автограф твоего письма первому встречному.

— Какого письма?

— Того, в котором ты напишешь, что поклоняешься ей издалека, — сказал Лафайет. Он потряс пустую бутылку и бросил ее через плечо.

— Великолепно! — воскликнул Родольфо и вновь ударил кулаком по столу с такой силой, что бокалы подпрыгнули. — Но... что я ей напишу? — Он задумчиво принялся грызть ногти. — Честно говоря, мой мальчик...

— Зови меня просто Лафайет, Руди.

— Мне казалось, тебя зовут Ланцелот, — рассеянно заметил герцог. — Только вот сочинитель из меня никудышный, а ты говоришь, я должен...

— Что за бред, Руди. С чего ты взял?

— Как! Ты ведь сам предложил мне написать письмо.

— Я имею в виду, что меня зовут Ланцелот?

— Ланцелот... При чем здесь Ланцелот? — Родольфо удивленно посмотрел по сторонам и внезапно расплылся в счастливой улыбке. — Конечно! — воскликнул он. — Конечно, Ланцелот! Ты предан, благороден, изобретателен, и у тебя есть голова на плечах. Ты пьешь? — вызывающим тоном спросил он, выплевывая в бокал кусочек ногтя.

— Как я могу пить, когда бутылка пустая?

— Великолепно. Нельзя доверять человеку, кото-

рый не умеет пить. Кстати, бутылка пустая. — Родольфо поднялся, неуверенно прошел в угол кабинета, открыл сейф, достал непочатую бутылку виски и по синусоиде вернулся обратно в кресло. — Значит, решено. Отправляйся к этой особе, Ланцелот, излей ей свою душу, признайся в любви, а главное, объясни, что ухаживать за мужем и повелителем — высший долг женщины, и хоть ты можешь предложить ей лишь жалкое существование рабыни, она должна утешиться тем, что жизнь не вечна.

— Очень убедительно, — согласился Лафайет, осторожно вытаскивая пробку из бутылки. — Но мне почему-то казалось, это ты хочешь с ней познакомиться. — Он нахмурился, недоуменно глядя на Родольфо. — Или я что-то напутал?

— Клянусь небом, Ланцелот, ты прав! Это ведь я ее хочу. — Герцог бросил на Лафайета подозрительный взгляд. — Слишком смело с твоей стороны становиться между нами. Она без ума от меня, но стесняется признаться, и я намерен послать за ней чрезвычайного посла, который притащит ее за волосы, ласковую и воркующую.

— Гениальная мысль, — согласился Лафайет, наливая виски между рюмками. — А кого ты хочешь послать?

— Гм-мм... может, Стонруба?

— Ни в коем случае. Какой он дипломат?

— Ланцелот! Я придумал! Почему бы мне не послать тебя?

— Меня? Ни за что, Руди. Ты нарочно так говоришь, чтобы помешать мне добиться того, чего я хочу.

— А чего ты хочешь?

— Чтобы ты послал меня за леди Андрагоррой.

— Об этом не может быть и речи! Твоя наглость не знает границ!

Родольфо схватился за бутылку и расплескал виски по рюмкам.

— Я готов пойти на уступки, — сказал Лафайет, хитро поглядывая на герцога.

— Что ты имеешь в виду?

— Я передам леди твое устное послание, а ты за это назначишь меня чрезвычайным послом. Можно наоборот. Согласен?

— По-моему, справедливо. Значит, так: когда догонишь Андрагорру, расскажи ей о моем увлечении, о моих выдающихся способностях и безупречном поведении, объясни, что она не прогадает, и не забудь напомнить, как необычайно ей повезло.

— Что-нибудь еще?

— Категорически нет. Я запрещаю. — Родольфо сурово посмотрел на Лафайета. — Дальнейшие ухаживания я беру на себя.

— Уговорил, Руди. Я готов выполнить твою просьбу.

— Я знал, что могу на тебя положиться, — прочувствованно всхлипнул герцог и, поднявшись с кресла, протянул Лафайету массивный перстень. — Мой дворец в твоем распоряжении. Я никогда этого не забуду, мой мальчик. Ты подарил мне надежду.

— Перестань, Руди. А теперь иди спать. Завтра у меня тяжелый день.

— Какой завтра день?

— Вторник.

— Ах да, конечно. И если мы заговорили о завтрашнем дне, я приготовил для тебя небольшой сюрприз. Смотри, не проговорись, но где-то я слышал, что завтра ко мне в гости приедет одна леди.

— Руди! Какое счастье! Поздравляю!

— Только не болтай лишнего, говорят, это к несчастью. А теперь мне пора идти. Желаю приятно провести вечер.

— Стой, Руди, куда ты? Мы еще не закончили. — Лафайет поднял вверх наполовину пустую бутылку и заморгал глазами. — Даже не начали, — пробормотал он.

— Я никогда не пью, — решительно заявил герцог. — Алкоголь губит мозговые извилины. Спокойной ночи, Ланцелот.

Он неуверенно подошел к двери и переступил порог, держась за стенку.

Лафайет остался стоять, качаясь, посредине кабинета, который, казалось, вращался вокруг него все быстрее и быстрее. С трудом добравшись до ванной комнаты, он сунул голову под струю холодной воды и яростно растер волосы полотенцем, а затем, достав из платяного шкафа теплый плащ для верховой езды, сунул в карман коробку сигар, заткнул перчатки за пояс и вышел в коридор.

Он разбудил главного конюха, потребовал лучшую лошадь в конюшнях и пятью минутами позже, чуть покачиваясь в седле, предъявил герцогский перстень у ворот. Стражники заворчали, но открыли. Промчавшись по темным улицам до гавани, с помощью того же перстня он реквизировал небольшую баржу, не обращая внимания на возражения сонного хозяина. Часом позже, продрогнув от холодного ветра, О'Лири высадился на западном берегу озера. Узкая проселочная дорога уходила в густой лес.

— Отряд леди Андрагорры тоже вы перевозили? — спросил он у дрожащего лодочника.

— Да, если этот сброд можно назвать отрядом. Ну и ночка. Помяните мое слово, снег выпадет еще до зари. — Хозяин баржи подул на посиневшие пальцы.

— Для полного счастья только этого мне не хватало, — пробормотал Лафайет, обращаясь к поднятому воротнику плаща. На мгновение задумавшись, он вздохнул, пришпорил лошадь и поскакал, не оглядываясь, вперед, в лесную мглу.

Шестая

В течение двух часов Лафайет скакал, не останавливаясь, по извилистой лесной дороге, все время поднимавшейся вверх. Ему приходилось объезжать огромные валуны, переправляться через речки, каменистые берега которых поросли мхом, но он не боялся заблудиться, так как на земле отчетливо были видны следы, оставленные колесами кареты и копытами лошадей. Холодный ветер продувал плащ насквозь.

— Куда я спешу? — бормотал О'Лири, раскачиваясь в седле. — И главное, зачем? С самого начала я повел себя глупее некуда, и прежде всего не настоял, чтобы Фитильзад соединил меня со своим начальством. Правда, я не понимал, где нахожусь, и кстати, до сих пор не понимаю. Меланж. Что такое Меланж? Кто о нем слышал? Миазмы... ну и дыра.

И, конечно, он не имел права впутывать Свайнхильду в свои дела. Бедной девочке и так несладко жилось, а он свалился ей, как снег на голову, и всего за двенадцать часов умудрился разрушить семью. А потом, как последний болван, угодил за решетку и, не успев удрать, набросился на Дафну — то есть леди Андрагорру, — напугав ее до полусмерти. Глупее не придумаешь. Ему следовало догадаться, что она его не знает: на сцене этого сумасшедшего мира все знакомые лица играли другие роли. А затем — дурацкая попойка с герцогом...

— С какой стати я потерял полночи, пытаясь перепить Родольфо, в то время как леди Андрагорра уезжала все дальше и дальше? — простонал он. —

И если на то пошло, какое мне дело до леди Андрагорры? Она меня презирает, если верить Руди, и чего доброго, прикажет высечь кнутами в благодарность за все мои мучения. А что делать? Не могу же я допустить, чтобы ее облапошил Лоренцо Долговязый. Или Ланцелот Счастливчик?

О'Лири приподнялся на стременах. Его руки, пальцы на ногах и мочки ушей онемели от холода. Когда же, наконец, он ее догонит? Следы выглядели не свежее, чем на берегу озера.

Лафайет пришпорил коня, переходя на галоп, пригнулся к холке, уклоняясь от больно стегающих сосновых ветвей, и за первым же поворотом увидел большой темный предмет. Карета красного дерева неподвижно стояла, преграждая путь. Сорванная с петель дверца скрипела, раскачиваясь, от порывов ледяного ветра.

— Ого! — сказал О'Лири, резко подбирая поводья и чувствуя неожиданную сухость во рту. — Похоже, здесь поработали разбойники.

Он спрыгнул с лошади, поморщившись от головной боли, подошел к карете и заглянул внутрь. На обитом розовым бархатом сиденье лежал маленький кружевной платок. Лафайет поднял его и принюхался.

— Лунная Роза, — пробормотал он. — Любимые духи Дафны.

Никаких следов поблизости не было. И лошади, и отряд сопровождения как сквозь землю провалились; на дороге валялась лишь одинокая шпора.

— Странно, что нет трупов, — задумчиво произнес Лафайет. — Наверное, солдаты струсили и сдались без борьбы.

Он совсем было собрался сесть в седло, чтобы продолжить поиски верхом, когда кусты зашевелились.

— Ни шагу вперед, или я заколю тебя, как цыпленка, предатель! — прогремел за его спиной угрожающий голос.

Хватаясь за эфес шпаги, Лафайет резко повернулся и увидел разъяренное усатое лицо и обнаженный клинок в нескольких дюймах от своего горла. Он и глазом не успел моргнуть, как его окружили вышедшие из-за кустов солдаты в желтых мундирах.

— Вернулся полюбоваться на свою работу? — Капитан ткнул шпагой в грудь Лафайета. — Решил прикарманить оставшиеся ценности? Сознавайся, жалкое отродье, где леди Андрагорра?

— Но я х-хотел задать в-вам тот же вопрос!

— Говори, или мои ребята разорвут тебя на мелкие кусочки голыми руками!

— Кто ее охранял: вы или я? — ответил Лафайет, постепенно справляясь с изумлением. — Почему вы удрали и оставили ее одну? Струсили?

— Ах вот как ты заговорил! А сам наверняка собираешься запросить выкуп за ее возвращение! — Острие шпаги проткнуло плащ, и Лафайет вскрикнул от боли. — Я тебе покажу выкуп, змея подколодная! Говори! Что ты сделал с прекраснейшей из женщин, которую когда-либо сопровождал наш эскадрон!

— Я — лицо официальное, — тяжело дыша, ответил О'Лири. — Посмотри на перстень.

— Не снимается, — доложил капрал. — Прикажете отрезать?

— Ты хочешь нас подкупить? — рявкнул капитан. — Такой безделушкой?

— Конечно, нет. Перстень принадлежит герцогу Родольфо. Но палец — мой. Будьте любезны, оставьте его в покое.

— Ну и нервы у этого мошенника, — восхищенно сказал сержант. — Свистнул любимый перстень нашего герцога, да еще хвастается.

— Я ничего не крал, а перстень получил из собственных рук Родольфо.

— Зарежем его, да и дело с концом, — предло-

жил все тот же сержант. — Всем известно, что наш герцог и выеденного яйца никому не даст.

— Неужели мне не удастся вбить в ваши тупые головы, что я направлен сюда с важным поручением. Я...

— Каким поручением?

— Догнать леди Андрагорру и привезти ее...

— Вот ты и проговорился!

— Да, но я согласился только для виду, — ответил Лафайет, страстно мечтая, чтобы прошла головная боль, мешающая врать убедительно. — На самом деле я собирался отвезти ее в другое место...

— И задержался на месте преступления, негодяй! — воскликнул капитан. — Прекрасно. Эй, ребята, готовьте веревку. Повесить его, чтоб другим неповадно было!

— Подождите! — вскричал Лафайет. — Я сдаюсь. Похоже, вас не обманешь. Я... я все скажу.

— Вот это — другое дело. — Капитан ткнул его шпагой. — Говори!

— Э-э-э... — протянул Лафайет. — Право, не знаю с чего начать.

— Начни с того момента, когда Уборнэй отошел в кусты по нужде, — предложил сержант.

— Хорошо. Когда Уборнэй отошел в кусты по нужде, я... гм-мм...

— Ты стукнул его по голове, — заявил сержант.

— Да. А затем... э-э-э...

— Затем, когда мы послали двух ребят выяснить, почему его так долго нет, ты и их пристукнул. Верно?

— Верно...

— А когда мы бросились на поиски, ты незаметно прокрался к карете и выкрал Ее светлость у Меньшика из-под носа.

— Кто из нас рассказывает, ты или я? — высокомерно осведомился О'Лири.

— Говори, где миледи?

— Понятия не имею. Я был слишком занят тем, что бил Уборнэя по голове и вертелся под носом у Меньшика.

— А откуда тебе, собственно, известны имена наших ребят? Заранее разнюхал, что к чему?

— Это не имеет отношения к делу, Кваква, — раздраженно сказал капитан. — Мы теряем время. Эй, ты, сознавайся, где миледи, или я сей момент сверну тебе шею!

— Она находится... в охотничьей избушке Лоренцо Долговязого!

— Лоренцо Долговязого? А где это?

— В нескольких милях... никуда не сворачивая.

— Лжец! — рявкнул капитан. — Дорога ведет к дому тетушки Цианиды, родственницы Ее Светлости.

— Ты в этом уверен? — тоже рявкнул Лафайет, не желая оставаться в долгу.

— Конечно, уверен. Миледи сама сказала.

— Подзаряди аккумулятор, которым пользуешься вместо мозгов, — посоветовал Лафайет. — Во дворце каждая кошка знает, что Лоренцо Долговязый живет в этих краях. Или как его там... Лотарио, Лохинвар...

— Я не понимаю твоих гнусных намеков, жалкий червь, — решительно заявил капитан. — Не хочешь ли ты сказать, что Ее светлость меня обманула и назначила тайное свидание Лоренцо в глубине Заклинчарья?

— Оно не могло быть тайным, пока вокруг болтался эскадрон солдат, — справедливо заметил Лафайет.

— Ты имеешь в виду... она специально от нас избавилась?

— Сам подумай, — ответил О'Лири. — Если б я ее похитил, зачем мне было сюда возвращаться?

— Хватит! Я не желаю больше выслушивать грязных подозрений, рыцарь! — воскликнул капитан. —

Со́лдаты, стройсь! Я повешу негодяя собственными руками!

— Эй, кэп, подождите минутку, — сказал сержант, дергая командира за рукав. — Прошу прощенья, но он складно все объяснил. Ведь на поиски Лицебела и Фреда нас отправила миледи, верно?

— Я тоже никогда не слышал, чтобы в этих местах жила ее тетя, — поддакнул капрал.

— Невозможно, — сказал капитан тоном, в котором отсутствовала былая уверенность. — Миледи никогда не стала бы так бессовестно обманывать своего самого преданного слугу.

— Кто знает, кэп. Бабы — они все одинаковы.

— Да как ты смеешь! — Капитан решительным жестом одернул мундир. — Не желаю слушать! Повесить мерзавца, и дело с концом!

— Не торопитесь, ребята! — взвыл Лафайет. — Я говорю правду! Леди Андрагорра всего в нескольких милях отсюда, и чем стоять и спорить попусту, оседлаем коней и догоним ее!

— Он наводит нас на ложный след! — презрительно фыркнул капитан. — Несомненно, Ее светлость лежит в кустах, связанная, а разбойник вернулся к карете с целью ее ограбить!

— Ваш капитан окончательно рехнулся! — крикнул Лафайет. — Он просто струсил, и ищет любой предлог, лишь бы ничего не делать для спасения миледи.

— Достаточно! Приступить к исполнению приговора!

— Подождите! — вскричал Лафайет, чувствуя, как петля затягивается на шее. — Неужели мы не можем заключить джентльменское соглашение?

Внезапно наступила тишина. Сержант посмотрел на капитана, который свирепо нахмурился и в свою очередь уставился на О'Лири.

— Ты требуешь, чтобы с тобой обошлись, как с джентльменом? На каком основании?

— Я — сэр Лафайет О'Лири... почетный член Королевского Географического Общества!

— В этом что-то есть, кэп, — буркнул сержант. — Не имеем мы права вздернуть парня с такими полномочиями.

— Сержант абсолютно прав, — торопливо подтвердил Лафайет. — Я уверен, что линчевав меня, вы бы долго каялись.

— Все это — напрасная потеря времени, — недовольно произнес капитан. — Но... ладно. Снимите с него веревку.

— Вот и прекрасно. Я рад, что мы стали друзьями. — Лафайет облегченно вздохнул. — А теперь...

— За-аряжай!

— Ч-что вы собираетесь делать? — спросил О'Лири, глядя на солдат, которые отстегнули от пояса огромные пистолеты в фут длиной и принялись сворачивать пыжи.

— Встань рядом с деревом, сэр рыцарь, — приказал капитан. — И поторопись. Мы не можем возиться с тобой всю ночь.

— В-вы имеете в виду это дерево? — спросил Лафайет, спотыкаясь об извилистые корни. — Но почему? Что?..

— Готовсь! Цельсь!

— Стойте! — крикнул Лафайет ломающимся голосом. — Вы не имеете права!

— Ты ведь сам потребовал джентльменской смерти? Цельсь!

— Но... вы собираетесь стрелять в меня с такого близкого расстояния? Я думал, ребята, вы — снайперы.

— В июне прошлого года мы заняли первое место на полицейском турнире, — гордо сообщил сержант.

— В таком случае почему бы мне не встать подальше? — предложил Лафайет. — Вам представится случай показать свое искусство.

Осторожно пятясь, он отступил на десять футов и уперся спиной в другое дерево.

— Готовсь! — скомандовал капитан. — Цельсь!

— Все еще слишком близко! — крикнул Лафайет и погрозил пальцем. — Вы должны показать все, на что способны.

Он торопливо отступил еще на четыре ярда.

— Достаточно! — взревел капитан. — А теперь стой на месте, сэр, и веди себя прилично! — Он поднял шпагу. — Готовсь! Цельсь!

И в тот момент, когда с губ капитана должно было сорваться неизбежное «пли», кусты зашуршали и ночную тишину нарушил леденящий душу вой. На мгновение солдаты застыли, как вкопанные.

— Ночная кошка! — взревел сержант.

Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Лафайет отпрыгнул в сторону, покатился по земле, нырнул за ствол дерева, поднялся на ноги и помчался по лесу, не обращая внимания на крики, гром выстрелов и свинцовые пули, со свистом рассекающие воздух над его головой.

* * *

Полная луна ярко светила на бревенчатую хижину, расположенную в центре небольшой поляны, окруженной высокими деревьями. Лафайет лежал под кустом, страдая от похмелья, усталости и множества синяков и царапин. Прошло полчаса с тех пор, как затихли крики солдат, разыскивающих его по всему лесу, и двадцать минут, как он поднялся на невысокий холм и увидел освещенные окна избушки. «Все возвращается на круги своя», — подумал Лафайет, глядя на посветлевшее небо и ледяные кристаллики инея, покрывшие стебли травы и листья.

— Больше ей негде быть, — пробормотал он, засовывая посиневшие от холода руки под плащ и глядя на освещенное окно. — В этой глуши спрятаться можно только в избушке.

Конечно, тот, кто ее похитил, наверняка зарядил пистолеты на случай появления незваных гостей, но...

— С другой стороны, оставшись в лесу, я превращусь в сосульку, — громко сказал Лафайет, поднялся на ноги, и, похлопав себя руками по груди, — чем вызвал приступ кашля, — начал осторожно спускаться на поляну. Он обошел избушку несколько раз, держась на довольно большом расстоянии и напряженно вслушиваясь, но тишину не нарушал ни один звук. Занавески на окне не давали возможности заглянуть внутрь, и Лафайет, прокравшись с черного хода мимо поленницы дров и бочки с дождевой водой, прильнул ухом к двери.

Он услышал слабое похрустывание и какие-то неприятные чавкающие звуки. Монотонный низкий голос бубнил, не умолкая, но слов было не разобрать.

Лафайет почувствовал, как по спине побежали мурашки. Ему необычайно отчетливо вспомнилась детская сказка о Гансе и Гретель, попавших в домик ведьмы...

Ерунда. Враки. Никаких ведьм не существует, а в избушке наверняка скрывается мошенник Лоренцо, связавший несчастную леди Андрагорру по рукам и ногам. Бедная перепуганная девочка, надеющаяся вопреки здравому смыслу, что кто-нибудь придет и освободит ее. В конце концов, почему бы не вышибить дверь одним ударом и, используя внезапность нападения, схватить Лоренцо за шиворот...

Неприятный хрустящий звук на мгновение усилился, потом затих. В наступившей тишине послышалось какое-то хлюпанье и звяканье металла о металл. Затем заскрипело и захрустело одновременно, да так отчетливо, будто в мясорубке мололи кости.

Он ее пытает, чудовище!

Лафайет отступил на несколько шагов, разбежался и изо всех сил ударил плечом. Незапертая дверь распахнулась настежь, и он кубарем покатился по полу, очутившись у противоположной стены чисто

прибранной комнаты. В камине горел огонь, отбрасывая красные отсветы на старушку, отдыхающую в кресле-качалке с кошкой на коленях и голубой фарфоровой миской в руках.

— О, Лоренцо, ты вернулся? — удивленно спросила она и протянула ему миску. — Хочешь немного воздушной кукурузы?

* * *

Сидя у камина с миской хрустящих подсоленных зерен на одном колене и чашкой крепкого дымящегося какао на другом, Лафайет пытался привести свои мысли в порядок. Старушка что-то шила толстой иглой, которую извлекла из сундучка под окном, и монотонно бубнила себе под нос. О'Лири попытался разобраться в словах, но у него получилась какая-то бессмыслица, вроде: кукушка порхает с цветка на цветок, желая чихнуть в лепесток...

Он проснулся, больно стукнувшись подбородком о грудь, и поднял голову.

— Бедный мальчик, ты совсем спишь. Побереги себя, Лоренцо... О, кстати, я забыла сказать: ко мне заходили твои друзья. — Старушка как-то криво улыбнулась одной стороной рта.

— Друзья? — Лафайет зевнул.

Сколько же времени он не спал? Неделю? Пять... три дня... возможно ли, что прошлой ночью ему постелили чистые шелковые простыни на двуспальную кровать и...

— ...просили ничего не говорить, потому что хотят сделать тебе сюрприз, но я все-таки решила сказать.

Глаза Лафайета закрывались сами собой. Слова старушки, резкие, многозначительные, с трудом проникали в сознание. Где он раньше мог слышать этот до странности знакомый голос? О'Лири заставил себя сосредоточиться.

— Сказать... о чем?

— О том, что твои друзья еще вернутся.

— Э-э-э... кто?

— Такие красивые джентльмены в желтых мундирах на прекрасных конях.

Внезапно Лафайету расхотелось спать.

— Когда они здесь были?

— Ты с ними разминулся минут на тридцать, Лоренцо.

Старческие глаза с поволокой рассеянно смотрели из-под очков. Старческие? Рассеянно? Если присмотреться, взгляд был острым, проницательным. От удивления Лафайет вздрогнул, не понимая, где раньше мог он видеть эти удивительные глаза...

— Мадам, вы были очень добры ко мне, но боюсь, мне пора идти. И думаю, я должен сказать вам правду: я не Лоренцо.

— Не Лоренцо? А кто же ты? — Стекла очков блеснули в свете камина.

— Я пришел к вам, разыскивая человека по имени Лоренцо, а может, его зовут Лотарио или Ланцелот. Когда вы так любезно меня встретили... я был голоден, продрог до мозга костей, а вы предложили мне пищу, место у камина, и я воспользовался вашей добротой. Спасибо вам большое. Я уже ухожу.

— Что ты говоришь? И слышать ничего не хочу. В такую ночь недолго и простудиться!

— Наверное, вы не поняли, — сказал Лафайет, направляясь к двери. — Я вас не знаю. Я пришел, чтобы...

— Но ведь ты — тот самый очаровательный молодой человек, который снял у меня комнату.

Лафайет покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Я был уверен, что найду здесь леди Андрагорру...

— О, ты друг моей племянницы? Как я рада! Почему ты мне сразу не сказал! Тем более я не могу выпустить тебя на улицу в такой холодный ветер, и не думай. И кстати, где же моя дорогая Анди? Может, я совсем поглупела на старости лет, но мне почему-то казалось, вы должны были прийти вместе.

— Вы — тетя Дафф... леди Андрагорры?

— Конечно, разве ты не знаешь? И ты не ответил на мой вопрос: где она?

Лафайет с интересом посмотрел по сторонам. Комната была чистой и опрятной, но казалась какой-то убогой.

— Насколько я знаю, леди Андрагорра очень богата, — сказал он. — Неужели она ничем не может вам помочь?

— О, какой глупый мальчик. Я обожаю жить на природе, среди цветов и птичек. Это так романтично.

— А кто колет дрова?

— Ах! Конечно, рабочий. Приходит по вторникам. Но ты сказал, леди Андрагорра...

— Я ничего не говорил. И где она — понятия не имею. Спасибо вам за все, но...

— Ты никуда не уйдешь, — отчеканила старушка и тут же ласково улыбнулась. — Я и думать об этом не хочу.

Лафайет поплотнее запахнулся в плащ и подошел к двери.

— Боюсь, что не смогу больше пользоваться вашим гостеприимством...

Он услышал легкий шум и, обернувшись, едва успел уклониться от удара ребром ладони по горлу, который попыталась нанести ему подкравшаяся сзади старушка. Правда, ему пришлось подставить согнутую в локте руку, мгновенно повисшую, как плеть; так что сильнейший хук справа, а затем удар костяшками согнутых пальцев в область сердца О'Лири отразить не удалось. Он упал на качалку и чуть не свалился в камин.

— Обманщик! — вскричала старушка. — Неужели моих обещаний оказалось мало и ты продался длинноносому ублюдку Родольфо? Да еще посмел явиться в мой дом, притворившись, что видишь меня первый раз в жизни! Такой наглости даже я не могла себе представить! — Лафайет соскочил с качал-

ки, едва успев увернуться от кулака, нацеленного точно в солнечное сплетение. — Где она, сукин ты сын? И зачем только я подобрала тебя в канаве...

Внезапно старушка умолкла и замерла на месте, сложив ладонь трубочкой и приставив ее к уху. Вдалеке отчетливо слышался дробный стук копыт.

— Бежим! — Она кинулась к двери, схватила с крюка плащ, завернулась в него с головы до ног и неожиданно сказала звучным тенором: — Ты мне за это ответишь, Лоренцо! Погоди, мой мальчик! Я тебе так отомщу, что ты проклянешь день и час, когда впервые увидел Стеклянное Дерево! — И, распахнув дверь, она выбежала из комнаты.

Ошеломленный Лафайет машинально вышел следом. Старушка стояла футах в десяти от двери и громко жужжала, торопливо застегивая пуговицы плаща. Не успел О'Лири сделать и двух шагов, как она взлетела и понеслась по направлению к дороге, быстро набирая высоту. Плащ ее развевался по ветру.

— Эй, — слабым голосом сказал Лафайет и внезапно услышал стук копыт совсем рядом. Быстро вернувшись в избушку, он вышел черным ходом и побежал в лес, стараясь держаться позади дома, который скрывал его от преследователей.

* * *

Наступило мрачное серое утро. Лафайет, дрожа от холода, сидел под огромным деревом, в стволе которого, при желании, можно было проложить шоссейную дорогу. Голова у него раскалывалась; в желудке, потрескивая, горел костер; глаза, запеченные в тесте, так и норовили выскочить из орбит. Во рту он ощущал привкус маринованного лука, причем тухлого. В ветвях над его головой скорбно чирикала какая-то птица.

— Это конец, — пробормотал О'Лири. — Ничего не попишешь. Скоро я умру от голода, холода и заворота кишок. Меня тошнит с похмелья. Я не знаю,

куда подевались моя лошадь и леди Андрагорра. К тому же у меня начались галлюцинации. Летающие старушки, ха! Наверное, избушка тоже мне приснилась. Я был в стельку пьян. А может, меня расстреляли, и я умер? — Он принялся тщательно себя ощупывать, но пулевых ранений не обнаружил. — Вечно я болтаю всякие глупости. У мертвецов не болит голова.

О'Лири встал, потуже затянул пояс, на котором висела шпага, и, добравшись до небольшого ручейка, журчащего рядом, сделал несколько глотков воды, сполоснул лицо и тщательно вытерся полой плаща.

— О'кэй, — громко сказал он своему отражению. — Чем стоять да болтать, лучше заняться делом.

— Прекрасно, — ответило отражение. — Каким?

— Я могу вернуться, — предложил Лафайет. — До Миазм всего двадцать миль.

— Но Родольфо не раскроет тебе объятий, — последовал ответ, — если ты явишься к нему с пустыми руками. Возможно, тебе удастся все объяснить... Стонрубу. И кстати, в каком направлении ты собираешься идти?

— Опять ты сам с собой разговариваешь! — прикрикнул Лафайет на свое отражение и поднял голову, глядя сквозь густую листву на мрачное серое небо без малейшего просвета.

— Ни о каком возвращении не может быть речи, — мрачно сказал он. — Не могу я бросить леди Андрагорру в беде.

— Тогда отправляйся на поиски. Только куда ты пойдешь? — О'Лири закрыл глаза, повернулся три раза вокруг оси, остановился и вытянул руку. — Вот сюда.

— В принципе, — заявил он, делая первый шаг, — разговаривать самому с собой даже полезно. Во-первых, с умным человеком и поговорить приятно, а во-вторых — один ум хорошо, а два — лучше.

— Ты забыл добавить, что тебе некого будет винить за дурацкий совет.

— Зато я помню, что так ведут себя шизофреники.

— Подумаешь! На тебя обрушилось столько несчастий, что шизофрения не в счет.

Лафайет отправился в путь, прихрамывая то на правую, то на левую ногу: обе лодыжки были слегка растянуты после прыжков, падений и бега прошлой ночью. Постепенно лес начал редеть, а кустарник, наоборот, стал гуще. Вскоре О'Лири очутился на каменистом склоне горы, где росли одинокие кедры. Накрапывал мелкий дождик, и колючие капли били по онемевшему лицу, попадали в глаза и стекали за воротник. Через пятьдесят футов склон горы закончился бездонной пропастью. Лафайет осторожно подошел к ее краю, посмотрел вниз, но не увидел ничего, кроме густого тумана.

— Замечательно! — воскликнул он. — Лучше не придумаешь! Впрочем, мне так не везет, что этого следовало ожидать. Неудивительно, что старушка улетела на помеле без помела и жужжала как муха.

— Делать нечего, придется тебе идти по краю, пока не увидишь дороги, тропинки или лестницы, ведущей вниз.

— Ты забыл об эскалаторе и фуникулере.

— Верно, сплоховал малость. Итак, — энике, бенике, сика, леса, энике, бенике... это сюда!

Лафайет пошел направо. Спустя час, в течение которого он спотыкался, падал и один раз чуть не свалился в пропасть, никаких изменений не произошло.

— Совсем ты расклеился, О'Лири, — тяжело дыша, пробормотал он. — Всего несколько лет назад ты скакал бы здесь как молодой козлик.

— Но ведь я привык к легкой жизни, так что нечего себя винить.

— В таком случае, пусть это послужит тебе хорошим уроком.

Ветер усилился, дождь стал хлестать сильней. Спотыкаясь на каждом шагу, Лафайет продолжал упорно идти вперед. Его руки и ноги окончательно онемели от холода.

Он молча прошел еще с полмили и остановился передохнуть и провести очередное совещание.

— Осталось совсем немного, — с фальшивой уверенностью заявил он, растирая посиневшие уши. — Вот увидишь, я обязательно...

БИИ-бип, БИИ-бип, БИИ-бип... Негромкий звук раздавался совсем рядом.

Лафайет осторожно огляделся по сторонам, но ничего не увидел.

— Слушай, ты! Я согласился с тобой разговаривать, но по-человечески, а не азбукой морзе! — Он яростно принялся тереть уши.

БИИ-бип, БИИ-бип, БИИ-бип. Звук стал резче, отчетливее.

О'Лири посмотрел на руки. Перстень герцога Родольфо подмигивал ему со среднего пальца. Рубиновый свет то вспыхивал, то гас...

— Эй! — слабым голосом произнес Лафайет и приложил перстень к уху. Бибиканье усилилось.

— Оно что-то не делало этого раньше, — подозрительно сказал он, глядя на рубиновые вспышки.

— А вот сейчас делает, — последовал презрительный ответ. — И наверняка неспроста.

— Может... может, это какой-нибудь маяк или пеленгатор, как в самолете?

— Все может быть. Надо проверить.

Лафайет осторожно прошел вверх по склону, прислушался...

Би-БИИП, би-БИИП, би-БИИП.

— Ага! Значит, я сбился с курса. — О'Лири вернулся на прежнее место и осторожно пошел вперед по самому краю пропасти. Перстень начал издавать ровный гудящий звук.

— Так я и знал! Все в порядке! Интересно, куда я приду?

— Тебе не все равно? Куда угодно, лишь бы убраться отсюда!

Низко пригнув голову, прищурившись, Лафайет продвигался к неизвестной цели, прижав перстень к уху, и, перебравшись через несколько поваленных стволов, неожиданно оказался в пустоте. Судорожным движением он попытался ухватиться за небо, но в следующую секунду почувствовал ветер, свистящий в ушах с ураганной силой. Склон ущелья понесся вверх, как скоростной лифт. О'Лири успел заметить огромную белую цифру 21, затем 20, 19... и в это время гигантская теннисная ракетка размахнулась и ударила по нему, посылая на другую половину поля, а тысячи болельщиков взревели в одно горло.

Седьмая

Кто-то спутал его спину со старым пыльным ковром, который необходимо было тщательно выбить тяжелыми дубинками. В груди работала бригада рабочих, заливающих дорожные выбоины кипящим асфальтом. Головой почему-то играли в баскетбол, а глазами — в настольный теннис.

— Кажется, очухался, — раздался над его ухом квакающий голос. — Стонет, совсем как здоровый.

— Тебе виднее, Кроль. Помрет — доложишь.

Послышался звук удаляющихся шагов, скрип двери. Лафайет осторожно открыл один глаз и увидел идеально белый потолок с лампами дневного света. Стараясь не обращать внимания на гарпун, которым его шею пригвоздили к подушке, он поднял голову. Невысокого роста толстячок с добродушным лицом и огромным носом тревожно следил за каждым его движением.

— Ну ты даешь, парень, — сказал он. — Как дела?

— Болтошка! — воскликнул Лафайет слабым голосом и бессильно откинулся на подушки.

— Вот те на, иностранец! — проквакал голос. — Прости, Везунчик, меня не говорить хангарски по, понимать ты?

— Конечно, никакой ты не Болтошка, — дрожащим шепотом произнес О'Лири. — Все мои друзья в этом кошмарном сне как две капли воды похожи на тех, кого здесь нет.

— Э, да ты умеешь говорить по-человечески! Ну и заставил ты меня поволноваться, приятель. Я еще ни

одного клиента не потерял, а сейчас чуть было не открыл счет. Ну и торопыга ты, Везунчик, даже лифта не дождался!

Толстячок вытер потное лицо огромным красным платком с вышитой зелеными буквами монограммой.

Лафайет посмотрел по сторонам. Стены из слоновой кости, мраморный пол... кондиционеры...

— Что случилось? — спросил он, безуспешно пытаясь принять сидячее положение.

— Да ты не волнуйся, Везунчик, — ответил толстячок. — Док говорит, ничего страшного, будешь, как новенький.

— Я... у меня что-то с памятью, — сказал О'Лири. — Я свалился в шахту лифта? В этой глуши?

Толстячок бросил на него удивленный взгляд.

— А как еще нам спускаться и подниматься? Слушай, уж не собрался ли ты подать в суд на Компанию? Я поспешил тебе навстречу, как только услышал сигнал: кто виноват, что ты такой торопыга?

— Нет, нет, я никого не виню. Кстати, кто ты такой?

Толстячок с готовностью протянул руку.

— Меня зовут Пешкороль, Везунчик. Из отдела «Услуги Заказчикам». Рад познакомиться. Но ты пришел за день до срока. Сам понимаешь, заказ еще не готов.

— Ах да... заказ. — Лафайет задумался. — Честно говоря, у меня в голове все перепуталось. Должно быть, после падения. О каком заказе ты говоришь?

— У тебя, наверное, легкое сотрясение мозгов, Везунчик. Очень даже отшибает память. — Пешкороль сочувственно покачал головой. — Твой хозяин, принц Крупнхим, заказал нам двухместный ковер-самолет, плащ-невидимку и дюжину иллюзий, согласно прейскуранту номер семьдесят восемь.

— А-а, двухместный плащ и дюжину невидимок, — пробормотал О'Лири. — Превосходно. Говоришь, завтра будет готово?

— Послушай, парень, ты не напрягайся, а то у тебя мозги немного набекрень. Полежи спокойно, и все пройдет.

— Нет, нет, я прекрасно себя чувствую.

Лафайет с трудом сел в кровати, и комната поплыла у него перед глазами. Переведя дух, он понял, что его вымыли, побрили, перевязали и одели в просторную пижаму, желтую в красный горошек.

— А откуда вы знаете... э-э-э... что я прибыл по поручению принца?

Пешкороль посмотрел на него и недоуменно заморгал глазами.

— У тебя на пальце направленный перстень-передатчик, специально для него изготовленный.

— Ах да, конечно, как я мог забыть? — О'Лири осторожно встал с кровати. Колени у него подогнулись, но он удержался на ногах. — Мне необходимо делать сейчас побольше тумана, чтобы прояснились движения в голове, — пояснил он. — Я имею в виду, чтобы голова затуманилась прояснениями... нет, не то. Толова гумана. Я хочу сказать, голова...

Рука Пешкороля подхватила его за локоть.

— Успокойся, Везунчик. Хочешь пожевать чего-нибудь вкусненького? Тебе не помешает.

— Пожевать, — хрипло повторил Лафайет. — Пойдем скорее.

— Если сможешь идти.

Толстячок помог ему надеть толстый халат и, поддерживая, повел по коридору в комнату с низким потолком, обшитую деревянными панелями, в конце которой находилась стойка бара, лежащая на столбиках, обитых медью.

За столиками, покрытыми тяжелыми парчовыми скатертями, на которых стояли большие кофейники, сидели гномы, очень похожие на Пешкороля. С некоторыми из них он приветливо поздоровался, усаживая О'Лири за столик у занавешенного окна, за которым, колотя по стеклам, шумел дождь. От

ароматов свежесмолотого кофе и пшеничного хлеба рот Лафайета наполнился слюной. Пухлая официантка, ростом Лафайету по грудь, засуетилась, расставляя чашки, подмигнула и занесла карандаш над блокнотом.

— Вам что, ребята? Горячие булочки? Бифштекс с яйцом? Земляничку со сливками? Тосты с вареньем?

— Давайте, давайте, — с готовностью согласился О'Лири. — Все давайте. И большой стакан молока.

— Звучит неплохо, Шашка, — сказал Пешкороль. — Тащи в двух экземплярах.

— Будет сделано.

Пешкороль потер руки и улыбнулся.

— Ну что, Везунчик, полегче стало? Сейчас перекусишь, и усталость как рукой снимет. Нравится тебе у нас?

— Лучше, чем там. — Лафайет ткнул пальцем в окно, за которым продолжал хлестать дождь. — Теперь осталось только выяснить, где это «у нас».

— Не пойму я тебя, Везунчик. Ты попал, куда хотел: Комплекс Аякс, Спецмастерские, отделение на Меланже. Мы сидим с тобой в ресторане «Цейтнот» и ждем, когда подадут завтрак.

— Спецмастерские? Завод? Слава богу. Представляешь, мне приснилось, что я попал внутрь горы!

— Совершенно верно. Само собой, когда начинали строить, никаких гор и в помине не было: геологические процессы начались позднее, и нас накрыло. Но мы привыкли. К тому же здесь очень красиво.

— Геологические процессы? — Лафайет нахмурился. — Ты имеешь в виду землятресения?

— Конечно, нет. Горообразование. Не удивлюсь, если в скором времени наше предприятие окажется на дне морском.

— Ну-ка, ребята, уберите локти, — произнесла Шашка, подошедшая к столику с подносом, уставленным тарелками.

Лафайета не пришлось долго уговаривать.

— Послушай, Везунчик, давно ты работаешь у принца? — спросил Пешкороль, прожевывая бифштекс.

— Э-э-э... не очень, — ответил Лафайет, накидываясь на еду. — Честно говоря, только устроился.

— Послушай, строго между нами, он платежеспособен?

— Платежеспособен? — О'Лири набил рот до такой степени, что разобрать дальнейших слов было невозможно.

Агент отдела «Услуги Заказчикам» многозначительно погрозил пальцем.

— Пойми правильно, мы ничуть не беспокоимся, — сказал он голосом, в котором слышалось беспокойство. — Но принц должен нам кучу денег за Стеклянное Дерево.

Лафайет замер, не донеся вилки до рта.

— Стеклянное Дерево? — задумчиво произнес он. — Где я раньше мог о нем слышать?

— Ну, ты даешь, Везунчик. Здорово все-таки тебя шарахнуло.

— Послушай, Пешкороль, — сказал О'Лири. — Мне пришла в голову прекрасная мысль. Почему бы нам не сделать вид, что я вообще ничего не помню? Рассказывай все по порядку, и может быть, ко мне вернется память.

— Называй меня просто Кроль. Ладно, начну, пожалуй. Впервые мы услышали о Его высочестве несколько лет назад. В то время он был простым смертным, и свалился нам как снег на голову, попросив взять его на работу. Голова у него варила, и шеф дал ему научно-исследовательскую лабораторию, но через несколько месяцев уволил. Мошенник затратил огромные средства и не произвел никакой продукции. Мы и оглянуться не успели, как он вернулся в качестве покупателя и пожелал сделать спецзаказ. Естественно, мы согласились: Крупнхим оплачивал услуги нешлифованными драгоценными камнями, и это всех устраивало. Затем он объявил себя принцем,

пришел к нам с готовыми чертежами и предложил выполнить еще один заказ. За ценой он не постоял, и мы заключили контракт. Поработали на совесть, не пожалели ни силикона, ни микровставок, а внутреннюю отделку произвели плюшем. Хочешь верь, хочешь — нет.

— Но... при чем здесь Стеклянное Дерево?

— Наши архитекторы так окрестили эту конструкцию, и словечко прижилось. Дворец действительно похож на дерево: башенки, балконы, декоративные пристройки. Сверкает на солнце как стекло. Вот только за него не заплачено, — хмуро добавил Пешкороль.

— Послушай, у принца случайно нет в услужении старушки, которая летает на помеле... я хочу сказать, без помела?

Пешкороль внимательно посмотрел на О'Лири.

— Послушай, Везунчик, может, тебе все-таки лучше полежать?

— Видишь ли, Кроль, прошлой ночью о Стеклянном Дереве говорила одна старушка, которая пыталась меня убить.

— Вот это да! Промахнулась?

— Ты не понял. Она...

— Ну и старушка! Неужели ножом?

— Нет. Она на меня накинулась...

— Бессовестная! На спящего человека!

— Нет! В конце концов, дай мне объяснить! Я...

— Послушай, Везунчик, ты сказал, что она — старушка. Верно?

— Да. Но...

— Везунчик, я хочу дать тебе добрый совет. Займись штангой, ладно? Не успеешь оглянуться, как обретешь форму, и любая старушка будет тебе нипочем. Ты с ней справишься одной левой. Кстати, наш отдел как раз торгует набором «Атлас», номер двести восемьдесят три. К набору бесплатно прилагаются наушники, передающие вдохновляющие речи, и...

— Не нужны мне вдохновляющие речи! Я пытаюсь объяснить, что старушка замешана в похищении леди Андрагорры!

— Какой леди?

— Андрагорры. Моей жены. То есть, не совсем жены, а...

— Понятно, понятно. — Пешкороль подмигнул. — Не беспокойся, Везунчик, я никому не скажу!

— Ты опять ничего не понял! Она исчезла в тот самый момент, когда ее должны были похитить. Я хочу сказать, ее похитили как раз тогда, когда она должна была исчезнуть! Неважно, что я хочу сказать! Одним словом, ее похитили! А эта старая ведьма в избушке говорила о Стеклянном Дереве!

— Ну и что? В этих краях его каждая собака знает. — Пешкороль нахмурился. — Правда, если разобраться, в этих краях собак нет.

— Старуха — сообщница принца Круппхима. Я в этом убежден. Она близорука и приняла меня за другого, а потом проболталась, что ждет леди Андрагорру.

— Честно говоря, Везунчик, я тебя не понимаю. Старушка служит у Круппхима, ты тоже, так чего вы не поделили?

— Она решила, что я ее обманул и сговорился с герцогом Родольфо.

— Ты и герцога знаешь? Его светлость недавно пытался заказать генератор личного нимба над головой. Не сошлись в цене.

— Я уверен, что Круппхим приказал старушке ее похитить. Только ничего не вышло, и девушку увели у них из-под носа.

Пешкороль покачал головой.

— Непонятно. Если леди А. живет в герцогстве Родольфо, принц ни за что не поедет за ней в такую даль.

— Он выманил ее из города. Девушка была уверена, что едет на свидание с мошенником Лоренцо,

который втерся к ней в доверие. Она понятия не имела, что эта жалкая личность собирается запродать ее Круппхиму. — Лафайет потер кончик носа — единственную часть лица, на которой не было царапин. — Куда она могла запропаститься, ума не приложу.

— Перестань, Везунчик. Не ломай голову. В лесу полным-полно разбойников и бандитов. Мало ли что могло произойти? Забудь ты о ней, и давай поговорим о деле. Так вот, относительно просроченных платежей...

— Забыть самую красивую, самую прекрасную, самую преданную, самую изумительную женщину из всех, что когда-либо носили бикини? Кроль, ты опять ничего не понял! В эту самую минуту ей может грозить страшная опасность, пытки, наконец! Одинокая, несчастная, беззащитная, испуганная...

— Ты только что сказал, она торопилась на свидание к Лоренцо, — напомнил Пешкороль, намазывая варенье на толстый кусок поджаренного золотисто-коричневого хлеба. — Похоже, Круппхим остался с носом, так чего ты переживаешь?

— Но ее бессовестно обманули!

— Другое дело. Значит, этот мошенник сделал вид, что хочет показать ей домик, новую модель кушетки, а сам воспользовался...

— Нет. Я слышал, они собирались провести в избушке медовый месяц, — неохотно признался Лафайет. — Но тем не менее, она как сквозь землю провалилась. Леди Андрагорру похитили, и я хочу ей помочь!

— Послушай, а может ее похитил именно Лоренцо? Взял, да и украл.

— Гм-мм... может быть. Передумал в последнюю минуту и решил надуть Круппхима. Знаешь, Кроль, наверное, так оно и есть. Он похитил ее из кареты, как было задумано, но отвел не в избушку, а... в другое место.

— Слушай, Везунчик, тебе надо было в сыщики идти. Гляди, как складно получилось. Победил сильнейший, а потом они жили вместе долго и счастливо. Может, и не сильнейший, может, он тоже боится старушек, но наш набор...

— Хватит, Кроль! — воскликнул Лафайет. — Все равно я должен ее найти!

— Не могу не восхищаться твоей преданностью хозяину, Везунчик, но боюсь, придется ему подыскать другую...

— Плевать я хотел на хозяина! Если хочешь знать, он вообще мне не хозяин!

— Как! Ты уволился?

— Я никогда у него не работал. Мне очень жаль, но ты ошибся.

— Тогда откуда у тебя передатчик?

— Если ты имеешь в виду перстень, мне его дал герцог Родольфо.

— А? — Пешкороль схватил О'Лири за руку и уставился на рубин. — Это — передатчик Круппхима, двух мнений быть не может. — Толстячок снизил голос до шепота. — Признайся, Везунчик, строго между нами: ты ему перерезал горло, а потом обокрал?

— Ты с ума сошел! Я никогда в жизни не видел принца Круппхима!

Пешкороль покачал головой, не спуская с О'Лири испытующего взгляда.

— Ты уж прости меня, Везунчик, но у тебя концы с концами не сходятся. Как у герцога мог оказаться передатчик принца? Его высочество берег эту побрякушку пуще глаза, уж я-то знаю.

— Лично мне известно только одно: я получил перстень из собственных рук Родольфо. — Лафайет сдернул его с пальца. — Вот. Можешь забрать. Мне чужого не надо. Единственное мое желание — найти леди Андрагорру.

Его гостеприимный хозяин, продолжая хмуриться, подкинул перстень на ладони.

— Везунчик, у тебя будут крупные неприятности, — сказал он, вставая из-за столика. — Пойдем, надо немедленно доложить обо всем Флемнигу, нашему судье, присяжным заседателям и исполнителю приговора в одном лице, а также шефу комитета безопасности, состоящего из одного человека, и тоже Флемнига. И послушай моего совета, Везунчик, ври, да не завирайся. Ты мне такое наплел, что ни один дурак не поверит. Если не придумаешь чего правдоподобнее, боюсь, придется тебе отвечать по всей строгости Коммерческих законов Аякса.

— И что это означает? — иронически осведомился О'Лири. — Я лишусь кредита?

— Не совсем, — ответил Пешкороль. — Скорее головы.

* * *

Флемниг был круглолицым лысым гномом. Его очки, казалось, росли прямо из головы, сверкая стеклами по меньшей мере в полдюйма толщиной. Пока Пешкороль объяснял суть дела, шеф безопасности барабанил пухлыми пальцами по столу.

— Я проверил: перстень изготовлен в наших мастерских по заказу Круппхима, — закончил Пешкороль свой рассказ.

— Дело ясное: убийство и ограбление при отягчающих вину обстоятельствах, а именно: проникновение на нашу территорию без допуска, попытка назваться чужим именем, лжесвидетельство. — Голос Флемнига хрипел, как испорченная детская свистулька. — Приговоренный, будешь произносить последнее слово? — Он смотрел на О'Лири, напоминая разозленную золотую рыбку в аквариуме.

— Последнее слово? А можно сказать первое? Я шел по своим делам, тихо-спокойно, никого не трогал, а потом свалился в пропасть. Почему Кроль решил, что меня послал Круппхим, я понятия не имею, и никаким чужим именем тоже не назывался. К тому же, с какой стати вы мне шьете убийство? Вот

и говори после этого о непредвзятости судебного разбирательства!

— Принц Круппхим никогда бы не расстался с личным передатчиком, а следовательно, ты его убил и перстнем решил воспользоваться в корыстных целях. Это ясно, как дважды два. Властью, которой я облечен...

— Говорю вам, перстень мне дал Родольфо!

— Версия неправдоподобна. Принц Круппхим не расстался бы с передатчиком и ради герцога...

— Но он это сделал! По-моему, проще проверить мои показания, чем перебивать на каждом слове!

— Послушай, Ян, — сказал Пешкороль, задумчиво потирая подбородок. — Я вот тут думаю и никак в толк не возьму: Везунчик так нагло врет, что похоже на правду. Ведь если б он хотел нас надуть, зачем ему было признаваться, что он не работает у Круппхима? А надуть он меня мог запросто: этот парень до тонкостей осведомлен о всех делах принца.

— Эй... — слабо запротестовал Лафайет.

— Старый трюк, — сказал шеф безопасности. — Мы называем его хитростью навыворот, которую невозможно отличить от непроходимой глупости.

— Сам дурак, — ответил Лафайет. — Неужели не ясно, что Круппхим дал перстень Родольфо, а Родольфо — мне. Я попал к вам совершенно случайно и хочу только как можно скорее уйти отсюда и...

— Невозможно. Тебя поймали с поличным. Незаконное владение чужой личной собственностью — самое страшное преступление во всем уголовном кодексе. Тебе грозит триста лет исправительно-трудовых работ, которые ты проведешь, прикованный к мельничным жерновам, расположенным на двенадцатом подземном этаже...

— Боюсь, мне придется вас разочаровать, — фыркнул Лафайет. — Я не проживу трехсот лет.

— А-а! Прости, я не знал, что ты болен. В таком случае я приговорю тебя к пожизненному тюремному

заключению, и не обижайся, если не сможешь отбыть срок заключения полностью.

— Как трогательно! Послушайте, хотя бы ради тренировки серого вещества, почему бы вам не потратить секунд тридцать на обдумывание того факта, что перстень оказался у Родольфо?

— Перстень Его высочества у Его светлости? — Ян Флемниг сложил вместе кончики пальцев и сосредоточенно на них уставился. — Во-первых, это было бы вопиющим нарушением правил продажи. Во-вторых, непохоже на Круппхима, который ничего не делает без причины.

— Значит, у него была причина! Неужели вам не интересно, какая?

— Любопытно. — Пешкороль взял перстень в руки и поднес его к самому носу. — Может, он тут нахимичил...

— Глупости. Только специалист, стажировавшийся в наших мастерских... — Внезапно Флемниг умолк. — ...Вспомнил. Круппхим стажировался в наших мастерских.

— И он — крупный специалист по микромоделированию, — вставил Пешкороль.

Шеф безопасности выхватил из кармана ювелирную лупу и принялся рассматривать рубин.

— Ну вот, так я и знал, следы инструментов, — раздраженно сказал он и, отложив лупу в сторону, ткнул пальцем в кнопку на столе. — Первый отдел вызывает лабораторию, — рявкнул он.

— Микропчик слушает, — отозвался рассеянный голос. — Вы прервали меня в момент проведения сложнейшей операции!

— Установка модифицированной телекамеры под хоботок комара?

— Ничего подобного. Попытка достать оливку из коктейля с помощью соломинки. У меня почти получилось, когда раздался ваш дурацкий звонок!

— К черту оливку! У меня в руках вещественное

доказательство, и мне необходимо ваше заключение, прежде чем я вынесу смертный приговор шпиону!

* * *

Лаборатория располагалась в подземной каменной пещере, заставленной сложнейшими приборами, конструкциями и аппаратурой, говорившими Лафайету не больше, чем юмористический журнал на китайском языке. Начальник лаборатории сидел на высоком стуле перед верстаком, покрытом клеенкой, на которой стоял непонятный агрегат из витой проволоки и стеклянных трубочек, заполненных кипящими желтой, розовой и зеленой жидкостями, исходящими почему-то фиолетовым паром.

Шеф безопасности Флемниг протянул перстень начальнику лаборатории, который, не торопясь, включил яркий свет, потянулся за лупой и склонился над рубином.

— Ага. Пломба сорвана, — сказал он и бросил на О'Лири неодобрительный взгляд, одновременно ковыряясь в оправе тонким, как игла, инструментом и откидывая верхнюю площадку камня, под которой обнажилось сложное переплетение тончайших проводков. — Ясно. Долго тебе пришлось возиться? — буркнул он и, положив перстень на верстак, быстро накрыл его пустой кофейной чашкой.

— Вам понятно, в чем дело? — встревоженно спросил Кроль.

— Чего тут не понять? Передатчик переделан в следящее устройство. — Начальник лаборатории свирепо посмотрел на О'Лири. — Интересно, что ты надеялся узнать? Хотел выведать наши производственные секреты? Но мы ничего не скрываем от широких трудящихся масс...

— Нечего сверлить меня взглядом, — сказал Лафайет. — Я к вашему перстню никакого отношения не имею.

— Э-э-э... перстень был изготовлен по заказу принца Круппхима, — объяснил Кроль.

— Вот как? Никогда ему не доверял, вечно у него глаза бегали: туда-сюда, туда-сюда.

— Да, но Везунчик утверждает, что получил перстень от герцога Родольфо.

— Глупости. Я вспомнил, что сам выполнил этот заказ по чертежам Круппхима. Теперь понятно, почему он не позволил внести в схему изменения. Ему ничего не стоило заземлить А-провод, подсоединить В-проводник к А, С-проводник к Р, поменять местами контакты Д и Е и подключить триод Е к сопротивлению Х, а затем вмонтировать черный ящик. Проще простого.

— И тем не менее перстень мне всучил Родольфо, — упрямо заявил Лафайет, — после того, как я согласился выполнить одно его поручение. Он дал понять, что, показав перстень, я могу получить все что угодно.

— Врет и не краснеет, — решительно заявил Флемниг. — С помощью передатчика получить можно только сигнал.

— Послушай, — вмешался Кроль, — может, он хотел дать тебе герцогскую печатку? Когда мы торговались, я видел у него кольцо с рубином, на котором были вырезаны инициалы «РР». Свет-то хоть горел?

— Этого я не помню, — честно признался Лафайет. — Но раз недоразумение улажено и вы убедились в моей невиновности, я, пожалуй, пойду. Выдайте мне одежду и...

— Еще чего! — воскликнул Флемниг. — Не беспокойся, мы сумеем наказать каждого, кто невнимательно читал мелкий шрифт, подписывая контракт.

— Но подписывал не я, а Круппхим.

— Гм-мм... Парень верно говорит, — согласился Микропчик. — Круппхим несет полную ответственность за соблюдение условий договора. А этот человек — всего-навсего сообщник.

— Значит, меня все равно осудят?

— На значительно меньший срок, — неохотно ответил Флемниг. — Всего сто лет у мельничного жернова.

— Ну и везучий же ты, Везунчик, — поздравил его Кроль.

— Спасибо, — поблагодарил Лафайет. — Послушайте, друзья, а нельзя получить условное наказание? Или взять меня на поруки?

— Давайте, действительно, поручим ему что-нибудь, и дело с концом, — предложил Кроль. — Тут у нас галстуки завалялись, никак не продаются. Дадим ему...

— Все равно несправедливо! — возразил Лафайет. — Виноват один Круппхим, а я — невинный свидетель обвинения! К тому же принц замешан в деле о похищении леди Андрагорры.

— Это нас не касается.

— Может быть, но мне казалось, вы сурово наказываете каждого, кто использует ваши приборы в корыстных целях.

— Гм-мм... — Флемниг поковырял в носу. — Ты прав.

— Послушайте, — сказал Лафайет, — насколько я понял, Круппхим сделал из передатчика следящее устройство. Почему бы вам не последовать его примеру?

— А?

— Сделайте так, чтобы перстень передавал информацию не от вас к нему, а от него к вам.

Микропчик нахмурился, помахал рукой, требуя тишины, поднял кофейную чашку и принялся за работу, бормоча под нос:

— ...провод к контакту А... проводник Е к сопротивлению Х... красный... голубой... зеленый... Ха! — Он закрыл рубин, поднес его к уху и широко улыбнулся. — Я его слышу. Несомненно, у принца есть второй перстень, который работает на прием. — Микропчик протянул рубин Флемнигу.

— Гм-мм... Это его голос.

— А что он говорит? — поинтересовался Лафайет.

— Он поет. Что-то насчет дороги в Миндалию.

— Дайте послушать.

Флемниг протянул перстень, и Лафайет поднес его к уху.

...был из глины сделан бо-ог,
все на свете делать мо-ог...

Слова доносились неотчетливо, теряясь в журчании и плеске воды. Лафайет нахмурился. Голос показался ему на удивление знакомым. Внезапно пение прекратилось. О'Лири услышал легкий стук, невнятное ругательство, шаги, звук открывающейся двери...

— Ну? — высокомерно спросил голос.

— Ваше высочество, герцо... ваша гостья отклонила приглашение к завтраку и приносит свои глубочайшие извинения.

— Черт бы подрал эту девку, неужели она не понимает, что все делается для ее блага? Только и умеет, что топать ногами да требовать манны небесной. И прекрати мне лгать, Ляжка, извинений от нее не дождешься. Иногда мне хочется плюнуть на задуманное, как оно ни заманчиво, лишь бы не связываться с бабами.

— Надо ли мне... э-э-э... передать миледи приглашение к ленчу?

— Можешь не беспокоиться. Проследи, чтобы ей подали в комнату и постарайся ублажать, насколько возможно. Мне вовсе не хочется, чтобы у гостьи появились морщинки, пока она находится под моим покровительством.

— Слушаюсь, Ваше высочество.

Шаги, звук закрывающейся двери, веселое посвистывание, которое резко оборвалось... тяжелое дыхание.

— Черт, — пробормотал голос. — Неужели они...

Раздался тупой удар, и наступила мертвая тишина.

— Ого, — сказал Лафайет. — Ничего не слышно.

Каждый из присутствующих по очереди поднес перстень к уху.

— Наверное, сообразил, что дело нечисто, и сунул кольцо в коробку, — предположил Микропчик. — Вот тебе и контрразведка.

— Как жаль! — с воодушевлением воскликнул О'Лири. — На самом интересном месте!

— Ладно, хватит болтать, — сказал Флемниг. — Пойдем, ты приговорен к ста годам исправительно-трудовых работ на мельнице.

— Что ж... прощай, Кроль. Я обязан заплатить долг обществу. Обидно, конечно, что не удастся мне стать свидетелем волнующих событий под вашей горой, но ничего не попишешь.

— Что ты, Везунчик. На заводах Аякса жизнь тихая, спокойная, смотреть особо не на что.

— Я имел в виду вторжение, — сообщил Лафайет. — Яркое будет зрелище, когда Крупхим прибудет сюда со своей армией, флотом и военно-воздушными силами.

— Что такое? — резко спросил Флемниг. — О чем ты говоришь?

— Ах, совсем забыл, что я один слышал. Впрочем, неважно. Может, он решил пошутить.

— Кто?

— Принц Крупхим. Он проводил совещание генералитета, объясняя им план захвата территории горы. И замолчал в тот момент, когда обсуждалось время нанесения удара одновременно с суши, моря и воздуха.

— Глупости! Крупхим не посмеет напасть на Аякс.

— Вот я и говорю, наверное, он пошутил. Конечно, принц не знал, что его подслушивали, но, может, он решил поразвлечь своих генералов?

— Неужели Круппхим настолько непорядочен, что использует против нас изготовленное нами оружие? — тревожно спросил Флемниг.

— Чего еще ждать от человека, у которого глаза бегают? — фыркнул Микропчик.

— Отведите меня на мельницу, друзья, — попросил Лафайет. — Потом вы будете слишком заняты, составляя завещания, закапывая драгоценности...

— Минутку, минутку. Что он еще сказал? На какой день и час назначено вторжение? Какова численность войск? Откуда последует первый удар?

— Мне очень жаль, но когда начали обсуждать подробности, передатчик замолк.

— Черт побери! Почему мы не начали слушать раньше!

— Нам необходимо знать о планах принца, — решительно заявил Флемниг. — Микропчик, придумай что-нибудь.

— Не могу. На другом конце должен быть приемник.

— А если послать птицу-робота, которая разбросает микрофоны по всему дворцу?

— Бессмысленно. Радиус действия слишком мал. Необходимо приемное устройство либо на самом человеке, либо в непосредственной от него близости.

— Значит, придется послать человека.

— Ерунда. Наши ребята — гномы, и их разоблачат в одну секунду. Разве что...

Взгляды присутствующих устремились на О'Лири.

— Как! Вы хотите, чтобы я отправился в это волчье логово? — сказал он, поднимая брови. — Ни за что. Меня ждет тихая, спокойная работа на мельнице... вы не забыли?

— Ну-ну, мой мальчик, — произнес Флемниг, улыбаясь, как отец невесты ее нареченному. — Мельница подождет. Отработаешь, когда вернешься.

— Забудь ты о приговоре, — раздраженно сказал

Микропчик. — Тут дело серьезное. Неужели ты не хочешь помочь торжеству справедливости?

— Я тоже хотел справедливости, а в результате получил шиш! — напомнил Лафайет. — Нет уж, слуга покорный. Жили вы без меня раньше, и сейчас не пропадете.

— Послушай, Везунчик, — вмешался Кроль. — Вот уж не думал, что ты бросишь друзей в беде.

— А где были мои друзья полчаса назад, когда я попал в беду? Что-то не припомню.

— Сэр! — торжественно произнес Микропчик. — Мы взываем к твоему благородству! Помоги нам, и ты заслужишь нашу вечную признательность!

О'Лири подавил зевок.

— Признательностью сыт не будешь.

— Может... более приемлемая форма оплаты? — вкрадчиво предложил Флемниг.

О'Лири поджал губы.

— Мы снабдим тебя всеми техническими новинками, разработанными в нашей лаборатории, — быстро сказал Микропчик. — Только что я закончил работу над плащом-невидимкой твоего размера...

— Мы высадим тебя на балконе главной башни Стеклянного Дерева, — вторил ему Флемниг. — Полетишь на одноместном ковре-самолете. Все путешествие не займет и часа.

— Вы совсем рехнулись, — сказал О'Лири. — Единственный шанс попасть во дворец — незаметно подкрасться ночью и найти незапертую дверь...

— Ха! — Микропчик вскочил со стула, схватил длинный зеленый бархатный плащ с капюшоном и завернулся в него. Тяжелая материя зашуршала, заблестела... и исчезла, вместе с маленьким начальником лаборатории.

— А? — растерянно сказал О'Лири.

— Неплохо, правда? — Голос Микропчика звучал из пустоты, с того места, где он стоял секунду назад.

— К-колдовство? — заикаясь, спросил О'Лири.

— Глупости. Электроника, — ответила внезапно появившаяся голова. — Теперь ты согласен?

— Э-э-э... допустим, я выполню вашу просьбу. Но мне необходим двухместный ковер-самолет.

— Как скажешь, так и будет, Везунчик, — весело согласился Пешкороль. — Не сомневайся, для такого героя-добровольца, как ты, нам ничего не жалко.

— Не беспокойся, доставим тебя на место в целости и сохранности, — заверил Флемниг.

— А обратно? — спросил О'Лири.

— Там видно будет. Пойдем, мне необходимо тебя проинструктировать. Я хочу, чтобы ты попал в Стеклянное Дерево до темноты.

Восьмая

Ранним вечером Пешкороль провел Лафайета извилистым коридором на небольшой балкон с прекрасным видом на долину внизу.

— Ты смотри, поосторожнее с ковром, Везунчик, — сказал Кроль, расстилая прямоугольник шесть на восемь футов. — Угнать его невозможно — контуры настроены на излучения твоего тела. Управление осуществляется с помощью голоса, так что сначала думай, а потом говори. И полегче на поворотах: перила в этой модели не предусмотрены. Координационный центр, конечно, сработает, но если зазеваешься... в общем, парашюта у тебя нет.

— Очень утешительно, — ответил Лафайет, завязывая тесемки плаща-невидимки и стараясь проглотить ком, застрявший в горле. — Ваш Микропчик нашпиговал меня таким количеством аппаратуры, что ни встать, ни сесть.

— Воспользовался случаем проверить оборудование, не прошедшее испытаний в полевых условиях, — сообщил Пешкороль. — Ребята вечно что-нибудь изобретают в свободное от работы время. Однажды они сконструировали чих-генератор, так наш директор запретил исследования даже на добровольцах. Или возьмем, к примеру, плоскоход. Придумано здорово, но если не сработает, взлетишь на воздух вместе с лабораторией.

— Если ты немедленно не замолчишь, я останусь. — О'Лири передернул плечами. — Лучше скажи, в какую сторону лететь, а то мой здравый смысл возьмет верх, и я окажусь не там, где надо.

— Держи курс на запад, Везунчик. Не промахнешься.

— Если бы ты знал, сколько промахов я совершил за свою жизнь, тебе бы страшно стало. И между прочим, меня зовут не Везунчик, а Лафайет О'Лири.

— Правда? Надо же, как не повезло. Ну да ладно. Счастливого пути, Везунчик, и не забудь включить микрофон, прежде чем сунешь его в карман принцу.

— Ну, — сказал Лафайет, усаживаясь поудобнее и скрестив ноги, — поехали!

Он закрыл глаза, вспоминая координаты, которые Флемниг терпеливо повторял ему в течение получаса. Толстый шерстяной ковер задрожал, зашевелился, задергался, словно паралитик, и стал твердым, как камень. Лафайет с трудом подавил в себе желание за что-нибудь уцепиться.

— Сделали из меня мешок с картошкой, — пробормотал он, не осмеливаясь даже вытереть капли пота, стекавшие по лицу. — Холщовый мешок со свежим картофелем из Айдахо...

Появившееся тошнотворное ощущение никак не желало проходить; поднявшийся ветерок неприятно обдувал разгоряченное тело, проникая под тяжелую материю плаща.

— Поднимайся, черт побери! — хрипло прошептал Лафайет. — Пора убираться отсюда, пока Флемниг не сообразил, что его надули. — Ничего не изменилось. Ковер оставался таким же твердым и неподвижным. — Замечательно, — громко сказал О'Лири. — Так и знал, что ничего не получится.

Он открыл глаза и недоуменно уставился на голубое пространство, окружавшее его со всех сторон...

Далеко внизу крохотная фигурка стояла на балконе и махала шарфом. Скала быстро уменьшалась в размерах; ветер шумел в ушах с удвоенной силой; зеленый пейзаж земли слился в одно пятно, исчеза-

ющее вдали с сумасшедшей скоростью. О'Лири изо всех сил зажмурился.

— Мамочки, — прошептал он. — Они забыли дать мне бумажный пакет на тот случай, если все-таки вытошнит.

* * *

Крепость-дворец, известный под названием Стеклянного Дерева, сверкал, подобно звезде, на вершине горы. В лучах заходящего солнца он переливался всеми цветами радуги, и по мере приближения становилось очевидно, что каждая хрустальная башенка сияет своим светом.

— Ну, невидимка, делай свое дело, — пробормотал О'Лири, заворачиваясь в тяжелую ткань и одновременно пытаясь прикрыть ковер широкими полами плаща. Пешкороль, правда, утверждал, что у Крупхима нет средств противовоздушной обороны, но Лафайет решил не рисковать.

Примерно в полумиле от дворца он громко приказал сбавить скорость, но ожидаемого эффекта не произошло. Башня стремительно приближалась, угрожающе вырастая на глазах, и лишь в самый последний момент ковер затормозил, дернулся, чуть не скинув О'Лири, и стал плавно спускаться.

— Мешок с картошкой, — страстно прошептал Лафайет. — Господи, прошу тебя, если ты есть там, наверху, помоги мне выбраться из этой передряги, и я обязуюсь регулярно платить церковную десятину...

Ковер замедлил скорость, остановился, дрожа, и повис в воздухе у открытого арочного окна.

— Самый малый вперед, — прошептал О'Лири. Подлетев вплотную к отполированной до зеркального блеска стене, он осторожно ухватился за хрустальный карниз, перекинул ногу через подоконник и очутился в небольшом эркере. Ковер, освободившийся от тяжести, затрепыхался как рыба на крючке и медленно поплыл по воздуху, подгоняемый легким бри-

зом. Лафайет поймал его за край, притянул к себе, скатал в тугую трубку и поставил в угол.

— Жди меня здесь, — строго сказал он, тыкая в ковер пальцем.

Заправив за пояс выбившуюся рубашку, он нажал на один из драгоценных камней, украшавших эфес шпаги.

— Летун вызывает Бабочку, — прошептал он. — Полный порядок. Я на месте.

— Очень хорошо, — скрипучим шепотом ответил эфес. — Продолжайте проникать в стан врага. Вам надлежит проследовать в опочивальню принца на двенадцатом этаже главной башни. Будьте бдительны, не выдайте своего присутствия, случайно разбив вазу или наступив кому-нибудь на ногу.

— Спасибо за совет, — раздраженно буркнул Лафайет. — А я было собрался поиграть на укулеле и спеть любимую песенку.

Он дернул за ручку двери эркера, которая, по счастью, оказалась незапертой, и вошел в полутемную комнату, окна которой были занавешены серебристо-алыми портьерами, а полы устланы мягкими красными коврами с серебряной нитью. Серебристо-розовая кровать с пологом на четырех столбиках стояла напротив входа. Серебристые купидоны улыбались с розового потолка. Хрустальная люстра сверкала звенящими серебряными подвесками. Лафайет пересек комнату и остановился перед серебристой дверью, за которой слышались голоса.

— ...всего лишь на секундочку, — произнес слащавый мужской тенор. — И кроме того, — проблеял он как козел, — вдруг вам потребуется моя помощь с молниями или застежками?

— Какая наглость, сэр! — игриво ответил до боли знакомый Лафайету женский голос. — Но я разрешаю вам задержаться на минуту-другую.

— Дафна?! — растерянно прошептал О'Лири.

В замке звякнул ключ, и Лафайет, забыв обо всем

на свете, одним прыжком забрался под широкую кровать как раз в тот момент, когда дверь открылась. Прижавшись щекой к ковру, он увидел изящные ножки в кожаных туфельках с серебряными пряжками, неотступно преследуемые парой черных, начищенных до блеска сапог со звенящими шпорами, усыпанными драгоценными камнями. Две пары ног, не останавливаясь, пересекли комнату и скрылись из виду. Послышались звуки какой-то возни, игривый смешок...

— Оставьте, сэр! — лукаво сказал женский голос. — Вы испортили мне всю прическу!

Лафайет изогнулся, приподнял полог и случайно задел шпагой о столбик. В ту же секунду наступила мертвая тишина.

— Милорд Занудни... вы слышали?

— Ну, мне пора, — громко сказал чуть дрожащий мужской голос. — Его высочество — а лучше человека я не встречал в целом свете — приказал мне исполнять любые ваши желания, миледи, но боюсь, мое присутствие в вашей спальне может быть неверно истолковано.

— Ну, знаете! — Послышался звук, не вызывающий сомнений в том, что женская ручка основательно приложилась к наглой мужской физиономии. — Можно подумать, я вас приглашала!

— Итак, миледи, прошу извинить...

— И не подумаю! Извольте сначала обыскать комнату. А вдруг здесь живет крыса?

— Да, но...

Изящная ножка топнула об пол.

— И немедленно, Занудни, или я пожалуюсь принцу, что вы хотели овладеть мною силой!

— Кто, я, Ваша светлость?

— Повторять не собираюсь.

Сапоги пересекли комнату и остановились у шкафа. Послышались звуки открываемых и закрываемых створок. Ноги проследовали в ванную, исчезли из по-

ля зрения, вновь появились и, потоптавшись в эркере, вернулись на прежнее место.

— Никого нет. Возможно, вам показалось...

— Можно подумать, вы ничего не слышали! Не притворяйтесь, милорд! И вы забыли посмотреть под кроватью!

Лафайет замер, глядя на внезапно появившиеся перед кончиком его носа блестящие шпоры. Из-под полога показалось узкое лицо со свирепыми стрелками усов и крохотными глазами.

— Тоже никого. — Полог опустился. Лафайет облегченно вздохнул, только сейчас вспомнив, что на нем надет плащ. — А раз так, — весело заявил козлиный тенор, — можно не торопиться.

— Не сродни ли вы осьминогу по отцовской линии, милорд? — кокетливо спросил голос Дафны. — Откуда у вас столько рук? Тише, тише, милорд, вы сломаете мне молнию.

— Ах, ты! — пробормотал Лафайет и прикусил язык. В комнате вновь наступила мертвая тишина.

— Занудни, тут кто-то есть, — произнес женский голос. — Я... я это чувствую!

— Э-э-э... Сожалею, миледи, но я совсем забыл, что мне совершенно необходимо пересчитать постельное белье и полотенца...

— Ночью? Глупости, Занудни. Неужели вы боитесь?

— Я? Боюсь? — ответил тенор дрожащим голосом. — Конечно, нет. Но я очень люблю считать, а тут представился такой удобный случай поработать всю ночь...

— Занудни, разве вы забыли? Мы собирались погулять с вами в парке, при луне. Только вы и я.

— Да, но...

— Подождите, милорд, я сейчас переоденусь. Постараюсь не задержать вас...

— Эй! — слабо воскликнул Лафайет.

— Странная акустика в этой комнате, — нервно

произнес Занудни. — Я мог бы поклясться, что кто-то только что сказал «эй».

— Глупенький, — ответил нежный женский голос.

Послышалось мягкое шуршание ткани, за которым последовал взволнованный блеющий возглас. Женские ножки остановились у шкафа; изящные женские ручки сняли одну туфлю, потом другую. Ножки поднялись на цыпочки, и пышная в складках юбка упала на ковер. Мгновением позже рядом с ней легла еще более воздушная принадлежность женского туалета.

— Но, миледи! — вскричал задыхающийся голос. — Его высочество... К черту Его высочество!

Сапоги кинулись вперед и с размаху наступили на крохотную женскую ступню. Раздался дикий визг и послышался звук второй за вечер увесистой пощечины.

— Кретин! — взвыл женский голос. — Лучше мне на всю жизнь остаться в этой дыре, чем...

— Ах вот в чем дело! — вскричал Занудни. — Заманила меня, чтобы я устроил ей побег, а сама решила нарушить договор! Ну нет, миледи, номер не пройдет! Я получу все, что мне причитается, сейчас, немедленно.

Лафайет, откинув полог, быстро выбрался из-под кровати и вскочил на ноги. Обладатель черных сапог — высокий худой мужчина лет пятидесяти — резко обернулся, хватаясь за эфес шпаги, и окинул комнату диким взглядом. Дафна — или леди Андрагорра — в коротенькой рубашке стояла на одной изящной ноге и массировала пальцы другой.

Лафайет осторожно приподнял подбородок Занудни, чуть повернул ему голову и нанес сильнейший удар правой, от которого милорд нелепо взмахнул руками, пролетел до стены и, стукнувшись о нее с тупым звуком, свалился на пол.

— Занудни! — прошептала леди Андрагорра, ис-

пуганно следившая за необычным полетом. — Что... как... почему...

— Я покажу этому мерзавцу как расстегивать молнии! — вскричал Лафайет, угрожающе надвигаясь на полуголую женщину. — А ты... ты... мне стыдно за тебя! Что ты нашла в этом сутенере!

— Я слышу твой голос... о, любимый... я слышу тебя... но я тебя не вижу! Где ты? Ты... ты не дух?

— Еще чего! — Лафайет откинул капюшон плаща. — Я из плоти и крови, но должен тебе сказать...

В течение нескольких секунд она неотрывно смотрела на голову Лафайета, обрамленную пустотой, затем глаза ее закатились, и с легким вздохом девушка упала на красный ковер.

— Дафна! — вскричал Лафайет. — Очнись! Я тебя прощаю! Бежим скорее, нам нельзя терять времени!

В дверь громко постучали.

— В спальне миледи находится мужчина! — раздался зычный голос. — Стража, ломайте дверь!

— Подожди, сержант, у меня есть ключ.

— Выполняйте приказ! — Сильный удар потряс дверь до основания. Послышались звуки падающих тел. — Ладно, давай сюда ключ!

Лафайет нагнулся, подхватил лежащую без сознания девушку на руки и попятился, прячась за широкими портьерами. Замок щелкнул, дверь распахнулась настежь, и в комнату ворвались трое мужчин в вишневых рубашках с кружевными воротниками и манжетами и розовых бриджах в обтяжку.

Они остановились как вкопанные и недоуменно огляделись по сторонам.

— Никого нет, — сказал один из них.

— Пусто, — согласился второй.

— Но мы слышали чьи-то голоса!

— Значит, ошиблись.

— Или...

— Или сошли с ума.

— Или здесь место заколдованное.

— Э-э-э... мне пора, — заявил третий, пятясь к двери. — Ребята не могут играть без четвертого, а партия осталась незаконченной.

— Смир-рна! — рявкнул сержант. — Доиграешь, когда прикажу!

— Вот как? Может, тебе не терпится поздороваться с каким-нибудь всадником без головы?

— Ты меня не дослушал, — твердым голосом произнес сержант. — Приказываю всем идти играть в карты. Кру-угом!

Шаги начали удаляться, и в это время Лафайет услышал знакомое потрескивание в эфесе шпаги. «Ох, только не сейчас», — взмолился он.

— Бабочка вызывает Летуна, — захрипело в районе его левого локтя. — Летун, Летун, почему не выходите на связь?

— Ты слышал? — раздался взволнованный голос. — За портьерами.

— Летун! Немедленно доложите обстановку!

— Заткнись, кретин! — прошипел Лафайет в направлении левого бедра и быстро отступил в сторону, когда чья-то грубая рука отдернула портьеры.

— Ик! — сказал первый солдат, уставившись на ношу Лафайета широко открытыми глазами.

— Эк! — ответил его товарищ, заглядывая первому через плечо и облизывая пересохшие губы.

— Святой Мося! — произнес третий. — Она... она плавает в воздухе!

— У нее... крохотные розочки на подвязках! Вы только посмотрите, ребята!

— Плавает не плавает, а такой фигурки я давно не видел.

— Эй, да она плывет к двери! — вскричал сержант. — Оцеп-ляй!

Пытаясь обойти взявшихся за руки солдат, Лафайет ударил одного из них под коленку. Пока несчастный, неистово ругаясь, скакал на одной ноге, путь был свободен и О'Лири кинулся к двери эркера,

но, пробегая мимо кровати, случайно зацепился за столбик. Тесемки, завязанные у горла, лопнули, и прежде чем он успел остановиться, плащ оказался на полу.

— Смотри-ка! Этот тип прямо из воздуха появился! — вскричал сержант. — Хватай его, Сквозняга!

Лафайет отпрыгнул в сторону, попытался спрятаться за кровать, но ему подставили ножку, выхватили девушку из рук, когда он упал, больно стукнувшись головой, и полуоглушенного поставили на ноги, прислонив к стене.

— Какую рыбину мы поймали! — удивленно воскликнул сержант, расплываясь в довольной улыбке, в то время как его подчиненные шарили по карманам О'Лири, доставая многочисленные устройства, которыми снабдил его Микропчик.

— А ты — парень не промах. Только зря старался. Думаю, Его высочество не обрадуется, когда узнает, что ты забрался к миледи, которая порхала по спальне в чем мать родила.

— Мать ее не в том родила, — пробормотал Лафайет, нытаясь разглядеть окружающее сквозь застилающий глаза туман. — На ней розовые подвязки.

— Сержант! — возбужденно крикнул один из стражников. — У стены за диваном лежит милорд Занудни, и челюсть у него на сторону!

— Добавим нападение на Его светлость к преступлениям этого молодчика, — важно ответил сержант. — Ну ты даешь, парень. И чего тебе не сиделось на месте? Не понимаешь ты хорошего обращения!

Пока двое стражников держали Лафайета за руки, третий положил на кровать девушку, все еще не пришедшую в себя.

— Не стой, как пень, Мул, наслаждаясь своей работой, — проворчал сержант. — Надо отвести этого типа обратно в камеру, прежде чем кто-нибудь уз-

нает, что он умудрился бежать. А то неприятностей не оберешься. Стражников ругают все, кому не лень.

— Можно... можно я скажу ей пару слов? — взмолился Лафайет, проходя мимо кровати.

— Что ж... только быстро. Считай, что заслужил.

— Дафна! — воскликнул Лафайет, глядя на девушку. — Дафна! С тобой все в порядке?

Веки задрожали и открылись. Недоуменный взгляд скользнул по лицам солдат, остановился на Лафайете.

— Ланцелот? — прошептала она. — Ланцелот... любимый...

— Ладно, хватит, — буркнул сержант.

Когда Лафайета выводили из комнаты, он с отчаянием посмотрел через плечо.

Девятая

Дрожа от холода, Лафайет сидел в кромешной тьме, прислонившись к сырой каменной стенке. Гробовая тишина нарушалась возней мышей в охапке соломы да тяжелым дыханием второго заключенного, его товарища по несчастью, который так и не проснулся, когда О'Лири швырнули в камеру несколько часов назад. Несмотря на удушливый затхлый запах тюрьмы, он продолжал ощущать аромат Лунной Розы, любимых духов Дафны. Перебирая в уме все, что с ним приключилось, Лафайет каждый раз вспоминал теплое мягкое тело, которое так недавно держал на руках, и чувствовал, как щемит сердце.

— Ничего не скажешь, операцию я провел блестяще, — с горечью произнес он. — У меня был ковер-самолет, плащ-невидимка, я сразу попал в ее комнату; короче, мне неслыханно повезло, а я взял и все испортил. С того момента, как дворец превратился в мельницу, я не сделал ничего путного и только подвел Свайнхильду, Родольфо и Микропчика, не говоря о Даф... леди Андрагорре. — О'Лири поднялся на ноги и принялся ходить по камере, делая четыре шага вперед (дальше, как показал эксперимент, находилась стена, о которую можно было больно удариться) и четыре назад. — Неужели я ни на что не способен? А может...

Он зажмурился, хотя в данной ситуации это было необязательно, и попытался сконцентрироваться.

— Я — на Артезии, — пробормотал он. — Только что вышел в сад после бала-маскарада (вот почему на мне такой нелепый костюм) подышать свежим

воздухом. Сейчас я открою глаза и вернусь... — Постепенно голос его становился все слабее. Зловоние камеры мешало убедительно представить прогулку в парке, где хуже других цветов пахла только гортензия. — ...Я инспектирую трущобы... но в Артезии нет трущоб... а в Колби Корнерз?.. Ну, конечно, там есть прекрасные трущобы, счастливые обитатели которых хранят уголь в ваннах... Нет, не то. — Лафайет зажмурился еще сильней и собрался с силами. — Я — член Федеральной комиссии содействия молодоженам. Собираю материал для книги, в которой исследуется время, необходимое молодой семье для устройства привычного беспорядка в новой квартире...

— Послушайте, вы не могли бы бредить потише? — вызывающе произнес неприятный голос из дальнего конца камеры. — Я хочу спать.

— О, значит, вы все-таки живы? — так же вызывающе ответил Лафайет. — Не могу не восхищаться вашей способностью дрыхнуть без задних ног в этом стойле.

— А что вы можете предложить? — последовал незамедлительный ответ. — Жаловаться, не умолкая?

— Нам надлежит думать, как отсюда выбраться, — назидательно сказал Лафайет.

— Думайте на здоровье, я не помешаю.

«Наглый, высокомерный, самоуверенный тип», — неприязненно подумал О'Лири, с трудом сдерживаясь, чтобы не ответить в том же тоне.

— Дверь, к сожалению, стальная, — с наигранной веселостью сообщил он. — Надо искать другой путь...

— Неужели вас смущает какая-то стальная дверь? Судя по вашему голосу, я решил, что вы сорвете ее с петель и стукнете по голове первого, кто вас остановит.

— ...и как можно скорее, — закончил свою мысль Лафайет, заскрежетав зубами.

— Прекрасно. Советую не терять времени. А я по-

сплю. За последние двое суток совсем выбился из сил...

— Неужели? А я, наверное, пировал и развлекался! За последние двое суток, спустившись с ветряной мельницы, я воевал с великанами и пиратами, два раза сидел в тюрьме, чуть не лишился головы, упал в пропасть, был приговорен к каторжным работам за шпионаж, едва не свалился с ковра-самолета и снова оказался в тюрьме!

— Ауууаухм! — зевнул его товарищ по камере. — Счастливчик! Лично мне пришлось заключить договор с сумасшедшим принцем, обмануть доверие герцога, провести одну спасательную операцию, улизнуть от злой колдуньи; и все это время меня пинали, били, царапали, колотили и напоследок засадили в тюрьму.

— Понятно. Что вы намерены предпринять?

— Ничего. Видите ли, все это — сон. Когда я проснусь, вы исчезнете, как дым, и я спокойно займусь своими делами.

— Вот оно что! Бедняга, вы, должно быть, свихнулись от одиночества. Это просто смешно, — О'Лири усмехнулся, — считать меня плодом своего воображения. К сожалению, мы живем в реальном мире.

— Если вы прекратите болтать и позволите, наконец, мне заснуть, я буду вам крайне признателен, — вежливо заявил наглый голос.

— Послушай, Спящая красавица! — не выдержал О'Лири. — Заруби себе на носу, ты сидишь в самой настоящей вонючей тюрьме, по которой бегают мыши, и сгниешь в ней заживо, если не потрудишься приподнять свой зад!

— Убирайся! Я хочу спать.

— Убрался бы, если б мог. Вставай, соня! Может, вдвоем нам удастся что-нибудь придумать.

— Глупости. Тебя здесь нет. Мне необходимо заснуть, а проснусь я, как обычно, на Хетчэр Кроссроудз, в лавке зеленщика Боусера.

Лафайет злорадно рассмеялся.

— Рассказывай сказки! Где находится Хетчэр Кроссроудз?

— В Оклахоме. Тебе не понять. К моему сну это не имеет отношения.

— Оклахома... ты из Америки?

— Надо же, он знает об Америке. Впрочем, неудивительно. Ведь я разговариваю сам с собой, а следовательно, знаю столько же, сколько я сам. Прощай. Не мешай мне спать.

— Подожди, подожди, — взволнованно произнес О'Лири. — Ты хочешь сказать, что прибыл из Соединенных Штатов? Разве ты не туземец?

— Соединенных Штатов? Первый раз слышу. И, естественно, я не туземец. Я же не бегаю в набедренной повязке, размахивая копьем.

— Не знаю, здесь темно. Но если ты из Оклахомы, то не мог не слышать о США!

— Ты имеешь в виду СКА?

— Это еще что?

— Соединенные Колонии Америки. Прошу тебя, будь добрым воображаемым другом и дай мне уснуть. Пошутили, и ладно. Я устал, а завтра — тяжелый день. Мистер Боусер получил соленые грецкие орехи, и к нам сбежится вся округа...

— Попытайся вбить в свою тупую башку, — прорычал О'Лири, — что ты находишься на Меланже. Когда тебя повесят или отрубят голову, ты уже никогда не проснешься. Нам необходимо серьезно поговорить.. Похоже, мы с тобой попали сюда из других измерений...

— Никогда не думал, что мое второе я такой зануда! Если б я не был уверен, что тебя нет, то мог бы поклясться, что ты существуешь.

— Послушай, хватит. Если тебе так больше нравится, давай сделаем вид, что я существую, и начнем действовать. Скажи, как ты сюда попал?

— Меня арестовал принц Круппхим. Теперь доволен?

— Нет... как ты очутился на Меланже?

— А-а, тебя интересует, каким образом мне удалось сфокусировать психическую энергию? — заключенный хрипло рассмеялся. — Лучше бы я тихо-спокойно торговал селедками да сладкими орехами. Нет, сунул нос не в свое дело. Тем более, что мне попалась книга профессора Хоззлемшрумпффа «Современные заклинания, или Легкий Путь Самообмана». Вот я и не выдержал. Сконцентрировался, как полагается, и... из комнаты, которую сдавала мне миссис Гинсберг, попал в знойную пустыню.

— А дальше?

— Я пошел на восток и через некоторое время увидел холмы. Попил воды в ручейке, съел горсть орехов и ягод, отдохнул. Потом вновь отправился в путь и вскоре оказался на возделанном поле неподалеку от города. Нашел какую-то забегаловку, и только собрался перекусить свежим пшеничным хлебом и сыром, как появилась полиция. Они отвели меня к принцу Круппхиму, и я начал у него работать. В общем, новая жизнь пришлась мне по душе, и я ни о чем не думал, пока не встретил леди Андрагорру.

— Леди Андрагорру! — воскликнул Лафайет. — Ты тоже с ней знаком?

— Твое счастье, что я сплю, — ответил возбужденный голос. — Иначе мне пришлось бы свернуть тебе шею! К счастью, это — сон, бред, иллюзия. Милая Беверли не попала в руки мерзавца Круппхима; меня не обманули и не посадили в тюрьму; и я совершенно не голоден. А когда ты, наконец, заткнешься и уберешься вон, я смогу выспаться и завтра с утра пойти в лавку Боусера.

— Вернемся к леди Андрагорре!

— Хоть сейчас. Эти нежные мягкие губки, это прекрасное податливое тело...

— Ах ты... — Лафайет с трудом взял себя в ру-

ки. — Послушай, как тебя там! Ты должен мне помочь! Леди Андрагорра попала в беду...

— ...Всего лишь на прошлой неделе мистер Боусер сказал мне: Лоренцо, мой мальчик, ты далеко пойдешь. Я сделаю тебя старшим продавцом...

— Лоренцо?! Значит, это ты украл леди Андрагорру?! — Вне себя от ярости Лафайет прыгнул вперед и ударился лбом о стену, добавляя к синякам и царапинам легкую контузию. — Ты где? — крикнул он, тяжело дыша и махая руками в воздухе. — Спрятался, жалкий трус! Грязный обманщик! Змея подколодная!

— Чего ты разбушевался? — осведомился из другого конца камеры наглый голос. — Тебе-то что за дело до Бев... леди Андрагорры, рецидивист несчастный?

— От рецидивиста слышу. Как вам это понравится? Сидит в собственной камере... — Лафайет прыгнул. Он чуть было не схватил соперника за рукав, но в следующую секунду получил увесистый удар кулаком в глаз.

— Не смей подходить ко мне, психованный! — воскликнул голос. — О, господи, только маньяка мне и не хватало!

— Ты выманил несчастную девушку из города сладкоречивыми обещаниями, а сам хотел отвезти к старой карге, ее тетке, которая работает у Круппхима!

— Родольфо тоже так думал, но... Впрочем, не суй нос, куда не следует.

— Небось заранее свил любовное гнездышко?

— Вот именно. Правда, мне помешал отряд охраны, невесть откуда появившийся в лесу. Нам пришлось бежать, но мы наткнулись на лорда Занудни с охотниками и попали в плен.

— Оно и к лучшему. По крайней мере здесь у нее имеется приличная постель.

— Вот как? Могу я поинтересоваться, откуда тебе известно о постели Бев... леди Андрагорры?

— Можешь. Я провел под ней незабываемые полчаса.

— Под ней?

— Под ней. Я подслушивал, как она отбивается от приставаний Занудни. Мой личный ковер-самолет, Марк IV, стоял в эркере, и только мы собрались бежать, в спальную ворвалась стража.

— Говорил я Круппхиму, чтобы приглядывал за Занудни! И судя по всему, стража прибыла вовремя!

— Лучше бы они задержались. Я как раз взял ее на руки и...

— Ах ты...

Невидимый узник проскочил мимо О'Лири, который немедленно выставил вперед ногу, с удовлетворением услышав грохот падающего тела.

— Квиты, — сказал он. — Послушай, Лоренцо, зачем нам ссориться? Совершенно очевидно, мы оба стремимся выручить из беды леди Андрагорру. Так не проще ли объединить усилия? А когда она окажется на свободе, разберемся, как мужчина с мужчиной.

— Объединить усилия! — иронически пробормотал голос. — Какие? В этой вонючей камере ни зги ни видно, и у нас нет оружия. Или ты что-нибудь припрятал?

— У меня все отобрали, — огорченно признался Лафайет. — А ведь было чем похвастать: шпага-передатчик, плащ-невидимка, ключ-на-все-замки, плоскоход... — внезапно он умолк, схватился за пояс, отстегнул его, вывернул наизнанку и нащупал молнию. — Подожди, Лоренцо, — охрипшим от волнения голосом сказал он. — Еще не все потеряно.

— Что ты мелешь? — осведомился наглый голос. — Плащи-передатчики? Ключи-невидимки? Я предпочел бы хороший заряд динамита и два железных лома.

— Кажется, нашел, — заявил Лафайет, вынимая из потайного кармана небольшой прямоугольник из гибкого пластика, размерами два на один дюйм. — Они не заметили плоскохода.

— Что это?

— Если верить Микропчику, плоскоход генерирует поле, которое изменяет пространственную конфигурацию объекта в экзокосме. Аппарат преобразует любое одномерное пространство, перемещает его вдоль объемных осей по перпендикуляру и одновременно складывает гармошкой, создавая тем самым эффект обратной величины в эпицентре...

— Ты не мог бы объяснить то же самое простому смертному? — перебил его Лоренцо.

— Плоскоход уничтожает одну из физических характеристик материального тела, компенсируя данное временное изменение повышением плотности поля объекта в двухмерном квази-пространстве.

— Послушай, как ты объяснишь это полному идиоту?

— Плоскоход делает тебя плоским.

— Чем нам поможет корсет? — взвыл Лоренцо.

— Ты не понял. Человек становится по-настоящему плоским и получает возможность проникать между молекулами материи. Другими словами, можно проходить сквозь стены. Именно поэтому аппарат назван плоскоходом.

— Великий боже, а ведь я уже удрал от солдат, когда меня сцапал сукин сын Занудни! Кошмар какой-то!

— Молодец, Лоренцо! Вот таким ты мне нравишься! А теперь посторонись; я попробую вспомнить, что мне говорил Микропчик. Значит так: продольные оси должны совпадать, гладкую поверхность прижать к груди... или наоборот?

— Они придумали мне новую пытку, — простонал Лоренцо. — Заперли с сумасшедшим. Я мог бы раньше догадаться и не обращать на него внимания. Бед-

ная Беверли. Она, конечно, будет сопротивляться из последних сил, но нахальство ее похитителя и перспектива стать принцессой и хозяйкой замка могут сломить ее волю.

— Я тоже через это прошел, — признался Лафайет, тщательно ощупывая плоскоход и нажимая на крохотную кнопку в центре. Ничего не изменилось. О'Лири разочарованно уставился в окружавшую его кромешную тьму. — Черт побери! — рассеянно сказал он. — Не везет, так не везет. Будем думать. Послушай, Лоренцо, в камере высокий потолок? Если там есть потайная дверь и один из нас встанет на плечи другому, можно будет удрать. — Лафайет приподнялся на цыпочки, вытянул руку над головой, но ощутил под пальцами пустоту. Он подпрыгнул, но тоже безрезультатно. — Что скажешь? Я заберусь на твои плечи, или ты на мои? — Ответа не последовало. Стояла мертвая тишина, даже мыши перестали шуршать в соломе. — Эй, Лоренцо! Заснул ты, что ли?

Вытянув руки, О'Лири пошел вперед, пытаясь нащупать стену. Через десять шагов он стал двигаться медленнее, а еще через пять — остановился.

— Странно, — пробормотал он. — Мне почему-то казалось, что камера меньших размеров.

Повернувшись, О'Лири пошел обратно, отсчитывая пятнадцать шагов, двадцать, двадцать пять, тридцать... Внезапно в глаза ему брызнул яркий свет. Уставившись на стену из сверкающего прозрачного стекла, внутри которой извивался непонятный темный предмет, он заморгал и наклонил голову. Стена поплыла, сжимаясь; в ней появились волнистые линии, точки и черные пятна, сливающиеся в реальную, хоть и искаженную картину тускло освещенного коридора с хрустальными стенами, хрустальным полом и массивными дверьми из черного хрусталя.

— Я вышел из камеры! — воскликнул О'Лири. — Плоскоход сработал! Лоренцо... — Он повернулся, и

в то же мгновение стены расширились и вытянулись, словно отражаясь в кривом зеркале. — Эффект двухмерного пространства, — пробормотал Лафайет, вспомнив объяснения Микропчика. — Интересно, откуда я пришел? — Он нерешительно шагнул вперед и оказался в темноте. Сделав пятнадцать шагов, О'Лири остановился. — Лоренцо! — сдавленным шепотом произнес он. — Мы спасены! — Ответа не последовало. — Ну конечно, он не может меня слышать, пока плоскоход включен...

Лафайет нажал на вторую кнопку, расположенную с обратной стороны прямоугольника. Видимых изменений не произошло, но стали отчетливо слышны звуки приглушенных рыданий.

— Только этого не хватало! — прикрикнул Лафайет. — Не раскисай, Лоренцо! Слезами горю не поможешь.

Он услышал удивленный возглас.

— Лэйф? — прошептал знакомый голос. — Это правда ты?

О'Лири принюхался. Пахло чесноком.

— Свайнхильда! — вскричал он. — Как ты сюда попала?

* * *

— Т-ты с-сказал, чтобы я з-за тобой не ходила, — объяснила Свайнхильда пятью минутами позже, всласть наплакавшись на плече О'Лири, который успокаивающе похлопывал ее между лопатками. — Но я видела, как ты выезжал из ворот, а рядом с пивнушкой была привязана лошадь. Я вскочила на нее, и перевозчик на барже показал, какой дорогой ты поехал. Когда я подскакала к карете, тебя как раз собирались вешать.

— Так это ты завыла пантерой?

— Прости, Лэйф, ничего другого в голову не пришло.

— Ты спасла мне жизнь, Свайнхильда!

— Ага. От солдат я, конечно, удрала, но совсем

заблудилась. Моя лошадь шла и шла, а потом споткнулась и сбросила меня в кусты. Когда я из них выползла, смотрю, откуда ни возьмись, сидит на пне старуха и курит сигару. Я так обрадовалась, что даже с ней поздоровалась, все-таки — живой человек. Старушка подскочила, будто на кактус уселась, и уставилась на меня, как на привидение. «Великий боже, — говорит она. — Невероятно. Но в конце концов, почему бы нет?» Только я хотела спросить, окончательно она рехнулась или нет, старая перечница соскочила с пня, сунула мне под нос какую-то жестянку, из которой несло нафталином, а потом я ничего не помню.

— Мне кажется, я знаком с этой старушкой, — угрюмо сказал Лафайет. — Придется когда-нибудь сполна заплатить ей по счетам.

— Затем мне снился дурацкий сон, словно я лечу по воздуху. Проснулась я в красивой комнате, и рядом сидел старикашка, гладкий такой, ухоженный, должно быть, брат старушки. Начал задавать кучу дурацких вопросов, не скажу, чтобы скромных, а когда я хотела уйти, стал меня хватать, ну я и засветила ему как следует. А потом я оглянуться не успела, как в комнату ворвались солдаты и отвели меня в эту камеру. — Свайнхильда вздохнула. — Может, я поторопилась поставить ему фонарь под глазом, но уж больно руки у него были холодные. И я знала, Лэйф, что ты никогда меня не бросишь. — Мягкие губы осторожно сжали мочку его уха. — Кстати, — прошептала она, — хочешь пожевать? Я прихватила с собой бутерброды с салями и сыром. Раскрошились немножко, потому что пришлось прятать их под юбку, но...

— Спасибо, не хочется, — торопливо ответил Лафайет, высвобождаясь из ее объятий. — У нас совсем мало времени. Придется выйти и поискать ключ...

— Эй, а как ты сюда попал? Я не слышала, чтобы дверь открылась.

— Прошел сквозь стену. Никакого волшебства.

Электроника. Потом объясню. Но я не могу взять тебя с собой. Так что придется поискать ключ от камеры...

— Ты хочешь оставить меня одну?

— Ничего не поделаешь, Свайнхильда. Не волнуйся. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

— Х-хорошо, Лэйф. Только не задерживайся. Я никогда не любила сидеть одна в темноте.

— Ну-ну, не бойся, будь умницей. — Он потрепал ее по плечу. — Попытайся вспомнить что-нибудь приятное. Оглянуться не успеешь, как я за тобой приду.

— Д-до свидания, Лэйф. Береги себя.

О'Лири ощупью добрался до стены и вновь вышел в переливающееся светом пространство. К разительным переменам трудно было привыкнуть. Убедившись, что коридор пуст, Лафайет нажал на крошечную кнопку, с облегчением убедился, что мир приобрел привычные очертания, и, крадучись, пошел вперед. Двое мужчин в алых мундирах стояли спиной к нему в освещенном дверном проеме, футах в двадцати от выхода из тюрьмы. У одного из них за поясом висела огромная связка ключей. Приблизиться незамеченным было невозможно, и О'Лири включил плоскоход, глядя, как сливаются пол с потолком, а светящаяся стена перед глазами становится прозрачной.

— Главное, не растеряться, — сурово приказал он себе. — Подойти вплотную, материализоваться, выхватить ключи и снова стать плоским. Понятно?

При первом же его шаге светящаяся стена заколебалась, рухнула, превратилась в полупрозрачную вуаль. Лафайет вытянул руку, но ничего не почувствовал.

— Очередной пространственный эффект, — пробормотал он. — Не страшно. Надо идти.

Пробираться в густом молочном тумане было крайне неприятно. Посмотрев в сторону, О'Лири увидел аккуратно сложенные хрустальные кирпичи, убегавшие вдаль по мере того, как он прдвигался вперед. Постепенно у него сложилось впечатление, что

он попал в кривое зеркало, из которого нельзя выбраться. Через пять шагов у Лафайета закружилась голова. Через десять — он вынужден был остановиться, чтобы справиться с приступом морской болезни.

— Придется Микропчику попотеть, — сказал он, с трудом сглатывая слюну, — прежде чем пустить плоскоход в свободную продажу.

Пересилив себя, О'Лири сделал еще пять шагов. Может, пора?

Внезапно он очутился в калейдоскопе красок. Желтый, красный, бронзовый... буквально в дюйме от его носа возникла явственная картина позвоночника, плавающего в розовато-белом студне.

Рванувшись изо всех сил, Лафайет отпрыгнул в сторону и, очутившись в полной темноте, облегченно вздохнул.

— Микропчик не говорил, — пытаясь унять бешено колотящееся сердце, пробормотал он, — что можно проходить сквозь человека.

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем О'Лири удалось успокоиться. Не зная, в каком направлении идти, он пошел наугад и, сделав несколько шагов, выключил плоскоход. Яркий солнечный свет ударил ему прямо в глаза.

— Как тебе удалось удрать? — раздался чей-то удивленный голос.

На мгновение Лафайет увидел небольшой открытый дворик, ухмыляющееся лицо под шляпой с плюмажем, занесенную для удара дубинку, а в следующую секунду ближайшая башня упала ему на голову, и мир взорвался, погружаясь в темноту.

Десятая

— Да ну вас, Ваша светлость, этот парень появился в нашем дворике, моргая, как сова. — Монотонный мужской голос шумел и грохотал, напоминая морской прилив. — Я его вежливо попросил: мол, пойдем со мной, а он сразу за нож. Я чуть не на коленях умолял: отдай, говорю, ножик, не надо, совсем как вы велели, чтобы не применять насилия, а он попытался удрать, и поскользнулся на банановой кожуре, и упал, и ударился головой о ручку двери. Я же знаю, что Ваше высочество приказали, и я никогда не посмел бы, и вообще не понимаю, после двадцати лет преданной службы...

— Заткнись, кретин! Я тебе приказал обращаться с ним как с любимой девушкой! А ты приносишь его с шишкой на голове размером с королевскую печать. Еще одно слово, и я скормлю тебя львам!

Сделав невероятное усилие, Лафайет приоткрыл один глаз и убедился, что стоит на ногах, а сзади его поддерживают за плечи. Он находился в большой комнате, завешанной гобеленами, устланной коврами, заставленной зеркалами в золоченых рамах, канделябрами и полированной мебелью красного дерева. Прямо перед ним, в большом удобном кресле, сидел маленький седовласый человечек с угрожающим выражением на лице, которое Лафайет так хорошо знал.

— Го-го-го-го-го, — пробормотал О'Лири и остановился, чтобы перевести дыхание.

— Сержант, если вы сделали из него идиота, я отрублю вам голову! — взвыл человечек, вскакивая

и кидаясь к Лафайету. — Лоренцо! Лоренцо, это я, твой друг, принц Круппхим! Ты меня понимаешь? — Он взволнованно посмотрел О'Лири в глаза.

— Я... вас... понимаю, — выдавил из себя Лафайет. — Но... но... вы... вы...

— Прекрасно, мой мальчик! Эй, вы, кретины, усадите гостя на подушки! Принесите вина! Как твоя голова, сынок?

— Ужасно, — ответил Лафайет, морщась от каждого удара пульса. — Я почти протрезвел, когда свалился в шахту лифта, и едва пришел в себя, как получил дубинкой по голове. У меня три сотрясения мозга, как минимум. Мне нужен врач. Мне нужно выспаться. Мне нужна таблетка аспирина.

— И ты ее получишь, мой мальчик. Вместе с моими глубочайшими извинениями за это ужасное недоразумение. Надеюсь, ты не в обиде за невыдержанность, которую я проявил при нашей последней встрече? Нервы разгулялись. Честное слово, я как раз хотел попросить у тебя прощения, когда сержант доложил, что ты прогуливаешься в моем дворе. Ах да, кстати, могу я спросить, как ты туда попал?

— Я прошел сквозь стену. Точно не помню. У меня все в голове перемешалось.

— О, конечно, конечно. Не имеет значения. Постарайся ни о чем не думать, расслабься, выпей бокал вина. Как следует выспишься и будешь как новенький, только сначала поговорим немного.

— Я не хочу говорить. Я хочу спать. Мне необходимо снотворное. Мне необходимо переливание крови и трансплантация почки. А так как я умираю, мне ничто не поможет, усилия врачей окажутся напрасными...

— Глупости! Возьми себя в руки, Лоренцо, и сам не заметишь, как поправишься. Но сначала ответь мне на один — ха, ха! — деликатесный вопрос. Где она?

— Кто?

— Не играй с огнем, мой мальчик! Ты прекрасно понимаешь, о ком идет речь.

— О ком?

— О леди Андрагорре, — резко сказал Круппхим. — Что ты с ней сделал?

— Кто, я?

Его высочество засверкал глазами и, сложив пальцы рук, хрустнул суставами с такой силой, что у Лафайета еще сильней разболелась голова.

— У кого еще хватило бы наглости выкрасть ее из роскошных апартаментов, в которые я, по доброте сердечной, поместил это неблагодарное создание.

— Интересный вопрос, — пробормотал О'Лири. — Скорее всего, у Лоренцо, если бы он не сидел в тюрьме. Но...

— Вот именно! Итак, где она?

— Понятия не имею. Но если ей удалось бежать, я от души рад.

— Ничтожный червь! Ты скажешь мне правду, не добром, так под пытками.

— А я-то думал, со мной будут обращаться как с любимой девушкой, — сказал Лафайет, закрывая глаза и с любопытством наблюдая за огненными кругами, которые то сжимались, то расширялись, в такт ударам его сердца.

— Я тебе покажу любимую девушку! Всю шкуру спущу плеткой-девятихвосткой... — Круппхим умолк и с шумом выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы. — Тяжела полнота государственной власти, — скорбно сказал он. — Но такова моя участь. Я пытаюсь помочь этому обманщику, хочу поступить с ним по справедливости, а вместо благодарности он плюет мне в лицо...

Лафайет с трудом открыл глаза.

— Просто удивительно, — произнес он, еле ворочая языком. — И разговариваете вы в точности, как он. Если б я не встретил на своем пути Свайнхильду,

и Борова, и леди Андрагорру, и Пешкороля, и герцога Родольфо, то мог бы поклясться, что вы...

— Ах, вот в чем дело! Этот слизняк Родольфо тебя соблазнил, заставил свернуть с пути истинного? Что он тебе обещал? Я дам вдвойне! Втройне!

— Гм-мм... насколько я помню, он говорил о неувядающей благодарности...

— Моя благодарность не увянет в десять раз дольше, чем у этого жалкого мелкопоместного дворянчика!

— Я бы предпочел, чтобы вы окончательно решили, — сказал Лафайет, — чего мне ждать, немилости или почестей?

— Ну-ну, мой мальчик. Я пошутил. Мы с тобой горы свернем! Весь мир окажется у наших ног! Богатства земли, морей и лесов, сказочные сокровища Востока будут нашими! — Круппхим наклонился, и глаза его мечтательно заблестели. — Посуди сам, кому, кроме нас, известны месторождения алмазов, залежи золота, изумрудные копи? И мы не промахнемся, сынок, верно? — Он подмигнул. — Ты будешь моим компаньоном. Объединив мой гений организатора и твой особый талант, мы покорим вселенную!

— Особый талант? Я играю немного на гармошке: обучился, слушая курсы по телевизору...

— Можешь быть со мной откровенен, мой мальчик, я все знаю. — Круппхим добродушно погрозил пальцем.

— Послушайте, принц, вы зря теряете время. Если леди Андрагорры нет в отведенных ей комнатах, я понятия не имею, где она может быть.

Лафайет поставил локти на колени, закрыл лицо руками и бережно, как переспелую дыню, опустил голову на ладони, глядя на Круппхима сквозь раздвинутые пальцы. Рот принца открылся, потом захлопнулся, и он замер, изумленно глядя на О'Лири.

— Ну конечно, — прошептал Круппхим. — Как я сразу не догадался?

— Что-нибудь померещилось? — резко спросил Лафайет.

— Нет... ничего не померещилось. Удивительно! Нет, нет, все в порядке, мой мальчик. Не обращай внимания. Мне внезапно пришло в голову, что ты устал, прямо на ногах не стоишь. Уж, наверное, не откажешься сейчас от горячей ванны? Или от девушек, которые потрут тебе спинку, а потом уложат в постель? А когда отдохнешь, мы с тобой поговорим, и ты скажешь, чего тебе еще не хватает. Да? Вот и прекрасно. Эй, вы! — Принц щелкнул пальцами, созывая слуг. — Приготовить царские покои для почетного гостя! Душистую ванну, моих личных массажисток, придворного врача. И пусть не забудет принести мазь и микстуру для этого благородного дворянина!

Лафайет зевнул во весь рот.

— Ванна, — пробормотал он. — Спать... о, боже...

Он почти не помнил, как его провели широким коридором, помогли подняться по лестнице и добраться до большой комнаты, устланной мягкими коврами. Нежные женские ручки сняли с него грязную одежду, бережно опустили в душистую ванну, помыли, насухо вытерли, уложили между двумя накрахмаленными простынями. Свет померк, и О'Лири впал в забытье.

* * *

Внезапно он вздрогнул, глаза его сами собой открылись. В комнате было все так же темно.

«Кому, кроме нас, известны месторождения алмазов, залежи золота, изумрудные копи... — зазвучал в его ушах голос Круппхима. — Твой особый талант...»

— О залежах золота и изумрудов может знать человек из высокоразвитого параллельного мира, но никак не коренной житель Меланжа, — пробормотал О'Лири. — Месторождения полезных ископаемых в разных измерениях находятся на пересечении одних и тех же координат, и пришелец не ошибется, отпра-

вившись, скажем, в Кимберли. А следовательно, принц Круппхим такой же пришелец, как я. — Лафайет уселся на кровати. — И он тоже знает, что я — пришелец. Но тогда мы должны были встречаться раньше, а значит, я не ошибся: принц Круппхим и бывший король Артезии Горубль — одно и то же лицо, способное путешествовать по другим измерениям. А в этом случае он может помочь мне вернуться на Артезию!

Лафайет, сам того не заметив, очутился на ногах. Нащупав выключатель, он зажег лампу, подошел к шкафу и достал одежду, в том числе злополучный плащ-невидимку, выстиранный и отглаженный.

— Но зачем ему леди Андрагорра? — продолжал размышлять он, торопливо одеваясь. — И Свайнхильда? Ну, конечно! Ведь Горубль понимает, что Свайнхильда — двойник принцессы Адоранны, а леди Андрагорра — Дафны... Впрочем, сейчас это не имеет значения, — строго сказал он, глядя в зеркало. — Прежде всего ты должен помочь Даф... леди Андрагорре. И Свайнхильде. А затем мы отведем их в безопасное место и попытаемся договориться с позиции силы, может, заключим сделку, пообещав не выдавать Горубля Централи, если он поможет нам вернуться домой. Верно? — спросил он, глядя, как отражение согласно кивает головой. — Умница.

О'Лири подошел к окну и отодвинул штору. Наступили глубокие сумерки, и башенки Стеклянного Дерева сверкали и переливались в призрачном свете. Он попытался вспомнить многочисленные переходы, коридоры и воздушные мосты, среди которых ему надо было выбрать маршрут до той башенки, где томилась леди Андрагорра.

Только бы не заблудиться. Неслышно ступая, он вышел из комнаты. Один-единственный солдат, стороживший в самом конце освещенного коридора, даже не оглянулся.

* * *

Три раза за последние полчаса коридоры заводили Лафайета в тупик, вынуждая возвращаться. Но в конце концов он нашел лестницу, по которой стражники тащили его несколько часов назад в тюрьму. На верхней площадке скучал солдат, вооруженный до зубов. Затянув потуже тесемки плаща-невидимки, О'Лири бесшумно подошел к часовому и аккуратно ударил ребром ладони по шее. Бережно подхватив падающее тело, он положил его на пол и попытался открыть дверь. Она оказалась запертой. Лафайет постучал.

— Леди Андрагорра! Откройте! Я — ваш друг! Я помогу вам бежать! — Он прислушался, но за дверью царила мертвая тишина. Быстро обыскав солдата, Лафайет нашел кольцо с ключами и через минуту вошел в темную пустую комнату. — Дафна? — негромко позвал он.

Ни звука в ответ. О'Лири заглянул в ванную, открыл дверцы шкафа, осмотрел прихожую.

— Все сходится, — пробормотал он. — Крупхим — Горубль сказал, что она исчезла. Но куда? — Он пересек комнату, вошел в эркер и уставился в угол. Ковер-самолет Марк IV бесследно исчез. — Почему я, старый дурак, его не спрятал? Понадеялся на устройства Микропчика, болван самоуверенный, и решил, что справлюсь за пять минут и убегу вместе с Дафной. А теперь я здесь застрял, и даже если найду ее, на чем мы улетим?

Лафайет вышел из комнаты, закрыл за собой дверь. Часовой пришел в сознание и что-то бормотал себе под нос. О'Лири невольно прислушался.

— ...не виноват я, начальник, как же это можно удрать из башни, коли ты не птичка? А во дворе ни одного кусочка нет, так что я считаю, этой дамы тут вовсе не было...

— Гм-мм... — пробормотал Лафайет. — Верно подмечено. Действительно, как ей удалось бежать?

Разве что на Марке IV. Но ведь это невозможно. Кроме меня, никто не может им воспользоваться.

— А? — Стражник, держась за шею, принял сидячее положение. — Брошу пить. Обязательно. То в обморок падаю, то голоса какие-то слышатся...

— Ерунда, — раздраженно заявил Лафайет. — Ничего тебе не слышится.

— Фу, слава богу! А то ведь и рехнуться недолго. — Цепляясь за стенку, солдат поднялся на ноги. — Надо бы выпить по этому поводу.

«Теперь я ничем не могу помочь леди Андрагорре, — подумал Лафайет. — Но... боже всемогущий, я совсем забыл о Свайнхильде! Бедная девочка, одна, в темноте...»

Он кинулся вниз по лестнице.

Коридор, высеченный в скале, был узок и извилист. Лафайет шел мимо запертых на тяжелые засовы дверей, за которыми томились потерявшие надежду пленники в грязных лохмотьях, с отросшими бородами, лежащие на гнилых соломенных матрасах. Вдоль стен горели тусклые лампочки по пятнадцать ватт. В самом конце коридора путь преграждала массивная дверь, запертая на несколько ржавых замков.

Значит, так... правое крыло дворца... где-то близко... примерно здесь...

Лафайет нашел место, на котором появился, первый раз выйдя из камеры, и принялся внимательно изучать стену. Ему вовсе не хотелось повиснуть в воздухе или вновь оказаться во дворе. Неожиданно он услышал сзади чьи-то крадущиеся шаги. В ту же секунду О'Ли-ри включил плоскоход, сделал несколько шагов в темноту и вернулся в нормальное состояние.

— Свайнхильда? — негромко позвал он. — Свайнхильда?

За его спиной послышался негромкий звон и шуршание одежды, потом появилась полоска света, постепенно расширяющаяся. В дверном проеме возник

силуэт мужчины в помятой шляпе и со связкой ключей в руках.

— Лафайет! — прошипел раздраженный голос. — Ты здесь?

— Лоренцо! — воскликнул О'Лири. — Откуда? Я думал...

— Значит, ты все-таки вернулся, — сказал Лоренцо, облегченно вздыхая. — Как раз вовремя! Я уже третий раз спускаюсь в эту вонючую дыру! Пойдем скорее. Когда-нибудь мое везение кончится.

— Как тебе удалось бежать?

— Когда ты ушел и даже не попрощался, я понял, что в камере есть потайной ход, и в конце концов обнаружил на потолке небольшую дверцу. С тех пор меня могли сцапать тысячу раз. Наверное, ты был прав, когда говорил, что этот мир реален. И играть в кошки-мышки с солдатами понравилось мне куда больше, чем спать с мышами в камере. Пойдем!

— Не могу. Леди Андрагорра исчезла...

— Она со мной. Сидит за окном на Марке IV. Полезная вещь, должен тебе сказать. Нет, хорошо все-таки, что я сплю, иначе никогда не поверил бы, что ковры-самолеты существуют на самом деле. Послушай, долго тебя ждать?

— Прекрасно! — проворчал О'Лири. — Подразумевалось, что он настроен на мою личную длину волны...

— Не шуми. Солдаты играют в карты на верхней площадке лестницы.

— Подожди минутку, — попросил Лафайет. — Мне необходимо задержаться, чтобы...

— Ты в своем уме? Я всем рискнул, даже не зная, вернешься ты за мной или нет, повинуясь никчемному чувству ответственности, которое помешало мне удрать на Марке IV и бросить тебя в беде, а ты собираешься задерживаться! Делай что хочешь, я пошел! — Он швырнул ключи на пол.

— Жди меня на ковре, — прошипел Лафайет вдо-

гонку, подхватывая ключи на лету и выходя в коридор.

Отперев первую дверь, он распахнул ее и тут же захлопнул, услышав из темноты разъяренное рычание, напоминающее рев гризли. Мгновением позже дверь сотряслась от тяжелого удара. Во второй раз О'Лири повел себя осмотрительней и сначала заглянул в щелку.

— Свайнхильда! — шепотом позвал он и был вознагражден удивленным и радостным восклицанием. Зашуршала солома, запахло чесноком, и теплое тело прижалось к его груди.

— Лэйф, а я думала, ты меня бросил.

Мускулистые руки с удивительно мягкой кожей обвили его шею. Нежные губки прижались к его губам.

— Мммхххххнннммммм, — сказал О'Лири, но внезапно понял, что испытываемое им ощущение никак нельзя назвать неприятным. Кроме того, он просто не имел права оскорбить бедную девушку, отказавшись принять ее дружескую благодарность... В течение тридцати секунд Лафайет добросовестно исполнял свой долг.

— Ну же, Лэйф, хватит, не время сейчас, — сказала Свайнхильда, с трудом переводя дыхание. — Давай сначала удерем из тюрьмы, слишком она похожа на мой дом. Держи завтрак. Он мне всю грудь натер.

О'Лири машинально сунул промасленный пакет в карман, взял девушку за руку и повел за собой по темному коридору, стараясь двигаться бесшумно. Внезапно они услышали грубые голоса, крики, взволнованное восклицание, похоже, произнесенное Лоренцо, и женский визг.

— Скорей! — Лафайет побежал вперед.

Звуки борьбы, тяжелого дыхания и увесистых ударов слышались все отчетливее. О'Лири завернул за угол и увидел своего бывшего товарища по каме-

ре, которого пытались скрутить двое высоких стражников. Третий крепко держал леди Андрагорру за талию.

Один из стражников швырнул Лоренцо на пол и поставил ему ногу на спину, не давая подняться. Солдат, державший девушку, увидел О'Лири, поперхнулся, открыл рот...

Лафайет запахнулся в плащ, сделал шаг вперед, утопил кулак в солнечном сплетении ближайшего стражника и ударил носком сапога по бедру второго. Увернувшись от обоих солдат, нелепо размахивающих руками в воздухе, он подскочил к третьему и резко стукнул костяшками согнутых пальцев по почке. С удовлетворением услышав дикий вопль, Лафайет взял леди Андрагорру за руку.

— Не бойтесь, я — ваш друг, — прошептал он и потащил девушку за собой, лавируя между ругающимися солдатами. Один из них попытался схватить ее за плечо, но получил сильнейший удар в челюсть и отлетел к стенке, медленно оседая на пол. В это время из-за угла появилась Свайнхильда и широко открытыми от изумления глазами посмотрела прямо сквозь О'Лири.

— Лэйф, — выдохнула она. — Откуда ты взял эту шляпу?

— Скорее! Спускайся на следующую лестничную площадку и посади леди Андрагорру на ковер за окном, — крикнул Лафайет и подтолкнул девушек друг к другу.

— Ой, Лэйф, я и не знала, что ты чревовещатель! — восхищенно воскликнула Свайнхильда, но О'Лири, не дослушав, подбежал к своему товарищу по несчастью, стоявшему на четвереньках в неизменной шляпе, окончательно помятой и со сломанным плюмажем. Рывком подняв на ноги ничего не соображающего Лоренцо, у которого был подбит глаз и шла кровь из носа, Лафайет подтолкнул его вслед за женщинами.

— Я задержу этих клоунов, пока вы сядете на ковер! — крикнул он. — Поторопитесь!

Сделав шаг вперед, О'Лири подставил ножку первому солдату, бросившемуся вдогонку за беглецами; ударил ребром ладони по шее второго; потом повернулся и побежал вниз по лестнице.

Он увидел за окном лицо Свайнхильды, которая тянула за руку полуоглушенного Лоренцо, никак не желавшего перекидывать ногу через подоконник.

— Ты кто такая? — бормотал он. — Аспера Адастра, королева Мюзик-холла? Все равно не люблю тебя, люблю Бев... леди Андрагорру. Или все-таки Беверли?

— Не бойся, она на борту, — сказала Свайнхильда, резко откидываясь назад. Лоренцо описал короткую дугу и скрылся из виду. Из темноты послышались приглушенные возгласы.

Когда Лафайет подбежал к окну, в шести футах от него Марк IV медленно провисал под тяжестью трех копошащихся тел.

— Перегрузка вышла. — Голос Свайнхильды звучал совсем тихо и казался каким-то далеким. — Видно, здесь один лишний, и... ох, Лэйф, наверное, мы не увидимся больше. Прощай... и спасибо тебе за все.

И на глазах замершего от ужаса Лафайета она соскользнула с ковра, а Марк IV, мгновенно выпрямившись, скрылся в ночи.

* * *

— Ох, нет, — взмолился Лафайет. — Она не умрет, она опустится на балкон, зацепится за прутья... — Он быстро высунулся из окна и посмотрел вниз. Изящная фигурка, зацепившаяся за развесистый куст, непонятным образом выросший из голой скалы, раскачивалась в пятнадцати футах от него. — Свайнхильда! Держись!

О'Лири перекинул ногу через подоконник и начал быстро спускаться, используя неровности камня. До-

бравшись до девушки, он схватил ее за кисть руки и, подняв на узкий уступ, поставил рядом с собой.

— Дурочка, — сказал он, едва отдышавшись. — Зачем ты это сделала?

— Лэйф... ты... ты за мной вернулся, — ответила она дрожащим голосом и улыбнулась, глядя на него заплаканными глазами. — Но... тогда Ее светлость осталась совсем одна.

— С ней Лоренцо, черт бы его побрал, — успокоил ее Лафайет, поеживаясь от холодного ветра и внезапно понимая, в каком опасном положении они очутились.

— Лоренцо? Кто это?

— Придурок в мятой шляпе. Вбил себе в голову, что леди Андрагорра — его девушка, которую зовут Беверли. Он давно хотел увезти ее в какой-то домик, но ему помешали люди Круппхима.

— Знаешь, Лэйф, я совсем запуталась. Слишком все стремительно происходит, ни минуты покоя. Не гожусь я, наверное, для светской жизни.

— И я тоже, — рассеянно сказал Лафайет, глядя на уходящую ввысь каменную стену и переводя взгляд на черную пропасть внизу. Он крепко ухватился за шероховатый выступ пальцами и закрыл глаза.

— Куда пойдем, Лэйф? — спросила Свайнхильда.

Лафайет попытался подтянуться, сделал неосторожное движение, поскользнулся и повис на руках, изо всех сил прижавшись к скале и стараясь дышать как можно ровнее, чтобы не потревожить камней и не вызвать обвала. Он вновь нащупал уступ ногами. Порывы ледяного ветра пронизывали насквозь, раздували юбку Свайнхильды, как парус.

— Единственное, что нам может помочь, — сказал он приглушенным голосом, — это хоть какая-нибудь дверь неподалеку.

— Вот эта не подойдет? — громко спросила Свайнхильда.

— Какая?

О'Лири осторожно повернул голову и увидел в десяти футах слева дубовую дверь на тяжелых железных петлях.

— Попробуем! — изумленно пробормотал он. — Это — наш единственный шанс.

Разжав плохо слушающиеся пальцы, Лафайет осторожно нащупал сбоку от себя небольшой камень и продвинулся на шесть дюймов. Через пять минут, показавшихся ему вечностью, он ухватился за пучок травы, растущей рядом с дверью, и с бесконечной осторожностью взялся за ее ручку.

Он дергал, тянул, толкал, пытался поднять, опустить и сдвинуть ее в сторону. Бесполезно. Лафайет застонал.

— Ну почему я не пожелал об открытой двери, пока у меня была такая возможность?

— Попытайся постучать, — предложила Свайнхильда сдавленным голосом.

О'Лири заколотил в дверь кулаком, не обращая внимания на мелкие камешки, посыпавшиеся из-под его ног.

— Поторопись, Лэйф, — спокойно сказала Свайнхильда, подобравшаяся к нему почти вплотную. — По-моему, я падаю.

О'Лири заколотил еще сильнее.

— Наверное, нет смысла прощаться во второй раз, — вздохнула Свайнхильда. — Но все равно знай, что я рада была с тобой познакомиться. Ты один обращался со мной, как с порядочной девушкой...

— Свайнхильда! — Глядя, как она начинает скользить вниз, Лафайет откинулся назад, поймал ее за руку, удержал на месте. Он почувствовал, что сейчас упадет...

Раздался щелчок, протяжный скрип, и дверь открылась, обдавая его потоками теплого воздуха. Ко-

ренастый гном, уперев руки в боки, стоял и смотрел на них, нахмурившись.

— Ну, долго вас ждать? — рявкнул Микропчик. — Входите!

Заскорузлая рука схватила Лафайета за шиворот и втащила внутрь вместе со Свайнхильдой.

* * *

— К-к-как ты здесь оказался? — выдавил из себя О'Лири, прислонившись к стене каменного тоннеля, освещенного факелами.

— Я прибыл сюда с бригадой сотрудников, чтобы осуществить конфискацию имущества за неуплату долгов. — Микропчик ронял слова, будто гвозди заколачивал. — Мы сочли необходимым действовать быстро и решительно, пока он не успел опомниться.

— Здорово придумано, пупсик, — игриво сказала Свайнхильда. — Опоздай ты на минуту, и нам крышка.

— Не смей называть меня «пупсиком», девчонка! — взъярился Микропчик. Вынув из кармана большой носовой платок, он вытер лоб и звучно высморкался. — Я запретил этому дураку, Жмохрюте, доставлять товар по неоплаченным счетам, а ему в одно ухо влетело, в другое вылетело. Жаден, как черт, а в результате остался с носом.

— Ты хочешь конфисковать Стеклянное Дерево?

— Ни за что. Пока существует шанс получить с Круппхима валютой, нам не нужен этот белый бронтозавр. Я собираюсь изъять последнюю партию товара, которую мы, по своей наивности, ему доставили.

— Как вовремя ты появился, Микропчик! Послушай, Круппхима необходимо немедленно арестовать! Он не тот, кем кажется с первого взгляда. Вернее, он именно тот, кем с первого взгляда кажется! Он меня узнал, понимаешь, а это значит, что Круппхим на самом деле не Круппхим, а его двойник, король Го-

рубль, но он, конечно, не знает, что я знаю, что он не знает, что...

— Угомонись, сэр! — перебил его Микропчик. — Я опоздал. Этот шулер нам все карты спутал: удрал за несколько минут до нашего появления, прихватив с собой самое ценное.

Одиннадцатая.

— Опять не повезло, — простонал Лафайет, взявшись за голову.

Он сидел за столиком сверкающей гостиной Стеклянного Дерева. Несколько слуг и солдат нерешительно переминались с ноги на ногу, не решаясь, в отсутствие хозяина, выпроводить наводнивших замок коротышек. Повара покинули сверхсовременные кухни, но Свайнхильде удалось состряпать яичницу с ветчиной и сварить кофе. Гномы из бригады Микропчика уныло сидели за соседними столиками, мысленно подсчитывая потери. Представитель Аякса обиженно произнес:

— А мне тогда что сказать? Этот обманщик, втершийся в наше доверие, по уши залез в долги. За последние три года, ссылаясь на какие-то грандиозные планы, он заставил Аякс выполнить огромное количество заказов. Разумеется, в кредит. И вдруг он исчезает за несколько минут до моего появления, оставляя здесь весь этот хлам. — Для пущей убедительности Микропчик помахал рукой. — Кто оплатит счета?

— Почему он так внезапно отказался от своих планов? — задумчиво произнес Лафайет. — Может, он меня испугался? Доложи я в Централь, что Горубль принялся за старое, ему несдобровать.

Микропчик нахмурился и недоуменно посмотрел на О'Лири.

— Послушай, друг, ты хочешь сказать, что знаешь о Централи? Но... это второй по важности секрет спецмастерских Аякса!

— Еще бы мне не знать! Я — ее внештатный сотрудник, — ответил Лафайет. — Но Горубль наверняка струсил и, отправив меня спать, удрал вместе со своей свитой. А я до такой степени одурел от усталости, что почти ничего не соображал. И когда разобрался, что к чему, было поздно. — Он с трудом выпрямился, откидываясь на спинку стула, и опять застонал. — Если б я, старый дурак, вместо того, чтобы спасать леди Андрагорру, сразу отправился к Горублю, то давно был бы дома!

— Не убивайся ты так, Лэйф, — сочувственно сказала Свайнхильда. — Ты сделал все, что мог.

— Нет, не все! — Лафайет ударил кулаком по столу. — Может, мне еще удастся его опередить. Он не знает, что я знаю, что я знаю, а я знаю... К черту! Короче, он не знает, что я знаю, кто он такой! И он не знает, что у меня неограниченный кредит в Аяксе!

Микропчик, с тревогой смотревший на О'Лири, при последних его словах встрепенулся.

— Кто сказал, что у тебя кредит в Аяксе? — возмущенно спросил он.

— Э-э-э... в создавшейся ситуации... ведь у нас одна цель, вывести Круппхима-Горубля на чистую воду...

— Гм-мм... — пробормотал Микропчик. — Разумеется, кредит будет строго ограничен. У тебя есть определенный план?

— Мне необходимо вернуться в Миазмы и предупредить Родольфо. Может, вдвоем нам удастся остановить Горубля. Дело за тобой, Микропчик. Поможешь?

— Почему не помочь? Только не забудь, что ты нам должен за доставку в Стеклянное Дерево и прочие мелкие услуги...

— Мы обсудим этот вопрос позже. Мне предстоит долгий путь, а время не ждет.

— Постараюсь устроить тебя на поезд метро, в котором мы приехали, — неохотно сказал Микропчик. —

Хотя, конечно, посторонним вход в него строго запрещен.

— Метро? Ты хочешь сказать, что от комплекса Аякс до Стеклянного Дерева проложена подземка?

— Естественно. Я же говорил, что никогда не доверял принцу, потому что у него глаза...

— В таком случае, — зловещим тоном произнес О'Лири, — почему ты заставил меня лететь на ковре, Марк его IV, самолете? Я мог сломать себе шею!

— Все хорошо, что хорошо кончается, — примирительно сказал Микропчик. — Мне нужно было провести отвлекающий маневр, чтобы Круппхим не догадался о задуманной мною операции по изъятию его собственности. И когда еще мог мне предоставиться случай испытать оборудование в полевых условиях? Пойдем. Сам говорил, время не ждет.

Крохотный, словно игрушечный, вагончик метро проносился по извилистым пещерам, громко стуча колесами. Свайнхильда, скрючившись на узком сидении, спала как убитая, и в конце долгого путешествия ее пришлось разбудить. Девушка охала и ахала, пока они шли мимо гигантских цехов, мастерских, лабораторий, вдыхая непонятные ей запахи, глядя на кипучую работу, не прекращавшуюся даже ночью.

— Я слышал сказки о гномах, которые работают под горой, — признался Лафайет, — но мне всегда казалось, что это — маленькие бородатые человечки, кующие золото на наковальнях.

— Мы давно модернизировали производство, Везунчик, — объяснил Пешкороль. — В результате только за последние сто лет производительность труда увеличилась на восемьсот процентов!

Они миновали помещения, отведенные для администрации, и спустились на склад, где группа техников, повинуясь указаниям Микропчика, развернула на полу небольшой темно-зеленый ковер.

— Марк XII, последняя модель, — гордо заявил начальник лаборатории. — Ветровое стекло, магни-

тофон с наушниками, ремни безопасности, мягкое сиденье.

— Дурацкий ковер, — убежденно сказала Свайнхильда. — А я где сяду?

— Ты не полетишь, — резко ответил О'Лири. — Слишком опасно.

— Нет, полечу! Попробуй меня не пустить!

— Я не позволю тебе рисковать жизнью на этой половой тряпке!

— А я не собираюсь торчать на этом идиотском заводе и ходить пополам согнувшись, чтоб не расшибиться о потолок!

— Конечно, нет, мадам, — сказал Пешкороль. — Фицпромах, разверни Марк XIII, двухместный. — Он вызывающе посмотрел на О'Лири. — Если кто-нибудь считает, что меня можно оседлать и поехать, взвалив на мои плечи заботу о кобыле на два фута выше меня ростом, он ошибается. К тому же, — мстительно добавил он, — мне ее не прокормить.

— Ну... раз так... — сдался Лафайет.

Прошло десять минут, в течение которых техники тщательно проверяли рабочие контуры ковра-самолета и регулировали взлетно-посадочное устройство. Потом Марк XIII вынесли на балкон и развернули.

— Половая тряпка? — вполголоса фыркнул Микропчик. — Он безопаснее океанского лайнера. Только не гони больше шестидесяти первые несколько миль, и не забудь, что управление осуществляется голосом.

— Конечно, конечно, — рассеянно пробормотал Лафайет, ежась от холода и плотнее запахиваясь в подбитый мехом плащ-невидимку.

Свайнхильда уселась сзади, обхватив его руками за талию.

— Поехали! — сказал О'Лири.

У него появилось знакомое ощущение тошноты. Ковер выровнялся, ложась на заданный курс. Ледяной ветер засвистел в ушах, огни Аякса начали удаляться и исчезать вдали.

— Ты ведь не сердишься, что я тебе навязалась? — прошептала Свайнхильда, прижавшись к начинавшему замерзать Лафайету.

— Нет, — буркнул он, не оборачиваясь. — Только, ради бога, не вмешивайся в мои дела. Круппхим удрал, испугавшись, что я его узнаю и в бараний рог скручу с помощью пси-энергий. — О'Лири иронически хмыкнул. — Узнать-то я его узнал, но он понятия не имеет, что у меня не осталось и крупицы былой силы.

— Зато тебе везет, — успокоила его Свайнхильда, — а это — самое главное. Если б не дверь в скале...

— Странное везение, — задумчиво сказал О'Лири. — В парке я нашел маскарадный костюм, а до этого, на баркасе — кухонный нож, который появился в критический момент. У меня возникает ощущение, что опять удалось сфокусировать пси-энергию, но когда я пытаюсь еще раз что-нибудь изменить, ничего не получается. Ужасно раздражает.

— Да, трудное это дело, Лэйф, быть героем. Но раз взялся — терпи.

— Герой? Я? — О'Лири скромно рассмеялся. — Нет, Свайнхильда, ты ошибаешься. Герои любят опасности, вечно суют нос не в свое дело, шляются по свету в поисках разных приключений, а я хочу одного: мира и покоя.

— Но ведь это так просто, Лэйф. Разверни ковер и полетим на юг. Я слышала, там очень красивые острова. Построим шалаш, будем ловить рыбу, собирать кокосовые орехи...

— Может, ты и права, Свайнхильда. Но сначала я должен посчитаться с мерзавцем Круппхимом! Горубль проклятый! Ничего на свете не пожалею, лишь бы он оказался у меня в руках! Представляю его физиономию, когда я скажу, что мне известно, кто он такой! О, если б мне до него добраться...

— Осторожно! — воскликнула Свайнхильда, глядя на белую стену, приближающуюся к ним с угрожающей скоростью.

Лафайет закричал, приказывая Марку XIII подняться, но поздно. Ковер резко наклонился влево, скользнул по сугробу, подпрыгнул и скачками понесся вниз по склону горы, вздымая за собой туманный шлейф снега. Свайнхильда крепко обхватила Лафайета руками, ремень безопасности врезался ему в ребра, встречный ветер ударил в лицо со страшной силой...

Подпрыгнув на глыбе льда, ковер пролетел по воздуху и упал в глубокий снег. О'Лири с трудом выпрямился и увидел прямо перед собой движущиеся огни, неясные фигуры, услышал хриплые голоса, стук копыт...

— Это... ты! — заикаясь, произнес знакомый голос. — Как... почему... откуда... Когда я уезжал, ты сладко храпел в моих самых роскошных апартаментах! Что ты здесь делаешь?

— Думал меня надуть? — задыхающимся голосом произнес Лафайет. — Фигу с два, Ваше высочество! Я знаю, кто ты такой и что задумал... — Он заерзал, пытаясь освободиться, но внезапно понял, что ковер, непонятным образом завернувшийся вокруг тела, туго спеленал его по рукам и ногам.

— П-послушай, мой мальчик, — неуверенно сказал Горубль, жестом приказывая солдатам отойти в сторону. — Давай договоримся. Ты ведь отхватил тепленькое местечко, зачем же мне мешать? Сам понимаешь, как тяжело королю превращаться в простолюдина. Почему бы тебе не проявить милосердие? С твоей помощью я снова смогу занять трон Артезии и в долгу не останусь. Хочешь, я подарю тебе Меланж?

— Дудки! — ответил О'Лири, лихорадочно пытаясь высвободить одну руку. — На Артезии я могу

получить все, что захочу. С какой стати я буду тебе помогать?

— Но здесь ты станешь властелином мира. Земли, моря, полезные ископаемые, женщины, наконец, — все будет твоим.

— Остаться на Меланже? Ты сошел с ума! С тех пор, как я попал в эту дыру, меня преследуют одни несчастья!

Горубль открыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Склонив голову набок, он внимательно посмотрел на О'Лири.

— В таком случае, мой мальчик, почему ты ничего не предпринял?

— Э-э-э...

— Насколько я помню, ты оказался в затруднительном положении, когда моя стража тебя арестовала. А сейчас, судя по манере твоего появления, похоже, ты перестал быть хозяином своей судьбы. — Экс-король задумчиво потер подбородок. — Ты — Лафайет О'Лири, я видел кольцо. Только у тебя есть печатка с изображением топора и дракона. Но... — тут голос его стал вкрадчивым, как у тигра, собирающегося плотно пообедать, — ...мой дорогой мальчик, ты случайно не потерял способности манипулировать вероятностями по желанию?

— Конечно нет! Я... я только что изъявил желание побеседовать с тобой, и вот... я здесь.

— Вот именно. Весь в снегу и с очередной шишкой на голове. Итак, сэр Лафайет, прежде чем мы возобновим переговоры, не угодно ли тебе будет продемонстрировать свое мастерство? Например, я бы не отказался продолжить беседу за бутылкой вина в небольшой палатке с теплой печкой.

— Ерунда. Не собираюсь тратить времени на всякие глупости.

— Хорошо. Тогда что-нибудь попроще, скажем, веселый костер в пещере неподалеку. — Горубль неопределенно махнул рукой в пелену падающего снега.

— К чему столько сложностей? — пробормотал Лафайет. — Лучше сдайся мне в плен, а я обещаю заполвить за тебя словечко Фитильзаду...

— Признавайся! — прошипел Горубль вполголоса, наклоняясь к самому лицу О'Лири. — Ты ничего не можешь! Даже сейчас ты абсолютно беспомощен! Признавайся!

— Вовсе нет, — отчаянно закричал О'Лири. — Мои силы в полном моем распоряжении!

— Что ж, тогда попробуй выбраться из ковра.

Лафайет дергался, извивался, выкручивался, но добился того же результата, что муха в паутине. Горубль расхохотался.

— Замечательно! Просто замечательно! Значит, мои ночные треволнения яйца выеденного не стоят! Я не знаю, как тебе удалось проникнуть в мои нланы, сэр О'Лири, но вреда тут большого нет. Скорее наоборот... — Он перестал смеяться, задумался и кивнул головой. — Вот именно. Ты подал мне прекрасную мысль. С какой стати я буду себя ограничивать каким-то Меланжем? Почему бы не расширить мою империю, включив в нее все измерения Континуума? Что скажешь? И кстати, куда подевалась капризная милашка, которую ты у меня украл?

— Ты никогда ее не найдешь, — угрюмо ответил О'Лири.

— Упрямишься? Ничего, мой мальчик, скоро ты по-другому запоешь. О, нас с тобой ждет не одна дружеская беседа! На службе моего подданного, герцога Родольфо, состоит очень искусный человек, некто Стонруб, который быстро развяжет тебе язык!

Горубль резко повернулся, громким голосом отдал приказ. Солдаты в красных мундирах подбежали, подняли Лафайета на ноги, развернули ковер...

— Баба! — воскликнул один из них, с изумлением глядя на появившуюся из-за спины Лафайета Свайнхильду, у которой зуб на зуб не попадал от холода.

Горубль весело рассмеялся.

— Наконец-то мне пошла карта! — вскричал он. — Это судьба подает знак не сворачивать с избранного пути! Я выиграю, ты слышишь? — Он поглядел по сторонам, сияя счастливой улыбкой, в то время как ухмыляющиеся солдаты, схватив девушку за руки, оттащили ее от О'Лири. Марк XIII остался лежать на снегу, оставленный без присмотра. Лафайет рванулся, что было сил, и хотя был немедленно схвачен, успел поставить ногу на заснеженный край ковра и громко крикнул:

— Лети домой! Полный вперед, никуда не сворачивая!

Марк XIII захлопал краями, разбрасывая снег и сосульки, подпрыгнул на шесть футов в воздух, завис, отряхиваясь как собака после купания, а затем, ловко увернувшись от подпрыгнувшего солдата, взмыл вверх и исчез в снежной пелене.

— Колдовство! — взвыл солдат, падая на спину.

— Глупости! — рявкнул Горубль. — Знаем мы эти штучки. Значит, ты связался с вымогателями из Аякса, сэр Лафайет? Ничего, разберусь и с ними, и с Меланжем, дай только срок.

— Слишком ты высокого о себе мнения, — презрительно сказал Лафайет. — В прошлый раз тебе не удалось захватить власть, и сейчас ничего не выйдет.

— Привяжите этого выскочку к седлу, — приказал Горубль капитану стражи. — Может, холод и сознание собственного бессилия научат его хорошим манерам.

* * *

Эй, друг, никак опять ты? Давно не виделись, — весело приветствовал О'Лири добист герцога Родольфо, глядя, как четверо стражников швырнули Лафайета, скорее живого, чем мертвого, на деревянную скамью рядом с большой жаровней, на которой ле-

жали раскаленные добела с полдюжины щипцов и кусачек.

— Мммнрррргггххх, — выдавил из себя Лафайет, не в силах шевелить губами и пытаясь придвинуться поближе к огню. — Жги меня, только дай погреться!

— Как скажешь, друг, так и будет. Погоди-ка, я соображу, на чем мы остановились. — Послышался звук рвущегося полотна: это Стонруб скреб щеку. — Ладно, уговорил, начнем с прижигания, потом разгоним кровь по телу стальной плеткой, а напоследок распнем тебя на раме, чтоб все тело загуляло. Неплохо придумано?

— Замечательно, — еле ворочая языком сказал Лафайет. — Двух мнений быть не может. Скажи, а ты не мог бы для начала немного помешать угли?

— Вот это правильно, друг. Так держать! Послушай, только для тебя: хочешь, испытаем новое оборудование? Прислали мне давеча гидравлический пресс для суставов, сплошная автоматика. Закручивает все подряд, от бедренных костей до костяшек пальцев. А может, оставим пресс и аппарат для снимания кожи на потом? После них обратного хода нет, сам понимаешь. Нельзя же допустить, чтобы ты покинул нас навсегда, пока не расколешься. Герцог, бедняга, так прямо рвал и метал, как ему хотелось выведать все твои секреты.

— Это не герцог, а мерзавец Круппхим вбил себе в голову, что я все ему расскажу, — объяснил Лафайет. — Послушай, Стонруб, как сознательный гражданин ты должен бороться против принца Круппхима, а не помогать ему. Он собирается захватить власть и использовать Меланж как плацдарм для нападения на Артезию!

— Политика, — извиняющимся тоном ответил Стонруб, — никогда не была моим хобби. Правительства уходят и приходят, а спрос на добистов только растет.

— Неужели ты не патриот? — вызывающе спро-

сил О'Лири. — Этот человек — маньяк. Он разорит Меланж, уничтожит запасы сырья, не оставит ресурсов...

— Все понимаю, друг, как не понять? Послушай, если не возражаешь, давай начнем, а о патриотизме расскажешь, пока я работаю. Скажи, тебя не затруднит снять рубашку и встать к этой дыбе?

— М-можно я с-с-начала погрею ноги?

— Прекрасная мысль. Я помогу тебе снять ботинки, и мы осторо-ож-ненько раздвинем лодыжки, придавая им оптимальное положение. Слишком близко, и будет куча дыма; слишком далеко — не тот эффект. Так что...

— Послушай, почему бы мне сразу во всем не признаться? — торопливо спросил О'Лири. — И тебе хлопот меньше. Итак, с чего начать? Как я очутился на мельнице две недели назад? Или три? Точно не помню. А может, рассказать, как я жил себе припеваючи, о чем любой нормальный человек может только мечтать, но был этим недоволен? Или...

— Эй, друг, постой! Подожди! — вполголоса произнес Стонруб, нервно оглядываясь по сторонам. — Что ты делаешь? Хочешь, чтобы я лишился работы?

— Ничего подобного. Просто сегодня вечером настроение у меня такое разговорчивое.

— Сейчас утро. Эх, друг, у тебя все в голове перепуталось.

— Утро, вечер — какая разница? Мне хочется говорить день и ночь, не умолкая. Итак...

— Шшшш! — Стонруб приложил толстый палец к выпяченным губам. — У тебя нет сердца! Знаешь, сколько завистников метят на мое место? Если ты начнешь болтать до того, как я тебя одним крючочком тронул, кое-кто начнет поговаривать о сокращении штатов. А я, друг, слишком стар, чтобы переквалифицироваться. Будь человеком, помолчи хоть немного, ладно?

— Я... я вот что тебе скажу, — предложил Ла-

файет, косясь на дымящиеся щипцы в волосатой руке добиста. — Ты на несколько минут отложишь в сторону свои железяки, — мне бы хотелось поупражняться по системе йогов, чтобы по достоинству оценить твою виртуозную работу, — а я попытаюсь на время придержать язык.

— Ничего не скажу, что благородно, то благородно. Спасибо, друг.

— Не стоит благодарности. Чем могу. Кстати, ты ничего не слышал о молодой девушке, которую привезли в замок одновременно со мной?

— И слышал, и видел. Если ее малость помыть, девочка будет что надо. По-моему, твой приятель, принц Круппхим, хочет подзаняться с ней отдельно. — Добист подмигнул.

— Гадина! — яростно сказал Лафайет и стиснул зубы. — Стонруб, ты ведь честный человек. Неужели ты потерпишь, чтобы этот грязный жулик использовал тебя в своих интересах?

Добист вздохнул.

— Эх, повидал я идеалистов на своем веку. Вы, юноши, весь мир хотите вылечить от болезней. Но с возрастом начинаешь разбираться, что к чему. Вот я, например, искусный техник, и этом горжусь. Я всю душу в работу вкладываю, чтобы потом не стыдно было людям в глаза смотреть, и чтобы люди смотрели на мою работу, а я стоял с гордо поднятой головой. Теперь ясно? И раз уж мы о работе заговорили, не пора ли начинать, а то старый плут Родольфо может появиться в любую минуту и начнет скандалить...

— Он уже появился, — холодно произнес герцог Родольфо, заходя в камеру.

Стонруб подпрыгнул на месте и резко повернулся.

— Ну и ну! — воскликнул он. — Чего это вы крадетесь как кошка, Ваша светлость? Вы меня так напугали, что я, может, и работать больше не смогу. —

Добист вытянул руки и стал внимательно смотреть, не дрожат ли пальцы.

— Не имеет значения. Его высочество окажет тебе честь своим посещением. Подтянись и попытайся произвести на него хорошее впечатление, как и подобает человеку твоей профессии... — Услышав шаги в коридоре, герцог умолк. — Ах, сюда, сюда, мой принц, — елейным голосом произнес он, выдавливая улыбку. — К сожалению, наша скромная камера пыток не оборудована по последнему слову техники, но...

— Да, вижу, — перебил его Круппхим, появляясь собственной персоной в сопровождении двух лакеев, которые согнулись до такой степени, что, казалось, чистили ему сапоги. Маленькие глазки забегали по камере, остановились на Лафайете. Принц фыркнул.

— Оставь нас, Руди, — приказал он. — И забери с собой этих шутов гороховых. — Пинком ноги Круппхим отшвырнул одного из лакеев, пытавшегося что-то поправить в складках одежды. — А ты останься, — обратился он к Стонрубу.

— Но я не успел показать вам новые...

— Мы разрешаем тебе удалиться! — рявкнул Горубль-Круппхим.

И пока свита, пятясь, торопливо выходила из комнаты, принц подошел к поднявшемуся со скамейки О'Лири, оглядел его с головы до ног и засунул большие пальцы за усыпанный драгоценными камнями пояс, выпятив нижнюю губу.

— Ну хорошо, сэр Лафайет, — тихо сказал он, явно не желая, чтобы их разговор слышал добист, который переминался с ноги на ногу в углу камеры, полируя железный сапог. — Последний шанс. Твоя ценность — минус твои бывшие способности — практически равна нулю, но все же я могу тебя использовать. События последних нескольких часов в корне изменили мои планы. Подумаешь, Меланж! Как ты справедливо заметил, это — дыра. Надо мыслить

масштабно! Когда-то, благодаря твоему вмешательству, я потерял трон Артезии. Сейчас ты поможешь мне вернуть его.

— Никогда, — устало ответил Лафайет. — Вспомни, как ты обошелся с принцессой Адоранной. Тебя закидают камнями, как только ты покажешься на Артезии, если, конечно, тебе удастся туда попасть, в чем я искренне сомневаюсь.

Горубль ткнул Лафайета пальцем в грудь.

— Откинь прочь свои сомнения, сэр Лафайет! Нет ничего проще, чем попасть на Артезию! Час назад я отослал нашим общим знакомым из Аякса чертежи Путепроходца, который будет готов через несколько дней.

— Боюсь, тебя ждет разочарование. Ты — некредитоспособен. Насколько я понял, гномы собираются получать по счетам, а не брать тебя на иждивение.

— Правда? — спросил Горубль-Круппхим, расплываясь в улыбке и лаская пальцами большой бриллиант, вставленный в воротничок его манишки. — Благодаря любезности моего верноподданного, герцога Родольфо, я получу новый кредит. Что же касается недружелюбного отношения ко мне со стороны артезианцев, я уверен, оно рассеется как дым, когда принцесса Адоранна публично объявит, что все предыдущие слухи обо мне — наглая ложь и клевета, распространяемая врагами народа; что я, на самом деле, единственный ее благодетель; и что она желает передать мне корону, как умудренному опытом монарху, который заботится лишь о благе государства.

— Она никогда этого не сделает, — не задумываясь, ответил Лафайет.

— Может быть, — спокойно сказал Горубль, кивая головой. Он опять ткнул пальцем в грудь, словно приглашая насладиться хорошей шуткой. — За нее это сделает Свайнхильда.

— При чем здесь Свайнхильда... — Лафайет умолк. — Ты собираешься подменить ею Адоранну? — Он с сожа-

лением посмотрел на своего собеседника. — Опомнись, Горубль! Свайнхильда — девушка хорошая, но ей никогда не удастся обмануть королевский двор.

Горубль повернулся, кивнул Стонрубу. Добист подошел к двери и что-то сказал. Послышались легкие шаги. Стонруб отступил в сторону, вскрикнул от изумления и низко поклонился воздушному созданью, вошедшему в комнату. У О'Лири невольно открылся рот при виде изящной красавицы в роскошном платье, усыпанном драгоценными камнями, надушенной, элегантной, с золотистыми волосами, уложенными короной на голове, и совершенными чертами лица.

— Принцесса Адоранна! — воскликнул он. — Откуда...

— Лэйф! С тобой все о'кэй, милый? — спросил взволнованный и озабоченный голос Свайнхильды.

— Придется немного поработать над ее лексиконом и дикцией, прежде чем вывести в свет, — спокойно заметил Горубль, — но это не в счет. Маленькая деталь.

— Свайнхильда... ты ведь не станешь помогать этому негодяю, правда? — настойчиво сказал Лафайет.

— Он... он говорил... если не помогу, он изрубит тебя на куски, Лэйф... и...

— Достаточно! Уберите ее! — взревел Горубль, покраснев от злости, и резко повернулся к О'Лири, в то время как Стонруб с поклоном выпроваживал девушку из комнаты. — Девчонка притворяется, чтобы ты не подумал о ней плохо, — сердито сказал он. — Она ухватилась за мое предложение обеими руками, чего еще ждать от кухарки? Естественно, она мечтает спать на шелковых простынях, кушать с золотой посуды...

— А что ты собираешься сделать с настоящей Адоранной?

— При межпространственном переносе, — ответил

Горубль, хитро улыбаясь, — нельзя нарушать симметрии. Бывшая принцесса окажется на Меланже в роли обычной девки: достойное наказание за то, что она отняла у меня трон. — Горубль потер руки. — Как только я понял, кто ты такой, мой мальчик, передо мной распахнулись новые горизонты. Сначала я планировал захватить леди Андрагорру, чтобы держать в повиновении распоясавшегося болвана Родольфо. Но сейчас — другое дело. Она станет проходной пешкой в новой партии и не посмеет меня ослушаться, впрочем, как и все остальные. И для тебя я тоже приготовил маленькую роль. — Лицо его стало суровым. Помоги мне, и сохранишь свое место в королевском дворце Артезии. Откажись, и тебя ждет участь, которой никто не позавидует!

— Ты совсем спятил, если считаешь, что я буду помогать тебе в осуществлении каких-то жалких планов!

— Вот как? Обидно. А я было совсем решил — конечно, когда они мне больше не понадобятся, — передать тебе обеих женщин в полное твое распоряжение. Увы! Раз ты не хочешь помочь, придется подарить их более преданному слуге!

— Не посмеешь!

— Еще как посмею! — Горубль яростно погрозил пальцем. — Истинный секрет успеха, мой дорогой мальчик, — полная безжалостность. Я уже получил один хороший урок. Избавься я с самого начала от маленькой девочки — принцессы Адоранны — и маленького мальчика — принца Лафайета, — мне бы не пришлось сейчас ломать голову, как вернуть былое величие.

— Я не стану тебе помогать. — Лафайет закашлялся. — Делай, что хочешь. Централь все равно тебя поймает...

Горубль рассмеялся.

— Ты недооцениваешь изящество моего плана! Должен признать, что Централь, повсюду сующая

нос, до сих пор сдерживала порывы моего богатого воображения. Но новое уравнение энергий полностью исключает возможность ее вмешательства. Ведь при переносе ничего не изменится: Адоранна и Дафна останутся на своих местах, только получат новые роли. В матрице вероятностей не возникнет дисбаланса, который мог бы привлечь внимание Централи к мирной Артезии, теряющейся в океане других измерений. Поверь, как бывший инспектор Континуума, я знаю, о чем говорю. А теперь будь благоразумен, соглашайся, и я честно разделю с тобой власть.

— А пошел ты к... — предложил Лафайет. — Без меня Свайнхильда никогда не согласится тебе помогать, а без нее — все твои планы рухнут.

— Как хочешь. — Горубль лукаво улыбнулся. — Я — человек сентиментальный, и предпочел бы видеть тебя в числе друзей, но у меня в запасе есть и другие варианты.

— Блеф! — презрительно сказал Лафайет. — Ты говорил, что заменишь Дафну леди Андрагоррой, но мне доподлинно известно, что ей удалось бежать.

Горубль сладко зевнул, повернулся к Стонрубу.

— Кстати, — сказал он. — Можешь не пытать изменника по поводу того, где находится леди Андрагорра. Ее схватили вместе с любовником полчаса назад, и я жду их с минуты на минуту. А этого бродягу — бросить в клетку Горога Прожорливого. Говорят, он несколько дней не получал пищи, а кушать всем хочется.

— Эх, не везет мне, друг, — пожаловался Стонруб, проводя Лафайета тускло освещенным коридором. — Нет, теперь совершенно ясно, что у меня куча завистников. Это у меня-то, который и мухи не обидит! Вот и говори после этого о долгих годах преданной службы! — Добист вздохнул и остановился у решетки с прутьями дюймовой толщины. — Порядок, он в своем логове и спит, так что не придется

отгонять его электрическим прутом, когда открою дверь. Терпеть не могу мучить животных.

— Послушай, Стонруб, — сказал Лафайет, чувствуя зловонный запах и невольно отшатываясь от соломенного тюфяка, на котором валялись обглоданные кости, — ввиду нашей старинной дружбы, не мог бы ты выпустить меня с черного хода? Ведь герцогу необязательно знать...

— Оставить Горога без обеда? Мне стыдно за тебя, друг. Такое предложение не делает тебе чести. — Добист приоткрыл дверь и, как О'Лири ни упирался, втолкнул его в клетку. — Прощай, друг, — сказал он, звеня засовами. — Эх, и тебе не повезло! Сколько секретов ты бы мог от меня узнать!

Когда шаги Стонруба замерли в отдаленьи, из темной ниши в стене раздался низкий гортанный рев. Лафайет резко повернулся и увидел углубление, напоминающее пещеру саблезубого тигра. В темноте угрожающе засверкали маленькие красные глазки. Потом появилась голова — не с острыми клыками, как у тигра, и не тупая, как у медведя, а заросшая длинными волосами, падающими на человекообразное лицо, испачканное грязью и с жесткой щетиной на щеках и подбородке. Животное вновь зарычало.

О'Лири попятился. Голова приблизилась; стали видны массивные плечи, бочкообразный торс. Огромное существо поднялось на задние лапы, отряхнуло колени, уставилось на Лафайета голодным взглядом.

— Ха! — проревел глубокий низкий голос. — Я тебя знаю! Здорово ты меня надул, приятель, врезав веслом по голове!

— Хват! — Лафайет поперхнулся. — Как... как ты сюда попал? Я думал, это клетка Горога Прожорливого...

— Так оно и есть, голуба. Псевдоним. Пришел я в город, чтобы тебя разыскать, а ребятишки герцога засадили меня за бродяжничество. Я, конечно, очистил от них пару улиц, но потом притомился, а они

возьми да кинься на меня со всех сторон сразу, да еще пушечное ядро на голову уронили. — Гигант нежно почесал затылок двумя пальцами.

— Ч-чтобы м-меня разыскать? — О'Лири вновь попятился и уперся в стену, не в состоянии проглотить бильярдный шар, почему-то застрявший в горле и мешавший воздуху проникать в легкие. — З-зачем?

— Должен же я с тобой рассчитаться, кэп. Не из тех я, кто бросает дело на полпути.

— Послушай, Хват, у меня на иждивении две беспомощные старушки, и я их единственная опора, — сказал Лафайет ломающимся голосом. — И вообще, нечестно, если все так глупо кончится.

— Кончится? Приятель, это только начало! — взревел Хват. — Чтобы мне с тобой как следует рассчитаться, понадобится куча времени!

— Чем я заслужил такую участь? — простонал Лафайет. — Ну что я такого сделал?

— Лучше подумай, босс, чего ты не сделал.

— Не сделал?

— Ага. Ты ведь не вышвырнул меня за борт лодки, а мог. Хоть я и туго соображал, но все слышал: когда маленькая леди предложила от меня избавиться, ты сказал, что коли он без сознания, нельзя его швырять акулам.

— И т-такова моя н-награда?

— Точно, кэп. — Гигант положил руку на живот, из которого донеслось еще одно низкое рычание. — Это ж надо, я и не помню, когда последний раз жрал. Наверное, мои кишки скоро друг с дружкой начнут грызться.

Лафайет изо всех сил зажмурился.

— Слушай, давай скорее, а то я не выдержу и соглашусь на все условия Горубля. Начинай.

— Что начинать, голуба?

— Ешь м-м-меня, — сказал О'Лири, едва шевеля губами.

— Чтобы я тебя съел? — недоуменно спросил

Хват. — Слушай, кэп, да ты не так понял. Как я могу слопать своего спасителя?

О'Лири приоткрыл один глаз.

— Ты... ты не собираешься разрывать меня на куски?

— Зачем бы я стал это делать?

— Не имеет значения, — сказал Лафайет, чувствуя, как у него подкашиваются ноги и он оседает по стенке на пол. — Существуют темы, которые я предпочел бы не обсуждать. — Он глубоко вздохнул, сел поудобнее и посмотрел на гиганта, участливо наблюдающего за ним с восьмифутовой высоты. — Послушай, если ты действительно хочешь мне помочь, давай подумаем, как отсюда выбраться.

Хват почесал в затылке пальцем, толщиной с торище.

— Ну...

— Можно пробить тоннель в стене, — предложил О'Лири, засовывая руку в щель между двумя огромными валунами. — Но это займет несколько лет, и у нас нет инструментов. — Он задумался. — Может, в потолке есть потайная дверь?

Хват покачал головой.

— Всю неделю ходил согнувшись, чтобы не стукнуться. Цельнодубовая плита, четырехдюймовка.

— Э-э-э... тогда пол.

— Скала, шесть дюймов.

Следующие десять минут Лафайет ходил по камере, тщательно осматривая стены, дверь и нишу, и в конце концов устало облокотился о решетку.

— Надо смотреть правде в глаза, — с отчаянием в голосе произнес он. — Я проиграл. Свайнхильду заставят подчиниться, Адоранна станет посудомойкой в Миазмах, Горубль захватит Артезию, леди Андрагорру поменяют на Дафну... а Дафну, может быть, подарят Родольфо или отдадут Лоренцо Счастливчику, которого зовут Ланцелот Долговязый.

— Эй, кэп, я тут кой-чего придумал, — сообщил гигант.

— Приляг, Хват, отдохни, — безжизненно сказал О'Лири. — Ничего тут не придумаешь.

— Ага. Но...

— Это самая настоящая пытка. Лучше бы ты разорвал меня на куски.

— Ага. Но если...

— Я должен был знать, что этим кончится. Нельзя все время удирать из тюрьмы; рано или поздно поймают и упрячут раз и навсегда.

— Конечно, мой план не такой, чтобы очень шикарный, но какого черта? — сказал Хват.

— Какой план? — тоскливо спросил О'Лири.

— Я тебе о том и толкую, кэп. Мой план.

— Валяй, говори.

— Ну, я вот что придумал... хотя нет, тебе, наверное, надо, чтобы был шик, вроде секретных тоннелей или дыр в потолке.

— Ничего, говори, не стесняйся.

— Ага... только не думай, я понимаю, что такому джентльмену, как ты, это не подойдет, но... что скажешь, если я сорву дверь с петель?

— Сорвешь две... — Лафайет повернулся, посмотрел на стальную решетку и громко рассмеялся.

— Ну, конечно! Давай!

Гигант выпрямился, стукнувшись головой о потолок, схватился за толстые прутья, широко расставил ноги в сапогах шестидесятого размера, сделал глубокий вдох и рванул решетку на себя. Раздался неприятный визг металла, сопровождаемый диким скрежетом. Огромный камень вывалился из кладки стены и с грохотом рухнул на пол. С душераздирающим звуком, напоминающим столкновение двух «роллс-ройсов», притершихся боками на бешеной скорости, решетка покорежилась, изогнулась и выскочила из гнезд. Хват отшвырнул изувеченную конструкцию в сторону и спокойно вытер ладони о кожаные штаны.

— Это все ерунда, голуба, — сказал он. — Дальше что?

* * *

Лафайет, освобожденный от кандалов одним движением руки Хвата, шел по коридору вместе с гигантом мимо клеток, в которых сидели, болтали или дрались заключенные с растрепанными волосами и дикими лицами. В камере пыток никого не было.

— Плохо, — сказал Лафайет. — Я рассчитывал, что Стонруб нам поможет.

— Ой, смотри, какие забавные! — воскликнул Хват, поднимая с жаровни набор острых как бритвы кусачек, предназначенных для постепенного откусывания носов и прочих мягких частей тела. — Мне всегда хотелось заполучить хорошие щипчики для ногтей.

— Послушай, Хват, нам необходимо составить план действий, — сказал О'Лири. — Если мы начнем шататься по дворцу, нас опять схватят и закуют в кандалы. Все помещения наводнены солдатами Родольфо и личной охраной Горубля. Нам необходимо организовать диверсию, чтобы отвлечь их внимание, а тем временем выкрасть Свайнхильду и леди Андрагорру.

— Эй, вы! — проорал громкий голос в глубине коридора. — Я требую адвоката! Я требую американского консула! Я требую, чтобы мне разрешили позвонить по телефону!

— Похоже на Лоренцо... — Лафайет кинулся к камере, из которой доносились вопли. Человек с вандейковской бородкой и усиками, прической Эдгара Аллана По и высоким воротничком времен Гувера и Наполеона, тряс решетку, схватившись за прутья холеными руками.

— Эй, вы... — он недоуменно посмотрел на О'Лири. — Э-э-э... я случайно вас не знаю?

— Лоренцо? — Лафайет улыбнулся. — Все-таки тебя сцапали? Когда мы последний раз виделись, ты

меня бросил на произвол судьбы, а сам, конечно, удрал. Зачем ты нацепил этот дурацкий костюм и бороду?

— Не болтайте глупостей, — заявил узник наглым голосом, который раздражал Лафайета еще в темной камере Стеклянного Дерева. — Не ваше дело, но меня зовут Лафкадио. И вообще, кто вы такой? Могу поклясться, мы где-то встречались...

— Не валяй дурака, — сердито сказал Лафайет. — Нам с Хватом удалось бежать, но леди Андрагорра...

— Насколько я понимаю, речь идет о Цинтии. Значит, вы тоже участник заговора? Номер не пройдет! Не смейте даже на пушечный выстрел подходить к моей невесте...

— Мне казалось, ее зовут Беверли. Впрочем, неважно. Если я тебя выпущу, поможешь нам устроить небольшую диверсию? Мне необходимо незаметно пробраться в глубь дворца.

— Выпускайте скорее! — взвыл бородач. — Об условиях позже договоримся!

— Хват! — позвал Лафайет. — Займись. — Он пошел по коридору. Заключенные с любопытством следили за каждым его движением. — Послушайте, ребята! — сказал О'Лири. — Нам с приятелем удалось освободиться. Если я вас выпущу, обещаете ли вы бегать сломя голову по коридорам, нападать на стражников, бить мебель и посуду, вопить во все горло и шуметь как можно больше?

— О чем речь, мистер!

— Конечно обещаем!

— Считай, что договорились!

— Вот и прекрасно. — Лафайет быстро вернулся к Хвату, дал соответствующие указания, и через несколько мгновений гигант принялся деловито крушить тюрьму. Заключенные постепенно заполняли камеру пыток. Внезапно Лафайет увидел Лоренцо,

успевшего избавиться от нелепого маскарадного костюма.

— Послушай, Лоренцо, — сказал О'Лири, проталкиваясь сквозь толпу, — почему бы нам с тобой... — Он умолк, поймав на себе изумленный взгляд бывшего товарища по камере, лицо которого впервые видел при хорошем освещении.

— Эй, приятель! — послышался голос Хвата. — А я-то думал, ты пошел в другую сторону... У-угх. — Гигант растерянно завертел головой, глядя то на Лафайета, то на его собеседника. — Ребята, может, я немного не того, но кто из вас мой босс, с которым я сидел в камере?

— Я, Лафайет, — ответил О'Лири. — А это — Лоренцо...

— Какая чушь! Меня зовут Лотарио, и я не имею чести быть знакомым с питекантропами. — Он презрительно посмотрел на Хвата.

— И чего ты мне сразу не признался, что у тебя есть брат-близнец? — укоризненно спросил Хват.

— Брат-близнец? — воскликнули они в один голос.

— Ага. Скажи-ка, парень, чего ты так вырядился? Может, ты артист?

Лафайет буквально пожирал глазами Лоренцо, или Лотарио, одетого в кожаный пиджак, облегающий кожаный жилет, грязную рубашку и помятые брюки.

— Он совсем на меня не похож, — высокомерно заявил О'Лири. — Может, есть отдаленное сходство, но я не шныряю глазами и выражение...

— Я на тебя похож?! — восклицал в это время другой. — Мы недостаточно хорошо знакомы, чтобы я выслушивал подобные оскорбления. Где ближайший телефон-автомат? Я немедленно подам рапорт министру, и ваше осиное гнездо хебефреников засадят в сумасшедший дом, прежде чем вы успеете сказать «ноблесс оближ».

— Эй, Лафайет! — перекрывая шум толпы, прозвучал громкий голос.

О'Лири повернулся. Двойник человека, с которым он только что беседовал, разве что по-другому одетый, махал рукой. Лафайет невольно посмотрел назад. Тот, кто называл себя Лотарио, затерялся среди толкающихся людей.

— Как ты здесь оказался? — спросил подошедший Лоренцо. — Впрочем, я рад, что тебе удалось выпутаться. И спасибо, что помог нам удрать от Круппхима. Беверли, бедная девочка, все мне рассказала. Она была так смущена недоразумением в спальной, что совсем забыла спросить, как тебя зовут...

— А тебя как зовут? — спросил Лафайет, чувствуя, что постепенно начинает сходить с ума.

— Что? Конечно Лоренцо!

Лафайет уставился в голубые глаза, посмотрел на прядь каштановых волос, прилипших ко лбу, красиво очерченный рот с такой знакомой маленькой родинкой на губе...

— Как... — Он поперхнулся и сглотнул слюну. — Как... твоя фамилия?

— О'Лири. А в чем дело?

— Лоренцо О'Лири, — пробормотал Лафайет. — Я должен был сразу догадаться. Если у Адоранны, Болтошки, Дафны и Никодима имеются двойники, то чем я хуже?

Двенадцатая

— Эй, парни! — громовой голос Хвата вывел обоих О'Лири из оцепенения. — Пора сматывать удочки, а то самое смешное пропустим!

Лафайет обернулся. Камера пыток почти опустела, и толпа заключенных с воплями неслась по коридору, честно выполняя взятое на себя обязательство.

— Послушай, Лоренцо, позже разберемся, кто есть кто, — предложил Лафайет, вслушиваясь в отдаленные крики и звон бьющейся посуды. — Прежде всего необходимо спасти леди Андрагорру и Свайнхильду от Крýппхима-Горубля. Он составил безумный план по захвату власти на Артезии и, к сожалению, может его осуществить. Теперь я понял, почему мой отказ его не опечалил. Он мог обмануть Свайнхильду в любую минуту, показав ей тебя, моего двойника. Ладно, бог с ним, сейчас не до этого. Я попытаюсь проникнуть в кабинет Родольфо и рассказать ему о заговоре. Может, еще не поздно. Хочешь, пойдем вместе? Один из нас обязательно дойдет, а я объясню по дороге, в чем дело. Согласен?

— Если ты действительно понимаешь, что здесь происходит, я с тобой пойду. Только не забудь, руки прочь от Беверли!

— Мне казалось, ее зовут Цинтия, — пробормотал О'Лири, выходя из камеры вслед за Лоренцо. Хват шел сзади. Судя по взволнованным крикам в отдаленьи, толпа схватилась со стражниками.

— Сюда, — сказал Лафайет, указывая на боковой коридор. — Попробуем обойти их с тыла.

— Послушай, никак не пойму, какое отношение ты имеешь ко всей этой истории? — чуть задыхаясь от быстрого бега, спросил Лоренцо.

— Поверь, никакого! — с чувством ответил Лафайет. — Я жил себе тихо-спокойно во дворце Артезии, не совал нос в чужие дела и вдруг очутился на Меланже, где мне сразу предъявили обвинения по всем статьям уголовного кодекса... — Свернув направо, он начал подниматься по винтовой лестнице. — Я думаю, это ты во всем виноват: нас перепутали. Похоже, ты не терял времени даром, слишком уж рьяно полицейские за меня взялись...

— Мне было сделано очень выгодное предложение, — пыхтел Лоренцо, не отставая ни на шаг и чувствуя сзади дыхание Хвата. — Круппхим... предложил мне бесплатный проезд на родину... и обещал еще одну льготу, а именно, оставить в живых... если я выполню его задание. Он приказал... прокрасться в спальную... леди Андрагорры... и выманить ее из города... Ну вот... я проник в замок... подкупил стражников... но затем увидел... что это — Беверли... У нас не было времени поговорить, но я передал ей записку... назначил свидание в избушке... как велел Крупп-хим. Но дальше я решил... внести изменения в программу.

— Он тебя... надул, — ответил Лафайет, запыхавшийся не меньше Лоренцо. — Не знаю... как ему удалось... заманить тебя к Родольфо... но сомневаюсь... чтобы в его намерения входило... отправить тебя... в Соединенные Колонии.

Лестница кончилась, и они очутились в широком коридоре. Шум драки слышался со всех сторон.

— Гм-гм... по-моему, нам сюда, — сказал Лафайет, поворачивая налево. Они сделали несколько шагов, когда за их спиной раздался выстрел, сопровождаемый оглушительным ревом. Лафайет обернулся. Хват потирал голову и смотрел на лестничную площадку внизу.

— Ах вы, гады! — заорал он и прыгнул вниз.

— Хват! — вскричал Лафайет, но в следующую секунду услышал громовой удар и звуки начавшегося сражения.

— Пойдем отсюда, — предложил Лоренцо и побежал по коридору налево. Лафайет не отставал. Стражник в красном мундире неожиданно вышел из-за угла, вскинул ружье к плечу...

— Не смей стрелять, идиот! — взвыл Лоренцо. — Ты испортишь обои! — И пока растерявшийся солдат стоял с отвисшей челюстью, они накинулись на него с двух сторон и повалили на пол. Ружье выстрелило, и украшенный фресками потолок пошел трещинами. — Говорил я тебе, испортишь обои, — сказал Лоренцо, стукая стражника головой об пол.

Быстро добежав до главной лестницы, они поднялись на два этажа, свернули в устланный коврами коридор, который, по счастью, не охранялся, и подошли к двери кабинета, в котором Лафайет провел когда-то вечер с герцогом Родольфо.

— Только говорить буду я, — не успев как следует отдышаться, сказал Лафайет. — Мы с Родольфо — старые друзья-собутыльники.

Внезапно дверь в небольшом холле, расположенном футах в двадцати от кабинета, распахнулась, и в ней появился Крупхим в окружении четырех стражников. Принц остановился и презрительно бросил через плечо:

— Это приказ, а не просьба, Руди! Изволь явиться вместе со своими министрами в Зал приемов для подписания законов о всеобщей мобилизации, сборе денежных средств и конфискации продовольственных и прочих товаров, или я повешу тебя на стене собственного замка!

Бывший узурпатор Артезии величественно запахнулся в подбитый соболем плащ и прошествовал по коридору в сопровождении телохранителей.

— Поговорили! — пробормотал Лоренцо. — Что будем делать?

Лафайет нахмурился и закусил губу.

— Ты знаешь, где находится Зал приемов?

— Двумя этажами выше, в южном крыле дворца.

— Судя по шуму и грохоту, там кипит сражение.

— Ну и что? — спросил Лоренцо. — В любом случае, лучше не соваться в политику. Пока интриганы развлекаются, мы незаметно проберемся к Беверли и поможем ей бежать.

— Для осуществления своих планов Горубль обязательно прикажет привести Даф... леди Андрагорру и Свайнхильду в зал. Мы должны действовать, пока не поздно.

— Каким образом? Нас только двое, а в замке — целая армия.

— Не знаю... Теперь на Родольфо нельзя рассчитывать, но все равно мы должны что-нибудь придумать. Пойдем. Время не ждет!

Ровно через двадцать пять минут Лафайет и Лоренцо сидели на крыше дворца, в тридцати футах над высокими окнами Зала приемов, в котором должны были совершиться великие события.

— Кто первый? — спросил Лафайет. — Я или ты?

— И оба мы погибнем, — пробормотал Лоренцо, осторожно перегибаясь через парапет. — Это невозможно. Карниз в трех футах от окна.

— Хорошо. Я пойду первым. Если со мной... — Лафайет с трудом проглотил слюну. — Если я упаду, Лоренцо, не сдавайся! Помни, леди Андрагорра, я имею в виду Беверли, надеется на твою помощь! — Он осторожно перекинул ногу через ограждение, избегая смотреть вниз, и приготовился к спуску.

— Подожди! — сказал Лоренцо. — Металлическая перекладина может перетереть веревку. Надо бы подложить что-нибудь мягкое.

— Держи! — Лафайет быстро скинул куртку, ко-

торую ему дали в Аяксе, помог Лоренцо свернуть ее и подпихнуть под веревку, украденную десятью минутами раньше из какого-то служебного помещения.

— Жаль, что нет кожаных перчаток, — заметил Лоренцо. — И хорошей страховочной петли. И ботинок с шипами.

— И я забыл застраховать жизнь на миллион, — перебил Лафайет. — Хуже некуда, но мне пора. Хватит болтать! — Он схватился за веревку, стиснул зубы и скользнул вниз.

Холодный ветер обрушился на его незащищенную спину. Волокна тяжелой веревки впились в ладони как колючая проволока. Освещенное окно приблизилось. Неожиданно Лафайет ударился о стену с грохотом, от которого могла проснуться вся округа. Не обращая внимания на боль и подкатившую к горлу тошноту, он скользнул по веревке последние несколько футов, нащупал ногами карниз и, болтаясь в воздухе между двумя окнами, приготовился слушать. Изнутри доносились шарканье ног, возгласы, шум голосов.

— ...не представляю, зачем понадобилось внеочередное заседание кабинета министров, — произнес мужской тенор. — Разве что для рассмотрения вопроса о моем назначении министром Маникюрных Дел Его высочества...

— Глупости! — возразил разгневанный баритон. — Наверняка будет рассмотрено заявление о моем назначении министром Бороды и Усов господина герцога. Однако странно, что торжественная церемония назначена на столь поздний час.

— Долго тебе придется ждать, пока Его высочество отрастит усы или бороду, — насмешливо ответил тенор. — Но тише... они идут.

В наступившей тишине прозвучали фанфары. Послышались вежливые аплодисменты, за которыми последовало неразборчиво сделанное заявление. Затем раздался скрипучий голос герцога Родольфо.

— ...собрались здесь... в эту историческую минуту... переполняющая наши сердца радость... неслыханная честь... представить... несколько слов... внимание...

Вновь зазвучали фанфары, вежливые аплодисменты...

— Я не намерен выдавать желаемое за действительное, — с пафосом произнес Горубль. — Интересы нации... безопасность государства... необходимо принять срочные меры...

Лафайет перестал слушать, недоумевая, почему веревка начала неожиданно дергаться у него в руках. Через несколько секунд наверху появился Лоренцо.

— Остановись! — прошипел Лафайет, как раз в тот момент, когда пара тяжелых сапог опустилась ему на плечи и потянула вниз.

— Чшшш! Лафайет, ты где?

— Ты на мне стоишь, кретин! Немедленно слезай!

— Слезать? Куда?

— Мне плевать, куда! Слезай, куда хочешь, пока я еще держусь за веревку и мы оба не грохнулись!

Сверху до него донеслось тяжелое дыхание, пыхтение, и ноги, одна за другой, поднялись с его плеч.

— Ну вот, теперь я повис как муха, — дрожащим голосом произнес Лоренцо. — Что мне делать?

— Заткнись и слушай!

— ...прекрасная леди будет удостоена чести стать моей женой, — объявил Горубль. — Я пригласил вас, моих верноподданных, засвидетельствовать это знаменательное событие. — Он сделал многозначительную паузу. — Итак, готов ли кто-нибудь из присутствующих назвать причину, по которой я не мог бы немедленно вступить в священный союз с леди Андрагорроой?

— Ах ты, грязный обманщик! — взорвался Лафайет.

— Ах ты, грязный обманщик! — раздался злоб-

ный крик герцога Родольфо. — Мы так не договаривались! Выскочка ты несчастный!

— Арестовать предателя! — взревел Горубль.

— Что случилось? — прошептал Лоренцо, когда накал страстей в зале достиг апогея.

— Круппхим сжульничал и объявил о своей женитьбе на леди Андрагорре. Родольфо возражает, а Круппхим возражает против его возражений!

Крики усилились; голос Горубля, отдающего приказы, заглушали визги женщин, проклятья придворных и яростный вой Родольфо. Веревка дернулась, и Лоренцо очутился рядом с Лафайетом на шатком карнизе.

— Отойди! — закричал он. — Мое терпение лопнуло! Я покажу этой сволочи, где раки зимуют!

— Эй! — взвыл Лафайет. — Потише!

— Я ему покажу потише, будь он проклят! — И разъяренный Лоренцо заехал сапогом в стекло, разлетевшееся вдребезги, а секундой позже исчез за тяжелыми портьерами.

— Бедный дурачок! — простонал Лафайет. — Его в порошок сотрут, а это никак не поможет Дафне, я имею в виду Беверли, то есть Цинтии... или леди Андрагорре?

Он наклонился, мельком увидел волнующуюся толпу; солдат в красных мундирах, теснящих придворных во фраках и смокингах; стремительно пробирающегося вперед Лоренцо...

В самый последний момент Горубль повернулся и получил сильнейший удар кулаком в глаз. Принц смешно замахал руками, стараясь сохранить равновесие, а телохранители в ту же секунду навалились на драчуна.

— Вот и все, — пробормотал Лафайет. — Хорошо хоть, он успел съездить ему по физиономии.

— Ах вот ты как! — взревел Горубль, прикладывая к поврежденному глазу большой кружевной платок. — Ну, погоди, Лоренцо, мой мальчик! Горога

уже покормили, но он не откажется от добавки! И прежде, чем умереть, ты станешь свидетелем моего брачного союза с леди Андрагоррой, которой до чертиков надоели твои дурацкие ухаживания! Я доставлю тебе это удовольствие!

— М-м-м-миледи Андрагорра, — объявил дрожащий голос глашатая, и шум голосов внезапно затих. Толпа расступилась. Небесное созданье в подвенечном платье появилось в сопровождении двух престарелых подружек невесты, крепко державших ее за локти.

— Продолжайте церемонию! — вскричал Горубль, с которого слетел весь его внешний лоск. — Сегодня — моя свадьба, завтра — я повелитель вселенной!

* * *

Лафайет прильнул к стене, стуча зубами при каждом порыве ледяного ветра. «Руки, как крюки, — подумал он. — А пальцы — замороженные креветки. Только бы удержаться за веревку, а то костей не соберешь». Прижавшись подбородком к холодному камню, он рассеянно слушал монотонный голос, произносивший слова свадебного обряда.

— Почему все так плохо кончилось? — пробормотал он. — Почему я влип в эту дурацкую историю? Почему Фитильзад отказался мне помочь и загадал какую-то загадку? Бессмысленные стишки, которые даже не рифмуются... От Бронкса миллионы едят до Майами — Ключ к этой загадке, конечно... что? Что рифмуется с Майами? Маме? В яме? Сами? От Бронкса миллионы едят до Майами — Ключ к этой загадке, конечно... конечно...

В зале опять завопили.

— Беверли, скажи ему нет! Даже если он пообещает перерезать мне глотку, когда ты ему откажешь!

Послышался тупой удар и звук падающего тела. Крик Лоренцо оборвался.

— Не волнуйся, дорогая, — нежным голосом проворковал Горубль. — Эй, как тебя там, продолжай!

— С-согласна ли ты, леди Андрагорра...

— Нет, — прохрипел О'Лири, — это невыносимо! Я ничего не могу сделать, а ведь до сих пор мне везло! Я обнаружил дверь в скале, и маскарадный костюм, и... — Он умолк, лихорадочно пытаясь вспомнить что-то очень важное. — Думай! — приказал он себе. — Почему я решил, что мне везло? Совпадения такого рода называются управлением вероятностями, и никак иначе. А следовательно, везение здесь ни при чем, и мне несколько раз удавалось сфокусировать пси-энергию и повлиять на события. Подведем итоги. Иногда у меня получалось, но чаще всего — нет. В чем же дело? Что общего было в тех случаях, когда получалось?

— Нюхательную соль! — ревел Горубль за окном. — Бедная девочка от счастья упала в обморок!

— Бесполезно! — простонал Лафайет. — Ничего не приходит в голову. Я могу думать только о несчастной Дафне и Свайнхильде, прелестном дитя, хотя от нее иногда и попахивало чесноком... ЧЕСНОК... Чеснок всегда ассоциировался с волшебством и заклинаниями, — лихорадочно забормотал О'Лири. — А заклинания — это непрофессиональная попытка управлять космическими энергиями! Значит, чеснок? А может, дело в Свайнхильде? Но Свайнхильда не рифмуется с Майами. Впрочем, чеснок тоже с ним не рифмуется. К тому же от нее пахло чесноком, потому что она все время делала бутерброды с колбасками... САЛЯМИ! — взревел Лафайет. — Ну, конечно! От Бронкса миллионы едят до Майами — Ключ к этой загадке, конечно, салями! — Он поперхнулся, чуть не слетел с карниза, но вовремя ухватился за веревку и прижался к стене.

Салями было подо мной, когда я придумал нож, и мы кушали его, разговаривая о маскарадном костюме, и я сунул его в карман, перед тем как Свайнхильда упала с ковра-самолета! Значит, мне необходимо... — О'Лири почувствовал, как ледяная рука

сжала его сердце. — Карман. Бутерброды лежат в кармане куртки, а я оставил ее наверху, чтобы не перерезало веревку!

— Ничего страшного, — ответил он сам себе. — Придется залезть на крышу.

— Залезть на крышу? Мои руки превратились в лед, я слаб как котенок, и...

— Поднимайся.

— Я... я попытаюсь.

Огромным усилием воли Лафайет заставил себя подтянуться и повис в воздухе. Он совсем не чувствовал рук, а тело налилось свинцовой тяжестью.

— Бессмысленно.

— Поднимайся.

Каким-то чудом он вскарабкался на один фут. Потом преодолел шесть дюймов. Отдохнул и продвинулся еще на один дюйм. Веревка натянулась и ударила его о стену. Лафайет поднял голову: странное темное пятно, лежавшее на парапете, полоскалось по ветру.

Словно зачарованный он смотрел, как куртка заскользила, высвобождаясь из-под веревки, свесилась с перекладины, распахнув полы, подползла к самому краю; ветер яростно накинулся на нее, подтолкнул, и она стала медленно падать, прощально махая пустыми рукавами.

В диком прыжке Лафайет бросился в пустоту. Его вытянутые руки схватили куртку, прижали ее к груди, пальцы с трудом нащупали карман, сомкнулись на жирном пакете... Ветер свистел в ушах с бешеной скоростью...

— Чудо! Любое чудо! Но только скорее!

Страшный удар обрушился на О'Лири. Вселенная закружилась с грохотом и визгом, вспыхнула яркими огнями и погасла. Все погрузилось во тьму.

— Это просто чудо, — сказал знакомый голос, и Лафайет с удивлением подумал, что еще жив. — Насколько я понимаю, он упал с крыши, ударился о

карниз и катапультировал через окно, свалившись прямо на голову Его высочества, который услышал непонятные звуки и подбежал узнать, в чем дело.

— Разойдитесь, ему нечем дышать! — рявкнул другой знакомый голос, и Лафайет понял, что глаза у него открыты, и он видит лицо Лоренцо, немного разодранное, но такое же раздраженное, как всегда. — По крайней мере, ты мог бы посвятить меня в свои планы, — заявил второй О'Лири. — Я уже начал волноваться, что с тобой приключилась беда.

— Вы... вы просто восхитительны, сэр! — проворковал нежный голос.

Ворочая глазами, как тяжелыми булыжниками, Лафайет посмотрел на Дафну (нет, леди Андрагорру), и его охватило ностальгическое чувство.

— Вы действительно меня... не знаете? — с трудом выговаривая слова, спросил он.

— Вы замечательный человек, похожий на того, которого я знаю, — мягко ответила она. — Это ведь вас я видела из окна кареты. Но должна признаться, сэр, мы с вами незнакомы, а значит, я тем более у вас в долгу.

— И я тоже. — Мужчина в широкополой шляпе стоял рядом с леди Андрагоррой, одной рукой обнимая ее за талию, а другой — поглаживая короткую бородку и пышные усы. — Я думал, что просижу в темнице до судного дня, но вы пришли и освободили меня. — Нахмурившись, он внимательно посмотрел на Лафайета. — Хоть я и не вижу того сходства, о котором говорит моя невеста.

— Все верно, Лафайет, — с глубоким вздохом сказал Лоренцо. — Этот тип взял верх. Он — гражданин Меланжа и зовут его Ланцелот. Насколько я понял, раньше он был герцогом, но Крупхим заменил его на Родольфо. Сейчас Ланцелот вновь пришел к власти и первым делом упрятал Крупхима за решетку. А леди Андрагорра вовсе не Беверли. — Он опять вздохнул. — Так что мы с тобой лишние.

— Свайнхильда, — пробормотал Лафайет, с трудом усаживаясь на пол. — С ней все в порядке?

— Здесь я, Лэйф! — вскричала бывшая кухарка. — Как сыр в масле катаюсь, а все благодаря тебе! — Она улыбнулась, сверкая бриллиантами на пышном платье, и отпихнула локтем доктора, который нервно переминался с ноги на ногу, пытаясь подойти к Лафайету. — Послушай, милый, почему ты так плохо выглядишь?

Мужчина с растрепанными волосами и в мятой одежде протолкался сквозь толпу, сверкнул на Лафайета глазами и остановился перед леди Андрагоррой.

— Как прикажешь тебя понимать, Эронна? Что это за волосатый Дон Жуан, ухватившийся за твой зад? Где ты взяла это платье? Куда мы попали? Что здесь происходит?..

— Эй, приятель, остынь! — Лоренцо взял незнакомца под руку. — Придется, видно, объяснить, что все мы...

— Пропади ты пропадом, кто просил тебя вмешиваться? — Новоприбывший рванул руку и освободился. — В чем дело, Эронна? — обратился он к леди Андрагорре. — Почему ты делаешь вид, что никогда в жизни меня не видела? Это я, Лотарио О'Лири, твой суженый! Неужели ты все забыла?

— Вы имеете честь разговаривать с леди Андрагоррой, — сурово сказал усатый герцог Ланцелот. — И кстати, она моя суженая, а не ваша!

— Ах, вот как!

— Вот так, вот!

Придворные бросились разнимать взбудораженных спорщиков, пихающих друг друга в грудь, а Лафайет устало поднялся на ноги и, поддерживаемый Свайнхильдой, отошел в сторону.

— Знаешь, Свайнхильда, — сказал он, — наконец-то мне повезло. Я снова обрел способность управлять космической энергией и скоро вернусь на Арте-

зию. И я подумал — только пойми правильно, ведь меня ждет Дафна — хочешь, я заберу тебя с собой? Мы скажем, что ты — кузина Адоранны, а когда подучишься немного говорить и ходить, будешь блистать при дворе и устроишь свою жизнь...

— Но, Лэйф... разве тебе обязательно возвращаться?

— Конечно! Но я тебя не брошу, и если ты готова...

— Э-э-э... прощенья просим, мадам, — неуверенно произнес глубокий голос. — Извините, Ваша светлость, но я искал тут... то есть, я хочу сказать, я слышал, моя жена... то есть, я хочу на ней жениться, как только найду...

— Боров! — вскричала Свайнхильда. — Ты пришел! Значит, ты меня любишь?

— Свайнхильда! Святой Георгий... Иезабель... ты... вы... такая красивая!

— Гм-мм... — задумчиво сказал Лафайет, глядя на влюбленную пару, которая, обнявшись, отошла в сторону. — Домой, скорей домой! — Он нахмурился и принялся ощупывать карманы. — Проклятье! Я потерял салями! Должно быть, выронил пакет между карнизом и головой Круппхима. — О'Лири резко повернулся и нос к носу столкнулся с Лоренцо.

— Вот ты где! — воскликнул его двойник. — Послушай, Лафайет, нам надо поговорить. Может, вдвоем удастся сфокусировать пси-энергию и отправиться по домам? Я скоро с ума сойду, глядя, как этот герцог тискает Андрагорру...

— Сначала помоги мне найти салями, — ответил Лафайет. — А там видно будет.

— Ты можешь думать о еде в такое время?! — Лоренцо фыркнул, но послушно отправился за Лафайетом, который спустился во двор под окна.

— Оно должно быть где-то здесь...

— Ради всего святого, почему ты не хочешь сходить на кухню?

— Послушай, Лоренцо, это звучит глупо, но салями необходимо для управления вероятностями. Не спрашивай меня, почему, спроси бюрократа по имени Фитильзад.

Десять минут упорных поисков не принесли успеха. Салями как сквозь землю провалилось.

— Ты не помнишь, я держал пакет в руках, когда влетел в окно? — спросил Лафайет.

— Откуда мне знать? На моей спине сидели два солдата. Я очнулся, когда ты лежал без сознания, а Ланцелот требовал возврата своих владений, шевеля усами.

— Придется вернуться.

Зал приемов почти опустел. Большинство придворных, поклявшихся в вечной верности новому герцогу, разошлись. Лафайет ходил из угла в угол, дергая людей за рукава и задавая один и тот же вопрос. В ответ он ловил недоуменные взгляды, а кто-то рассмеялся ему прямо в лицо.

— Кошмар какой-то, — сказал он подошедшему Лоренцо, расспросы которого тоже не увенчались успехом. — Подумать только, ведь спасение уже было у меня в руках!

— Что стряслось, Лэйф? — раздался у него за спиной голос Свайнхильды. — Потерял чего?

— Свайнхильда, ты не видела случайно нашего пакета с салями?

— Нет. Ты проголодался, милый? Подожди минутку, я у Борова спрошу. Он обожает колбаски и вечно таскает их в кармане.

Боров неторопливо подошел к ним, вытирая рукавом жирный рот.

— Меня звали? — осведомился он и звучно рыгнул. — Прощенья просим, от салями у меня всегда живот пучит.

Лафайет принюхался.

— Ты... ты ее съел?

— Так это была ваша, мистер О'Лири? Вы уж ме-

ня простите. Я вам еще лучше приготовлю, когда вернемся. В харчевне куча свиных ножек.

— Ну вот, — простонал Лафайет. — Опять я застрял. Видно, не судьба мне отсюда выбраться... Бедная Дафна, неужели мы никогда не увидимся? — Он рухнул в кресло и закрыл лицо руками, вспоминая ее изящную фигурку, плавную походку, прикосновение пальцев...

* * *

В Зале приемов стало до странности тихо. Лафайет открыл глаза. На полу валялись обрывки бумажек и сигарные окурки, но больше ничто не напоминало о недавнем присутствии здесь огромной толпы людей. Из холла доносился слабый шум голосов. Он вскочил с кресла, подбежал к высокой резной двери с серебряной ручкой, вышел в широкий коридор, устланный красным ковром. Какой-то человек — Лотарио, а может, Лоренцо, исчез за углом. Лафайет окликнул его, но ответа не получил и побежал вперед, заглядывая в комнаты.

— Свайнхильда! — громко позвал он. — Лоренцо! Кто-нибудь! — Громкое эхо повторило его слова. — Неужели я опять оказался неизвестно где? — прошептал он. — Все исчезли и бросили меня одного. Почему?

В боковом коридоре послышались шаги, и через мгновение Лафайет увидел группу гномов из Аякса во главе с маленьким толстячком в зеленых кожаных штанах и куртке спортивного кроя.

— Пешкороль! — воскликнул О'Лири, здороваясь с представителем отдела «Услуги Заказчикам». — Слава богу, хоть кто-то живой!

— Привет, Везунчик! Какой ты шустрый, спасу нет! Мы решили навестить Круппхима...

— Он в тюрьме.

— Вот и я говорю. Сам понимаешь, секретные операции мы проводим в полуфазе, чтобы избежать толп, ненужных разговоров и прочих неприятностей, поэтому позволь спросить, как ты здесь очутился? Когда Марк XIII вернулся, мы решили, что тебе крышка.

— Долго рассказывать, Кроль, но... Послушай, мне в голову пришла блестящая мысль! Крупхим передал вам чертежи Путепроходца. Если вы его изготовите, я смогу вернуться на Артезию...

— Ты, Везунчик, совсем с ума сошел. И не мечтай. — Пешкороль замотал головой. — Если мы его изготовим, Централь от нас камня на камне не оставит.

— Централь! Ну, конечно! Соедините меня с Централью, и я...

— Эх, Везунчик, Везунчик. Ничего не выйдет. Микропчик еле выкрутился, давая показания какому-то Задофилу — точно не помню, как его зовут — по поводу сверхсекретных космических данных, которые мы якобы передали Крупхиму. Сами на волоске висим, и чем меньше будем о себе напоминать, тем лучше!

— Но... куда все подевались?

— Видишь ли, мы доложили в Централь, что на Меланже дело нечисто. Они считают, что Крупхим, используя нашу аппаратуру, перетасовал пространство как колоду карт. Он перенес на Меланж одного парня по имени Лоренцо, намереваясь похитить леди А. и шантажировать Родольфо. Но произошла цепная реакция, и несколько дюжин возмутителей спокойствия стали появляться в одних измерениях и исчезать в других. В результате дисбаланса мог быть уничтожен весь Континуум! Централь, естественно, вмешалась и быстро навела порядок. Ума не приложу, как тебе удалось задержаться в полуфазе. Здесь вообще нет жизни, сам понимаешь.

Лафайет прислонился к стене и закрыл глаза.

— Я обречен, — пробормотал он. — Но... Послушай, Кроль, возьми меня в Аякс. Может, Микропчик что-нибудь придумает.

Ответа не последовало. Наступившая тишина показалась Лафайету подозрительной, и он открыл глаза. Пешкороль исчез вместе с гномами. В мягком голубом ковре даже не осталось вмятин на том месте, где они стояли.

— Голубой ковер! — недоуменно воскликнул О'Лири. — Мне казалось, он был красным. Единственное

место, где я когда-то видел голубой ковер, это — дворец Лода...

Он резко повернулся, побежал по коридору, кинулся вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки... пересек широкий холл... оказался на песчаной лужайке... Оглянулся и увидел сломанную вывеску на двери: «ЛАС ВЕГАС ХИЛТОН».

— Так и есть, — задыхаясь, пробормотал О'Лири. — Дворец, который Горубль выстроил для Лода. А это значит, что я на Артезии... или нет? — Он посмотрел на простирающуюся перед ним пустыню. — А может, я попал в сказочную страну? Впрочем, это легко проверить. От дворца Лода до столицы всего двадцать миль пути. Вперед.

* * *

Занималась заря, когда Лафайет, едва державшийся на ногах, проковылял последние несколько ярдов до харчевни «Одноглазый Мужик» на западных окраинах города.

— Красный Бык! — хрипло позвал он, делая слабую попытку постучать в тяжелую дверь. — Впусти меня!...

Из-за закрытых ставнями окон не доносилось ни звука. На лбу Лафайета выступил холодный пот.

— Никого нет, — пробормотал он. — Город призраков, пространство вне измерений. Меня выкинули с Меланжа, чтобы не нарушать космического равновесия, и оставили здесь, в заброшенном полумире...

Задыхаясь и прихрамывая, он шел по пустым улицам. На застывшей траве блестела утренняя роса. Где-то вдалеке крикнула птица. В парке среди аллей, кустов, цветочных клумб и лужаек высился мраморный дворец. В закрытых его окнах не шелохнулась ни одна занавеска. Не слышны были веселые голоса, никто не гулял по выложенным гравием дорожкам.

— Исчезли, — прошептал Лафайет. — Ушли в небытие.

Он пересек лужайку, двигаясь, как во сне, миновал фонтан, из которого текла крохотная струйка воды. До его любимой скамейки было рукой подать.

Он посидит на ней немного, а потом... а потом... кто знает, что будет потом?

Вот и цветущее миндальное дерево, а за ним...

Она сидела на скамейке, накинув на нежные плечи серебристую шаль и теребя розу в руках. Глаза ее излучали свет. Самое чудесное лицо во всей известной ему вселенной озарилось улыбкой.

— Лафайет! Ты вернулся!

— Дафна... я... я... ты...

Они кинулись друг другу в объятия.

ചെമ്പട

ЗАПЕЧАТАННЫЕ ИНСТРУКЦИИ

Перед лицом многочисленных опасностей, угрожающих миру и спокойствию галактической цивилизации, дипломаты, строго следуя гениальным разработкам теоретиков Корпуса, решали сложнейшие проблемы, предотвращая тысячи и тысячи мелких стычек и крупных сражений. Даже безвестные сотрудники миссий, вооруженные портфелями, содержащими детально разработанные инструкции, умиротворяли нации с искусством опытных глав делегаций. Так, например, консул Пассвин безупречно провел дело на планете Мазанка...

Том II, пленка 91, 480 г.б.э.
(2941 г. от Рождества Христова).

— Все верно, — ворчливо произнес консул Пассвин. — Я действительно просил назначить меня главой небольшой миссии. Но я не сомневался, что меня направят на один из курортных миров, где изредка возникают недоразумения с визами. А теперь я вынужден торчать в этой поганой дыре и, словно ангел-хранитель какой-то, заниматься делами поселенцев, которые, прошу заметить, заняли не одну, а все восемь планет системы. — Он угрюмо уставился на вице-консула Ретифа.

— Зато у вас появилась возможность попутешествовать, — сказал Ретиф.

— Ха! — вскричал Пассвин. — Я терпеть не могу путешествовать! В особенности по этому богом забытому захолустью... — Он умолк, несколько раз моргнул, внимательно посмотрел на Ретифа. — Впрочем, младшим сотрудникам миссии не мешает расширить свои кругозоры и побывать в иных мирах. — Пассвин повернулся к стене, нажал на кнопку. На экране появилось изображение большого диска, окруженного восемью зелеными точками. Консул взял указку, ткнул в одну из них.

— Ситуация на Мазанке сложилась критическая. Эти проклятые поселенцы, несколько сот человек, умудрились, чего и следовало ожидать, начисто испортить отношения с местным населением, джеками. Было бы из-за чего огород городить! Вся планета представляет собой огромную пустыню с несколькими разбросанными по ней оазисами. Тем не менее Главное Управление Сектора приказало мне принять определенные меры. — Он посмотрел на Ретифа. — Я поручаю это дело вам. Пакет с инструкциями вы вскроете по прибытии на место. — Пассвин взял в руки толстый конверт. — Жаль, что глава Сектора не последовал моему совету и не приказал эвакуировать поселенцев, как я предлагал, две недели назад. А сейчас слишком поздно. От меня ожидают чуда, предписывая во что бы то ни стало добиться заключения соглашений между землянами и джеками по разделу территории. Полный идиотизм. Однако мне не хочется быть на плохом счету, и поэтому я жду от вас результатов. — Пассвин протянул конверт Ретифу.

— Мне говорили, что Мазанка была необитаемой, пока туда не прибыли поселенцы.

— По-видимому, первое впечатление оказалось об-

манчивым. — Пассвин бросил на вице-консула взгляд исподлобья. — Вам надлежит строжайшим образом придерживаться инструкций. И никакой самодеятельности. Положение настолько сложное, что необходимо исключить возможность любых необдуманных действий. Каждый ваш шаг детально разработан учеными Сектора; вам следует неукоснительно следовать всем их указаниям. Вы меня поняли?

— Кто-нибудь из этих ученых был на Мазанке?

— Нет, конечно. Старшие дипломаты терпеть не могут путешествовать. Если вопросов больше нет, я вас не задерживаю. Почтовый звездолет вылетает через час.

— А на кого похожи туземцы? — спросил Ретиф, поднимаясь на ноги.

— Вернетесь, расскажете, — коротко ответил Пассвин.

Пилот почтового звездолета, крепыш с длинными бакенбардами, сплюнул в захламленный угол рубки управления и наклонился к экрану.

— Ого! Да там стреляют! — воскликнул он. — Видите белые облачка разрывов на краю пустыни?

— Считается, что я должен предотвратить войну. — Ретиф вздохнул. — Похоже, она уже началась.

Пилот подпрыгнул в кресле.

— Войну?! — взревел он. — А почему мне никто не сказал, что на Мазанке война? Раз так, ноги моей там не будет!

— Минуточку, — сказал Ретиф. — Мне необходимо попасть на планету. Они не будут стрелять по звездолету.

— Это уж точно. Я им не предоставлю такого шанса. — Крепыш повернулся к панели управления, принялся лихорадочно нажимать на кнопки.

Ретиф схватил его за руку.

— Вы плохо слышите? Я сказал, что мне необходимо попасть на Мазанку.

Пилот попытался высвободить руку, затем нанес короткий удар, который Ретиф спокойно отбил.

— Вы сумасшедший? — взвизгнул крепыш. — Там стреляют!

— Почту-то надо доставить.

— Я — пилот, а не письмоносец! Если вам жизнь надоела, берите скиф и проваливайте. Я подберу ваш труп в следующий раз, если к тому времени война закончится.

— Вы — настоящий друг. Я согласен.

Пилот подбежал к люку, за которым находился спасательный скиф, быстро открыл его.

— Скорее! Когда эти вояки начинают палить, им удержу нет!

Согнувшись в три погибели, Ретиф вошел в крохотную рубку управления скифа. Пилот метнулся в сторону, вновь появился у люка, протянул Ретифу большой энергетический пистолет старого образца, проворчал сквозь зубы:

— Раз уж вы такой рисковый, захватите с собой на всякий случай оружие.

— Спасибо. — Ретиф заткнул пистолет за пояс. — Надеюсь, он мне не понадобится.

— Я прилечу за вами, когда эта заварушка закончится... В любом случае прилечу.

Люк захлопнулся, и через несколько секунд Ретиф почувствовал легкий толчок: скиф выбросило в открытый космос. Одновременно заработали основные двигатели звездолета, возвращавшегося на базу.

Ретиф сел у панели управления, начал маневрировать, глядя на крошечный экран. Скиф быстро опускался, до поверхности планеты осталось сорок миль... тридцать... пятнадцать... пять...

Ретиф начал торможение, почувствовал, как его

тело вжимает в мягкое кресло. Земля приближалась с угрожающей быстротой. Он включил аварийные двигатели. Снизу по направлению к скифу неслись огоньки, быстро увеличивающиеся в размерах. Если это были обычные ракеты на химическом топливе, метеоритная защита должна была их уничтожить. Экран на панели управления вспыхнул ослепительным белым светом, затем померк. Скиф тряхнуло, перевернуло в воздухе; кабина наполнилась дымом. Двигатели включились, выключились, последовал сильный удар и наступила мертвая тишина.

Кашляя, вытирая слезящиеся глаза, Ретиф отстегнул ремни безопасности, встал с кресла, распахнул люк настежь. Горячий воздух джунглей ударил ему в лицо. Повиснув на руках, он спрыгнул на землю, усыпанную листьями, облегченно вздохнул и... упал плашмя, услышав свист пролетевшей мимо его уха пули.

Он лежал, чутко прислушиваясь к каждому звуку. Слева от него кто-то шел, крадучись. Ретиф отполз за кряжистое невысокое дерево. Насекомые жужжали над его головой, где-то неподалеку выла поющая ящерица. Шаги стали слышнее. Ретиф отполз еще дальше, спрятался за толстое бревно. Коренастый мужчина в испачканных кожаных шортах и рубашке, с пистолетом в руке, вышел из-за кустов.

Ретиф подождал, пока он пройдет мимо, бесшумно поднялся на ноги, перепрыгнул через бревно и кинулся мужчине на спину. Они упали на землю вместе. Какое-то время незнакомец продолжал молча сопротивляться. Резким движением Ретиф перевернул его, занес кулак...

— Эй! Ты такой же, как я! — воскликнул незнакомец.

— Я буду выглядеть куда лучше, когда побреюсь. Зачем ты в меня стрелял?

— Отпусти... Меня зовут Поттер. Прости, что так получилось. Я решил, что это — кораблик хлопотунов, уж больно похож. А потом я увидел, что кто-то двигается, и сразу выстрелил: — кто ж знал, что ты — землянин? Откуда ты прилетел? Что тебе надо? Отсюда недалеко до края оазиса, а дальше — страна хлопотунов.

— Мне еще повезло, что ты — мазила, — сказал Ретиф. — В цель попала всего одна ракета.

— Ракета? Значит, в тебя стреляли хлопотуны. У нас ничего такого нет.

— Мне говорили, здесь должна начаться война, — сказал Ретиф. — Но я никак не ожидал...

— Черт побери! — воскликнул Поттер. — Мы так и подумали, что ребята с Бивня не бросят нас в беде. Ведь ты с Бивня?

— Да. Я...

— Ого, да ты, должно быть, брат Лемюэля! Вот это да! Значит, я чуть было не наломал дров. С Лемюэлем шутки плохи.

— Я...

— Не поднимай головы. У этих хлопотунов есть дальнобойные пистолеты. Ползи за мной.

Он пополз, продираясь сквозь кустарник, и только ярдов через двести поднялся на ноги, достал из кармана мятый носовой платок и отер лицо.

— А ты парень что надо. Я-то думал, вы там, на Бивне, сидите себе под куполами и нажимаете на кнопки. Хотя, ты ведь брат Лемюэля...

— Должен тебе сказать...

— Надо будет одеть тебя поприличней. Эти городские тряпки не годятся для нашей Мазанки.

Ретиф посмотрел на свой изжеванный грязный пиджак, на рваные джинсы — неофициальную фор-

му третьего секретаря и вице-консула дипломатической миссии.

— Моя одежда всегда казалась мне достаточно прочной, — сказал он. — Видимо, я ошибался.

— Пойдем в наш лагерь. Если поспешим, успеем попасть туда до темноты. И послушай... не говори Лемюэлю о том, что я принял тебя за хлопотуна.

— Ладно. Но...

Поттер повернулся, быстрым шагом пошел вперед. Ретиф снял с себя пиджак и галстук, повесил эти предметы своего туалета на куст и последовал за поселенцем.

— Мы чертовски рады, что вы прилетели к нам, мистер, — сказал толстяк с двумя револьверами за поясом, которых почти не было видно из-за свисающего живота. У нас каждый человек на счету. Мы наткнулись на этих хлопотунов три месяца назад и с тех пор ничего умного не можем придумать. Сначала мы решили, что они — животные, которых нам не доводилось встречать раньше. Честно говоря, один из наших ребят подстрелил хлопотуна: захотел попробовать, вкусное ли у него мясо. Вот с этого все и началось. — Он замолчал, подкинул дрова в костер. — А затем несколько хлопотунов напали на ферму Свази. Ухлопали двух коров и были таковы.

— Мы тут считаем, они решили, будто коровы — это люди, — вставил Свази.

— Как на корову можно подумать, что она — человек? — высказался высокий худой поселенец. — Корова и выглядит-то совсем по-другому...

— Не будь дураком, Берт. — Свази фыркнул. — Они просто хотели нам отомстить, а землян никогда не видели. Не бойся, сейчас хлопотуны не ошибутся. Уж теперь-то они нас знают.

Берт ухмыльнулся.

— Это точно. На другой раз мы им прописали по

первое число. Верно я говорю, Поттер? Шлепнули четверых...

— Через несколько дней они опять пришли ко мне на ферму, — сказал Свази, — но мы тоже не дураки, и устроили там засаду. Встретили, как полагается. Ох, и улепетывали же они...

— Не улепетывали, а упрыгивали. Ну и уроды! Похожи на грязные ватные одеяла с крыльями!

— Вот так у нас и повелось. То они нас колошматят, то мы их. Но в последнее время они вооружились до зубов. У них даже воздушные лодки есть, и автоматы тоже. Четверо наших погибли, да с дюжину мы заморозили до прибытия медицинского звездолета. Так дальше продолжаться не может. В нашей колонии всего триста мужчин, а работы — по горло.

— Все равно мы не бросим наши фермы, — сказал Поттер. — Оазисы образовались на месте высохших морей, и чернозем тут на милю в глубину. И на планете найдется еще сотня-другая оазисов, до которых у нас пока руки не дошли. Хлопотуны их не получат, пока в живых останется хоть один человек.

— Зерно, которое мы выращиваем, необходимо поселенцам на всех восьми планетах, — пояснил Берт. — А ферм у нас не хватает.

— Мы умоляли, чтобы представители ДКЗ, там, на Бивне, оказали нам помощь, — сказал Поттер. — Но сам знаешь, что за бюрократы сидят в этих посольствах.

— Ходят тут слухи, что к нам послали какого-то чинушу, который собирается нас выгнать, а оазисы отдать хлопотунам, — вставил Свази. — Мы его ждем не дождемся. Догадываешься, зачем?

— Ничего, скоро к нам прибудут подкрепления. Мы бросили клич: ведь у каждого из нас есть родственники на Бивне и Змеевике...

— Не болтай лишнего, черт бы тебя побрал! — раздался глубокий голос.

— Самюэль! — воскликнул Поттер. — Никому другому не удалось бы подкрасться к нам так близко...

— Если б я был хлопотуном, от тебя бы мокрого места не осталось, — сказал подошедший к костру высокий мужчина с крупными чертами лица. Расправив плечи, он оглядел Ретифа с головы до ног.

— Это еще что за птица?

— То есть как? — От изумления у Поттера отвалилась нижняя челюсть. — Это — твой брат.

— Он такой же мой брат, как ты — моя тетя. — Лемюэль сделал к Ретифу шаг, угрожающе спросил. — Что тебе здесь надо, чужеземец?

Ретиф поднялся на ноги.

— Думаю, пришла пора объясниться...

Словно по волшебству, в руке Самюэля появился небольшой пистолет.

— Можешь ничего не объяснять. Я шпионов нюхом чую.

— Для разнообразия мне все же хотелось бы закончить хоть одну фразу, — сказал Ретиф. — И пока не поздно, спрячь свою смелость обратно в кобуру.

— Слишком складно ты говоришь, не нравится мне это.

— Я — человек грамотный, и мне это нравится. В последний раз предупреждаю: убери пистолет.

— Ты еще и распоряжа...

Левый кулак вице-консула мелькнул с неуловимой быстротой, угодил поселенцу прямо в лоб. Пистолет упал на землю, раздался выстрел. Из носа у Самюэля пошла кровь, он попятился, с трудом удержал равновесие, затем взревел и кинулся на Ретифа, нарвавшись на прямой правый в челюсть. Глаза у

поселенца остекленели, он свалился, как подкошенный.

— Нокаут! — завопил Поттер. — Чужеземец вырубил Лема... в два удара.

— В один, — укоризненно сказал Свази. — Первый не в счет, он его просто по головке погладил.

Внезапно Берт поднял руку.

— Тихо, ребята, — прошептал он.

В наступившей тишине был отчетливо слышен вой поющей ящерицы. Ретиф напряг слух, прищурился, вглядываясь в темноту. Вздрогнув, он схватил бадью с питьевой водой, опрокинул ее на костер, бросился на землю. Через секунду поселенцы последовали его примеру.

— И все-таки непохож ты на горожанина, — прошептал Свази, лежавший рядом с Ретифом. — И зрение у тебя, что надо. Давай обойдем его с двух сторон. Ты с Бертом — слева, а мы с Поттером — справа.

— Не надо, — сказал Ретиф. — Я пойду один.

— Что...

— Потом объясню. Подождите меня здесь и глядите в оба. — Он пополз по-пластунски, взяв ориентир на макушку дерева.

Через пять минут Ретиф очутился у невысокого холма. Осторожно подняв голову, он увидел пологий каменистый склон, поросший деревьями, а за ним — пустыню, место обитания хлопотунов. Ретиф поднялся на ноги, обогнул валун, не успевший остыть от дневного зноя, прошел ярдов двадцать. Впереди него расстилались пески, тускло мерцающие в звездном свете, позади высились безмолвные деревья джунглей. Он сел на песок и стал ждать.

Через несколько минут от каменистого склона холма отделилась какая-то тень, скользнувшая по открытой местности и замершая на месте. Шли ми-

нуты. Тень поднялась в воздух, приземлилась футах в десяти от Ретифа. Вице-консул нащупал рукоятку пистолета, заткнутого за пояс. Если его догадка окажется неверной...

Послышался скрип — так скрипят новые кожаные ботинки, — в воздух поднялась туча песка. Ретиф упал на бок, откатился в сторону, затем прыгнул на изгибающееся то в одну, то в другую сторону существо и навалился на него всей своей тяжестью. Плоское, как у ската, тело, состоящее из одних мускулов, попыталось обхватить землянина краями, протянуло к нему короткие гибкие щупальца. Ретиф сжал хлопотуна что было сил, с трудом поднялся на ноги.

Пленник переменил тактику: тело его внезапно обмякло. Рука Ретифа соскользнула с толстой скользкой кожи, палец случайно попал в какое-то отверстие. Хлопотун забился, как рыба, вытащенная из воды, и Ретиф тут же засунул палец еще глубже.

— Прости, приятель, — пробормотал он, стиснув зубы от напряжения. — Выдавливать глаза, оно, конечно, не по-джентльменски, но цель оправдывает средства.

Хлопотун успокоился: края его медленно вздымались и опускались. Ретиф ослабил нажим пальца — хлопотун дернулся изо всех сил. Ретиф надавил пальцем — хлопотун вновь успокоился.

— Вот видишь, как хорошо мы понимаем друг друга, — пробормотал вице-консул. — А теперь веди меня к своему начальнику.

Минут через двадцать быстрой ходьбы Ретиф очутился перед оборонительной линией хлопотунов — низкой оградой из веток с шипами, огораживающей большой участок пустыни. Ретиф положил своего пленника на землю, сел рядом, продолжая держать

большой палец в глубоком отверстии. Если повезет, ему не придется долго ждать...

Ярко-красный луч ударил землянину в глаза, мгновенно погас. Хлопотун возбужденно захлопал краями. Ретиф надавил пальцем.

— Сиди тихо, — сказал он. — И без фокусов.

Песок зашуршал в нескольких местах одновременно. Впереди возникла темная фигура чуть ниже Ретифа, рост которого был шесть футов три дюйма. Видимо, хлопотуны сильно отличались друг от друга размерами.

Раздался низкий звук, похожий на горловое ворчание. Ретиф наклонил голову, прислушался.

— Повторите то же самое, но на две октавы выше, — попросил он.

— Хррггрп! Приношу свои извинения. Теперь вы меня понимаете? — отчетливо спросил громкий голос.

— Вполне. Я пришел, чтобы договориться об обмене пленными.

— Пленными? Но у нас их нет.

— Как это нет? А я?

— Разумно. Какие гарантии вы хотите получить?

— Вашего честного слова будет достаточно. — Ретиф освободил пленника, и тот упорхнул в темноту, махая краями.

— Если вас не затруднит последовать за мной, — произнес голос, — мы сможем обсудить дела в более удобной обстановке.

— Вы оказываете мне честь.

Красный луч осветил проход в ограде из веток. Ретиф в сопровождении нескольких хлопотунов пошел вперед и вскоре очутился у небольшого строения с низкой дверью, в которую можно было пробраться разве что ползком.

— Приношу свои извинения за неудачную конструкцию комфорт-купола, — сказал голос. — К сожа-

лению, мы не были заранее уведомлены о визите столь высокого гостя.

— Ни слова больше. — Ретиф встал на четвереньки. — Мы, дипломаты, привыкли пресмыкаться.

С трудом протиснувшись внутрь, подогнув колени, чтобы не удариться о пятифутовый потолок, Ретиф с любопытством оглядел стены из розового дерева, темно-красный зеркальный пол, устланный шелковыми коврами, полированный мраморный столик, уставленный серебрянной посудой и хрустальными бокалами.

— Разрешите мне выразить вам свое восхищение, — сказал голос. Ретиф повернулся. Рядом с ним стоял хлопотун необъятных размеров. Голос его исходил из диска, прикрепленного к спине. — Ваши бое-особи — превосходные игроки. Хочу верить, что мы вас не подведем и окажемся достойными соперниками.

— Благодарю за комплимент и смею надеяться, что в дальнейшем нам удастся избежать столкновений.

— Избежать? — В диске зажужжало, защелкало, затем хлопотун вежливо произнес: — Давайте отобедаем. О делах поговорим позже. И разрешите представиться: Хошик из Мозаики Двух Рассветов.

— Меня зовут Ретиф... из Горы Неукоснительных Инструкций.

— Займи место почетного гостя, Ретиф, — сказал Хошик. — И пусть наши грубые подушки не покажутся тебе слишком неудобными.

Два высоких хлопотуна вошли в комнату, о чем-то молча посовещались со своим начальником.

— Прошу простить нас за отсутствие автоматических переводчиков, — извинился Хошик. — Это — мои коллеги.

Маленький хлопотун с серебряным подносом на

спине впорхнул в дверь, расставил на столе серебряные тарелки, налил в хрустальные бокалы желтое вино.

— Надеюсь, наша пища придется тебе по вкусу. — Хошик уселся за стол. — Насколько я знаю, метаболизм у землян и джеков практически одинаков.

Ретиф начал есть, почувствовал во рту изумительно тонкий аромат орехов. Вино ничем не отличалось от лучших марочных вин Земли.

— Какое удовольствие мы получили, неожиданно обнаружив ваши поселения на этой планете, — сказал Хошик, ловко поднимая бокал щупальцами. — Должен признаться, сначала мы приняли вас за туземных земле-ковыряющих особей, но, к счастью, вы быстро убедили нас в обратном. — Он чокнулся с Ретифом. — Само собой, как только нам стало ясно, что вы — благородные спортсмены, мы тут же предоставили вам возможность проявить активность. Сейчас я заказал тяжелую артиллерию и выписал штурм-особей, чтобы устроить красочный спортивный праздник. Думаю, все вы придете от него в восторг.

— Штурм-особей? — переспросил Ретиф. — Если это, конечно, не спортивная тайна, тебе не трудно будет сказать, в каком количестве ты их выписал?

— Какие между нами могут быть тайны? В ближайшее время прибудет единиц двести-триста. Потом же... впрочем, я уверен, мы всегда сумеем договориться. Лично я предпочитаю ограниченные спортивные действия без применения ядерного оружия. Это такая скука, защищать мицелий от мутаций! Хотя, должен признаться, в наших радиационных играх мы вывели очень интересных особей, например патрульных, одну из которых ты взял в плен. Примитивные существа, но непревзойденные следопыты!

— Я не возражаю, — сказал Ретиф. — Без атом-

ных бомб, так без атомных бомб. Как ты совершенно справедливо заметил, охрана мицелия — штука хлопотливая, да к тому же при мощных взрывах гибнет слишком много игроков.

— Ну, это не главное. Но я согласен, воздержимся от применения ядерного оружия. Откушай выпаренные яйца, Ретиф. В моей мозаике их готовят исключительно вкусно.

— Они просто восхитительны! Скажи, а тебе никогда не приходила в голову мысль, что состязания можно проводить без оружия?

В диске что-то хлюпнуло.

— Прости мне этот невольный смех, — сказал Хошик. — Ты, разумеется, пошутил?

— Если быть до конца откровенным, мы, земляне, стараемся не пользоваться оружием.

— Насколько я помню, первый наш контакт с земными бое-особями состоялся именно с применением оружия одной из сторон.

— Приношу свои глубочайшие извинения за трагическую ошибку, происшедшую по вине нашей... э-э... бое-особи. Она просто не разобралась, что имеет дело со спортсменом.

— Тем не менее, раз уж мы так весело начали применять оружие... — не закончив фразы, Хошик подал знак слуге, который вновь наполнил бокалы.

— Ты вынуждаешь меня затронуть крайне щекотливый вопрос. Надеюсь, ты не примешь того, что я скажу, на свой счет, но наши бое-особи считают, что стрелять допустимо только в определенных существ.

— О, как это интересно. В каких именно?

— В паразитов. Заядлые игроки, но, к сожалению, не принадлежат к нашему с тобой кругу общества. Мне бы совсем не хотелось, чтобы наши бое-особи считали вас, благороднейших спортсменов, паразитами.

— О-ля-ля! — пискнуло в диске. — Этого я, конечно, не мог знать. Спасибо, что сказал. Очень благородно с твоей стороны. — Хошик огорченно вздохнул. — Я вижу, ваши бое-особи мало чем отличаются от наших: и те, и другие начисто лишены воображения. — Он скрипуче рассмеялся.

— Ты прав. Но продолжим наши рассуждения и придем к логическому выводу. Видишь ли, у нас возникла серьезная проблема, а именно — низкая рождаемость среди наших бое-особей. Поэтому нам пришлось, как это ни печально, отказаться от крупномасштабных спортивных операций, которые так дороги сердцу каждого истинного игрока. Я хотел бы прекратить наши состязания...

Хошик поперхнулся вином, закашлялся, щедро оросил скатерть.

— Да как ты смеешь! — сдавленным голосом воскликнул он. — Неужели ты полагаешь, что Хошик из Мозаики Двух Рассветов способен поступиться своей честью?

— Ты забываешься! — сурово сказал Ретиф. — Я, Ретиф из Горы Неукоснительных Инструкций, делаю тебе предложение, соответствующее новейшим спортивным принципам!

— Новейшим принципам? — вскричал Хошик. — Мой дорогой Ретиф, какая приятная неожиданность! Я обожаю все новое, а в этом захолустье так отстаешь от моды! Говори же, говори скорее!

— Мое предложение заключается в следующем: каждая из соревнующихся сторон выдвигает своего представителя, и два спортсмена играют друг с другом до победного конца.

— Я... гмм... боюсь, я не совсем тебя понял. Какое значение могут иметь игры двух выбранных наугад бое-особей?

— Видимо, я недостаточно ясно выразился, —

сказал Ретиф, прихлебывая вино. — Само собой разумеется, бое-особи здесь ни при чем.

— Ты хочешь сказать...

— Вот именно. Речь идет о тебе и обо мне.

Звезды слабо мерцали над пустыней. Ретиф аккуратно положил на песок кожаную рубашку, которую одолжил ему Свази, бросил сверху тяжелый энергетический пистолет. В темноте огромную фигуру Хошика почти не было видно. Хлопотуны-секунданты стояли на почтительном расстоянии, ожидая начала поединка.

— Боюсь, мне придется снять диск-переводчик, Ретиф, — сказал Хошик и, тяжело вздохнув, пошевелил щупальцами. — Мои собратья по мицелию никогда меня не поймут. Какую любопытную форму приняли наши игры! Насколько все же приятнее наблюдать за спортивными состязаниями со стороны!

— Я хочу предложить тебе играть по правилам Теннесси, — сказал Ретиф. — Допускается кусаться, лягаться, бить по голове, а также пинаться, толкаться и щипаться.

— Гмм... Слишком много преимуществ для особей, обладающих скелетом. Так нечестно.

— Ну, если ты предпочитаешь плебейские игры...

— Нет, нет, что ты. Но, возможно, ты позволишь включить в эти правила выкручивание щупальцев, чтобы хоть как-то уравнять наши шансы?

— У меня нет возражений. Итак, начнем?

В ту же секунду Хошик напал на Ретифа, который, пригнувшись, отпрыгнул в сторону и бросился на спину своему сопернику. Хлопотун изогнулся, откинул землянина в сторону. Ретиф отлетел на несколько футов, вскочил на ноги. Хошик нанес ему сильнейший удар в челюсть, завернув свой левый край дугой. Ретиф упал, попытался перекатиться по песку, почувствовал, как плоское тяжелое тело на-

крыло его, словно одеяло. Высвободив одну руку, он вцепился в могучую спину хлопотуна, напряг мышцы. Хошик сжал его изо всех сил.

Чувствуя, что начинает задыхаться, Ретиф вжался в песок и неожиданно вспомнил о болевой точке особи, которую он захватил в плен.

Медленно перемещая руку по груди Хошика, обдирая кожу о роговые чешуйки, он нащупал края отверстия, засунул в него большой палец.

Хошик вздрогнул. Ретиф засунул палец еще глубже, лихорадочно шаря второй рукой по мускулистому телу. Если хлопотуны были существами симметричными, то второе отверстие должно было находиться у них на другой стороне груди.

Его догадка подтвердилась. Ретиф вдавил оба пальца до упора. Хлопотун судорожно задергался, дико замахал краями. Потом тело его обмякло. Ретиф с трудом отбросил Хошика в сторону, поднялся на ноги. Хошик перекатился по песку, встал и, переваливаясь с боку на бок, отошел в сторону. Подбежавшие секунданты помогли ему облачиться в одежды, прикрепили к спине диск-переводчик. Хошик тяжело вздохнул.

— Все-таки старомодные игры обладают определенными преимуществами, — сказал он. — Как тяжело иногда бывает истинному спортсмену идти в ногу со временем!

— Зато повеселились мы от души, — небрежно заметил Ретиф. — Я уверен, что уж теперь-то тебе захочется играть только по новым правилам. Подожди немного, а я сейчас сбегаю к своим и пришлю сюда несколько долбо-особей...

— Пусть паразиты пожрут твоих долбо-особей! — взвыл Хошик. — Ты мне устроил такую спергмо-боль, что я буду вспоминать о тебе каждый раз, когда мне придется выводить мицелий!

— Кстати, о паразитах, — воодушевленно сказал Ретиф. — Мы тут недавно вывели одну замечательную грызо-особь...

— Хватит! — взревел Хошик с такой силой, что диск на его спине подпрыгнул. — О, как я тоскую по густонаселенным желтым пескам Джека! Я надеялся... — Хошик умолк, глубоко вздохнул. — Я надеялся, Ретиф, — печально продолжал он, — открыть новые земли, где можно разместить обширную мозаику и заняться обработкой девственных песков, выращивая высочайшие урожаи райского лишайника, способные прокормить обитателей сотен планет. Но когда ты сказал мне о ваших долбо- и грызо-особях, дух мой был сломлен. Мне стыдно за себя, Ретиф.

— Честно говоря, я тоже старомоден и предпочитаю наблюдать за спортивными действиями со стороны, — произнес вице-консул.

— Да, но ведь твои собратья по мицелию тебя не поймут. Вряд ли они захотят отказаться от развлечений.

— Моих собратьев по мицелию здесь нет. Кроме того, я совсем забыл упомянуть, что ни один из нас не допустит, чтобы личные спортивные интересы возобладали у него над общественными. Вот, например, ты только что говорил о возделывании песков, выращивании лишайника...

— Того самого, из которого был приготовлен сегодняшний ужин, — сообщил Хошик. — И вино тоже.

— Соревнование в области земледелия — наша самая последняя дипломатическая мода. Итак, если хочешь, забирай себе все пустыни и выращивай на них лишайник, а я торжественно обещаю тебе, что мы останемся в оазисах и будем разводить овощи.

Хошик вздрогнул, изумленно изогнул спину.

— Ретиф, ты говоришь серьезно? Ты действительно готов отдать нам эти прекрасные пустыни?

— До последней песчинки, Хошик. Я согласен на оазисы.

Хлопотун в экстазе замахал краями.

— И вновь ты победил меня, Ретиф! — вскричал он. — На этот раз в благородстве!

— Детали обсудим позже. Не сомневаюсь, мы сможем выработать правила, которые устроят игроков обеих договаривающихся команд. А теперь мне пора идти. Боюсь, мои долбо-особи меня заждались.

Разгоралась заря. Ретиф свистом подал сигнал, заранее обговоренный с Поттером, поднялся на ноги и подошел к костру.

— Ну, наконец-то, — сказал Свази. — А мы уже начали подумывать, не отправиться ли тебе на выручку.

Лемюэль с огромным фонарем под глазом вышел вперед, протянул Ретифу руку.

— Прости, что не сдержался, друг. По правде говоря, я решил, что ты — стукач из ДКЗ.

К Лемюэлю подошел Берт.

— А с чего ты взял, что это не так? — саркастически осведомился он. — Может...

Небрежным движением руки Лемюэль сбил Берта с ног.

— Если еще один болван скажет, что хлюпик-дипломат смог вырубить меня одним ударом, пусть пеняет на себя.

— Скажите-ка мне, ребята, — спросил Ретиф, — как у вас обстоит дело с выпивкой?

— С выпивкой? Да мы уже целый год глотаем воду, как рыбы. Наша Мазанка убивает бактерий, вызывающих брожение.

— Ну-ка, попробуйте. — Ретиф протянул поселенцам квадратную бутылку.

Свази вытащил из нее пробку, понюхал горлышко, сделал маленький глоток и протянул бутылку Лемюэлю.

— Ого! Послушай, друг, где ты раздобыл эту штуку?

— Вино изготовили хлопотуны. Я хочу задать вам один вопрос: вы согласны разделить с ними планету, если получите мирные гарантии?

Примерно через полчаса горячих споров Лемюэль подошел к Ретифу.

— Мы согласны заключить любую разумную сделку, — сказал он. — По правде говоря, у них столько же прав на Мазанку, сколько у нас. Я считаю, и делиться надо поровну: сто пятьдесят оазисов им, сто пятьдесят — нам.

— А ты не хочешь отдать им пустыни, а себе оставить оазисы?

Не отрывая от Ретифа взгляда, Лемюэль потянулся за бутылкой с вином.

— Что ж ты раньше молчал, друг? — спросил он. — Когда подписывать договор?

Консул Пассвин поднял глаза на Ретифа, вошедшего к нему в кабинет.

— Садитесь, молодой человек, — рассеянно сказал он. — Я думал, вы улетели на Глинянку... Кирпичинку... как там она называется?

— Я вернулся, — коротко сказал Ретиф.

— Уже? Ну-ну. Хотите потребовать, чтобы я обратился в Главное Управление Сектора за военной помощью? Даже не надейтесь.

Ретиф передал ему через стол пачку деловых бумаг.

— Здесь мирный договор. Пакт о взаимопомощи. Торговое соглашение.

Пассвин взял документы, быстро просмотрел их и, просияв, откинулся на спинку кресла.

— Неплохо, Ретиф, совсем неплохо, — заявил он снисходительным тоном, несколько раз моргнул, затем нахмурился. — Что это у вас на скуле? Синяк? Надеюсь, вы вели себя с достоинством и не уронили чести представителя дипломатического корпуса?

— Я принимал участие в спортивных состязаниях, господин консул. Один из игроков погорячился.

— Гм... таковы перипетии нашей профессии. Приходится приноравливаться к обстоятельствам. — Пассвин встал с кресла, пожал Ретифу руку. — Я доволен вами, мой мальчик. Надеюсь, теперь вы поняли, как легко добиться успеха тому, кто неукоснительно следует полученным инструкциям.

Ретиф закрыл за собой дверь, не торопясь пошел по коридору. Прежде чем спуститься по лестнице, он задержался на несколько секунд, вытащил из папки толстый запечатанный конверт и бережно опустил его в небольшое круглое отверстие мусоропровода.

БРОНЗОВЫЙ БОГ

Возвысившись над материалистическим учением, дипломаты Корпуса, со свойственными им благочестием и стремлением познать высшие духовные идеалы, разрешили идеологический конфликт на планете хугов благодаря находчивости и усердию посланника Петляката, внесшего неоценимый вклад в историю развития дипломатических отношений Земли с другими государствами. Смиренно склоняя голову перед Тем, кто вершит наши судьбы, помня, что каждый поступок наш отмечен в Книге Вечности, Петлякат приподнял покрывало мистики, растолковав враждующим сторонам реалистическую доктрину Греха, в результате чего было достигнуто...

Том II. пленка I. 480 г.б.э.
(2941 год от Рождества Христова).

Хугский камерарий при папском дворе был высок ростом, с длинными, как у обезьяны, руками и похожей на купол собора головой, тонущей в широченных плечах. Глаза его сверкали, словно устрицы, только что вынутые из раковин; одет он был во все черное. Камерарий в упор смотрел на дипломатов, нервно сжимающих в руках ручки чемоданов. Жуткий, вызывающий суеверный ужас свет лился сквозь цветные стекла бойниц, расположенных по стенам круглого огромного зала, в котором люди казались карликами. Хугские копьеносцы в шлемах и корот-

ких юбках выстроились у стен в нескольких метрах один от другого и были так же неподвижны, как горгульи, чьи фантастические фигуры стояли в нишах над их головами. На неровном каменном полу комками лежала засохшая грязь; многочисленные выцветшие полотна изображали различные сцены из семи кругов хугского ада.

— Его Надменноздь Баба милоздиво бредоздавил в ваше разборяжение наилучшие абардаменды, — сказал камерарий глухим утробным голосом. — Боднимайдезь на вдорой этаж и бриведите зебя в борядок...

— Послушайте, мистер Ой-Горе-Печаль, — перебил его посланник Петлякат. — Обдумав сложившуюся ситуацию и не желая обременять Его Надменность, я пришел к выводу, что я и мои сотрудники вполне могли бы вернуться и переночевать на звездолете...

— Его Надменноздь уздраиваед браздник и ждед ваз через чаз в Бабзгих задах. Его Надменноздь будед крайне недоволен, езли ему бридедзя ждадь.

— О, мы премного благодарны Его Надменности за гостеприимство, но...

— Через чаз, — повторил Ой-Горе-Печаль, и эхо его голоса прокатилось по залу.

Он повернулся, чтобы уйти, задумался на секунду, вновь посмотрел на землян. Тяжелая цепь, висевшая у него на шее, звякнула.

— Между брочим, вам бредлагаедзя не обращадь внимания на... ах, неброшенных бозедиделей. Езли увидиде что-нибудь необычное, немедленно зовиде здражников.

— Посетителей? — ворчливо переспросил Петлякат. — О каких посетителях вы говорите?

— Во дворце, — сказал Ой-Горе-Печаль, — бозелилазь нечиздая зила.

Поднявшись по каменной лестнице, Ретиф и второй секретарь посольства Магнан пошли по коридору, освещенному единственным факелом, мимо обитых железом дверей и заплесневевших от сырости гобеленов. Магнан старался ступать как можно тише и не отставал от Ретифа ни на шаг.

— Забавные верования у этих провинциалов, — с наигранной веселостью заявил он. — Нечистая сила! Глупости, да и только. Ха, ха, ха.

— Почему вы говорите шепотом? — спросил Ретиф.

— Естественно, из уважения к Папе. — Магнан резко остановился, схватил Ретифа за рукав пиджака. — Ч-ч-что это? — спросил он, вытягивая дрожащую руку. Чья-то небольшая тень метнулась из-за пилястры и скрылась за одной из дверей.

— Может, галлюцинация? — Ретиф посмотрел на своего спутника и вопросительно поднял бровь.

— У нее... него... были красные глаза.

— А как, по-вашему, какого цвета глаза должны быть у галлюцинации?

— У меня совсем вылетело из головы, — быстро сказал Магнан, — что мне необходимо вернуться. Представляете, забыл на звездолете свою шапочку для купания. Проводите меня.

Ретиф пошел вперед.

— Мы почти у цели. Шесть, семь... вот мы и пришли. — Он сунул в замочную скважину ключ, который передал ему служка Ой-Горе-Печали. Тяжелая дверь распахнулась со скрипом, переходящим в протяжный стон. Магнан быстро прошел в комнату, остановился перед картиной, на которой были изображены хуги, висящие вниз головой над языками пламени, и разнообразные черти, протыкающие хугов зазубренными копьями.

— Религия повсюду одинакова, — философски

заметил он и, оглядевшись по сторонам, в смятении уставился на отсыревшие каменные стены, две низкие кушетки, статуи дьяволов, стоящие по углам. — Какое омерзительное помещение! — Поставив чемодан на пол, Магнан подошел к ближайшей кушетке и ткнул в нее кулаком. — Одна ночь на этом матрасе — и я сломаю себе спину! К тому же здесь жуткий сквозняк, и я наверняка простужусь! И... И... — дрожащим пальцем он указал в угол комнаты, где стояла голубая каменная статуя черта с крохотными гранатовыми глазками, угрожающе поблескивающими в тусклом свете.

— Ретиф! Там кто-то пошевелился! С красной шерстью и горящим взглядом! Совсем такой, как на картине!..

Ретиф начал распаковывать чемодан.

— Если еще раз его увидите, швырните в него ботинком. А сейчас давайте быстро переоденемся. По сравнению с разъяренным послом несколько чертей — не более, чем домашние голуби.

Через полчаса, помывшись, насколько это было возможно, в каменной раковине, Магнан стоял у треснутого зеркала и поправлял складки хугского церемониального саронга. Изредка он вздрагивал и испуганно оглядывался через плечо.

— Нервы у меня разыгрались, вот и мерещатся всякие глупости, — убежденно заявил он. — Это все Ой-Горе-Печаль виноват. Должен признаться, его слова чуть было не выбили меня из колеи. До чего же эксцентричные суеверия у этих туземцев!

На другом конце комнаты третий секретарь посольства Ретиф набивал обойму небольшого пистолета зарядами величиной со спичечную головку.

— Может, камерарий в изысканной манере просто сообщил нам, что во дворце полно мышей? — предположил он.

Магнан повернулся, увидел пистолет.

— Ретиф! Это еще что?

— Эксцентричное лекарство от туземных привидений, на тот случай, если они разбушуются. — Пистолет исчез под хугским саронгом. — Считайте, что я решил поносить амулет на счастье, мистер Магнан.

— Держать камень за пазухой — древняя дипломатическая традиция, — с сомнением в голосе сказал Магнан. — Но энергетический пистолет под саронгом...

— Я воспользуюсь им только в том случае, если кто-нибудь выпрыгнет из стены и скажет ба-бах, — пообещал Ретиф.

Магнан презрительно фыркнул и, явно любуясь собой, уставился в зеркало.

— Честно говоря, я вздохнул с облегчением, когда господин посол настоял на своем решении провести сегодняшний вечер в национальной одежде хугов, а не в обнаженном виде, как полагается по ритуалу. — Он повернулся к зеркалу одним боком, затем другим, разглядывая неровный нижний край саронга, из-под которого торчали его голые ноги. — Какая удивительная дипломатическая победа! Стоит господину послу сжать челюсти, и на него любо-дорого смотреть! Даже Ой-Горе-Печаль не посмел ему возразить. Жаль, он не сделал следующего дипломатического шага и не настоял на брюках... — Магнан умолк, уставился на черные портьеры, закрывающие окно. — Ретиф! Опять началось!

— Шш-шш. — Ретиф наклонил голову, присмотрелся. Тяжелая ткань портьер заколыхалась, раздвинулась; примерно в футе от пола появилась сверкающая красная бусинка, затем нога, толщиной с проволоку, вторая нога, третья и, наконец, туловище, похожее на красный мохнатый мячик; глаза, расположенные на концах тонких трубочек длиной в два

дюйма, быстро оглядели комнату, уставились на Ретифа.

Магнан завопил, как резаный, бросился к двери, распахнул ее настежь.

— Стража! На помощь! Привидения! Нечистая сила! — Голос его затих в конце коридора; послышалось бряцание оружия и топот ног.

Незваный гость явно заволновался. Жалобно вскрикнув, словно черт, которого окропили святой водой, он согнул две проволочные конечности, положил их на спину. Магнан продолжал визжать за дверью, заглушая рокот голосов хугских стражников.

— В таком случае приведите того, кто знает земной язык! На моего коллегу напало страшное чудовище! Оно пытается разорвать его на части!

Ретиф быстро раздвинул портьеры, открыл окно.

— Скорее, приятель, — негромко сказал он. — Уходи, пока тебя не зацапали.

Шерстяной мячик перекатился по полу, остановился перед Ретифом. Конечности замелькали в воздухе, и к ногам дипломата упал вчетверо сложенный листок. Затем мохнатое создание прыгнуло в окно и исчезло.

— Где Збизм? — послышался с порога угрожающий голос. Куполообразная голова в сверкающем шлеме повернулась в одну сторону, потом в другую. За спиной стражника Магнан изо всех сил вытягивал шею, пытаясь заглянуть в комнату.

— Где оно? — хрипло выкрикнул он. — Чудовище было четырех футов ростом, с клыками, как у мамонта!

Хуг сделал несколько шагов вперед, указал семифутовым копьем на открытое окно.

— Это была мышка, — небрежно сказал Ретиф. — Удрала к себе в норку.

— Ды выбуздил збизма?

— А что, спизмы такие страшные? — спросил Ретиф, незаметно пряча записку в карман саронга.

— Збизм — нечиздая зила, можед угузидь дерри, будед заражение грови.

— Какая наглость! — возмущенно воскликнул Магнан. — Кусать людей абсолютно безопасно!

Хугский стражник повернулся к нему, взмахнул копьем.

— Ды бойдешь зо мной, — приказал он. — Дех, гдо заглючаед договор с дьяволом, варяд в мазле.

— Эй, — Магнан попятился. — Отойди от меня, любезный...

Хуг неторопливо протянул к Магнану мощную руку. Ретиф сделал шаг вперед, примерился, нанес резкий удар костяшками пальцев. Стражник покачнулся и, чуть не задев Магнана, рухнул, стукнувшись подбородком об пол с такой силой, что по комнате прокатилось эхо. Копье ударилось о стену и разлетелось на куски.

— Р-Ретиф, — заикаясь, пробормотал Магнан. — Вам что, жить надоело? Вы напали на воина Папской Стражи!

— У меня сложилось впечатление, что он зацепился за ковер и упал. Разве вы не заметили?

— Но...

— Это произошло в тот самый момент, когда он собирался схватить вас за грудки.

— Э-э... да, теперь припоминаю. — Магнан откашлялся, заговорил воодушевленным тоном. — Ужасное падение! Когда он споткнулся, я кинулся со всех ног, чтобы поддержать его, но — увы! — не успел. Бедняга! Так ему, скотине, и надо. Проверим, что у него в карманах?

— Зачем?

— Вы правы. Не успеем. Он упал с таким грохотом, что сейчас сюда со всего дворца сбегутся...

В дверях показался капитан Папской Стражи, которого легко можно было узнать по шлему в форме ангела с длинными клыками. Склонив голову набок, капитан уставился на безжизненное тело своего подчиненного.

— Гдо из ваз на него набал? — осведомился он.

Магнан посмотрел на распростертого стражника, словно видел его впервые в жизни.

— Кажется, этот несчастный упал, — изумленно произнес он.

— Убивадь хугов — незагонно. — Капитан свирепо нахмурился.

— Он... э-э-э... сломал копье, — с готовностью сообщил Магнан, указывая на обломки.

— Одно из замых здрашных брездублений — озгвернение церемониального гопья, — убежденно сказал капитан. — Обряд очищения очень дорого здоид.

Магнан сунул руку в карман и достал кошелек.

— Мне бы так хотелось пожертвовать небольшую сумму...

— Дезядь хугзгих гредидог, — отрезал капитан, — и зчидай, чдо ничего не броизошло. Еще бядерга, помогу избавидьзя од друба...

Стражник зашевелился, что-то пробормотал, с трудом уселся на пол.

— Ха! — сказал капитан. — Бробала моя бятерга. — Он достал из-за пояса короткую уродливую дубинку. — Бридедзя бригончидь незчаздную жердву звиребых землян.

— Стойте! — закричал Магнан. — Вы что, с ума сошли?

— Озгорбление гапидана Бабзгой Здражи — две гредидги.

— Взятка! — вскричал Магнан. — Вымогательство! Коррупция!

— Еще две гредидги. — Капитан удовлетворенно

кивнул, посмотрел на Ретифа. — А ды ничего не зга-жешь?

— Я не буду платить! — рявкнул Магнан. — Немедленно отведите этого беднягу к доктору и освободите помещение! Нам необходимо закончить церемонию одевания!

— Религиозные пожердвования — здарый хугзкий обычай, — запротестовал капитан. — Ды хочешь нарушидь мездные дабу?

— У нас, у землян, есть свои табу, — вмешался в разговор Ретиф. — Обычаи велят нам отдавать деньги только добровольно. — Он протянул хрустящую бумажку, которая тут же исчезла в руке капитана. Стражник тем временем поднялся на ноги и стоял, покачиваясь из стороны в сторону. Капитан рявкнул на него, и, подобрав обломки копья, полуоглушенный хуг в сопровождении своего начальника вышел из комнаты, по пути бросив на Магнана убийственный взгляд.

Ретиф закрыл за непрошенными гостями дверь, вынул оставленную спизмом записку, развернул ее и прочел: У ФОНТАНА ЛЮДОЕДА, КОГДА ВЗОЙДЕТ ВТОРАЯ ЛУНА. ПРИКОЛИТЕ К САРОНГУ ЖЕЛТЫЙ НАВОЗНЫЙ ЦВЕТОК.

Магнан, вновь разглядывая себя в зеркале, глубоко вздохнул.

— Неблагоприятное начало. — Он склонил голову набок, потом подпрыгнул на месте. — Великие небеса! Половина десятого! Мы опаздываем! — Стряхнув с саронга несуществующую пылинку, он тщательно пригладил жидкие пряди волос и, сделав Ретифу знак следовать за собой, вышел из комнаты. Они спустились с лестницы, прошли высокую арку зала, очутились на широких гранитных ступенях, ведущих в сад. Бледно-голубые фонари, прикрепленные к голым веткам чахлых деревьев, освещали призрачным

светом декоративные цветы, похожие на грибовидные наросты, скульптуры, изображавшие мучавшихся в аду грешников, длинные столы, уставленные земными яствами, в спешке доставленными со звездолета. Над гротескными каменными фонтанами стояла завеса брызг; в воздухе пахло серой. Наверху крепостной стены, окружавшей сад, сверкали установленные в несколько рядов копья; неподалеку, уходя в небо на полмили, возвышалась бронзовая статуя свирепо усмехающегося идола, отдающего честь по-хугски: правая рука с растопыренными пальцами вытянута вперед, левая рука сжимает бицепс правой. Магнан задрожал.

— Какой кошмар, — сказал он, не в силах оторвать взгляда от бронзового бога. — Послушайте, по-моему, у него из ноздрей идет дым.

Ретиф принюхался.

— Пахнет горелым, — согласился он.

Высокая мрачная фигура шагнула из темноты и остановилась рядом с Магнаном.

— Горяд здарые газеды, — произнес глухой утробный голос. — Хугзгие боги бринозяд большую бользу — избавляюд наз од музора.

— Ой-Горе-Печаль! Как вы меня напугали! — Магнан тоненько захихикал и взмахом руки отогнал жужжащее насекомое, норовившее впиться ему в щеку. — Надеюсь, сегодняшний вечер завершится к всеобщему удовольствию. Как отзывчиво поступил Его Надменность, позволив нам устроить в его дворце этот прием и сыграть на нем роль хозяев. Какой благородный жест, означающий, можно сказать, признание нашей дипломатической миссии.

— Бревращадь гоздей в хозяев — здарый хугзгий обычай, — сказал Ой-Горе-Печаль. Неблохо бы вам выучидь взе наши обычаи, чдобы не повдорилазь издория с брежним дибломадом.

— Да, мы очень переживали, когда предшественника посла Петляката выслали с вашей планеты. Но послушайте, откуда ему было знать, что от него требовалось заполнить папский молитвенный тазик стокредитными купюрами?

— Баба намегнул ему, боложив на дно дазига незголыго гредитог. А ваш бозол избордил их, налив зверху бохлебгу из бобов. Любой бы разъярилзя.

— Некрасиво получилось, — согласился Магнан. — Но я уверен, что это маленькое недоразумение не повлияет в дальнейшем на нашу дружбу.

Музыканты оркестра начали настраивать инструменты; печальные стоны струн разнеслись по саду. Вооруженные папские стражники заняли свои места, дипломаты в саронгах выстроились гуськом.

— Мне бора, — сообщил Ой-Горе-Печаль. — Дела. На брощанье хочу дадь вам один зовед, деди мои: мирзкие блага, гонечно, ничего не значад для Его Надменнозди, но замый змердный из взех грехов — жадноздь. Его Надменноздь брезираед жмодов. — Позвякивая цепью, камерарий удалился.

— Посла все еще нет, — нервно сказал Магнан. — Надеюсь, он появится раньше, чем Папа Ай-Душка-Шизик. Я содрогаюсь при одной мысли о том, что мне придется вести с Его Надменностью светский разговор.

— Согласно отчету бывшей миссии, — сказал Ретиф, — разговаривать с Папой очень просто. Отдайте ему все, на что он положит глаз, а если этого будет мало, подарите еще немножко.

— Я вижу, вы становитесь настоящим дипломатом, Ретиф, — одобрительно сказал Магнан. — И все же я обеспокоен...

— Протокол обязывает вас развлекать гостей. Почему бы вам не рассказать Папе пару неприличных анекдотов?

— Что вы, Ретиф. Вряд ли главе Теократии доставит удовольствие выслушивать всякие там биологические подробности.

— Не беспокойтесь, к биологии они относятся весьма положительно и подробностей не стесняются. Зато не советую вам заводить каких бы то ни было разговоров о пище: хуги до сих пор считают, что еду им приносит в клюве аист.

— Какой ужас! На всех наших консервах стоит надпись: «Сделано в Гонконге». Сбегаю к поварам, прикажу, чтобы срочно содрали этикетки с банок. А вы тем временем идите ко входу в сад и принимайте гостей. Через час я пришлю вам на смену Струносвиста.

— Если хотите, я могу задержать Папу, — предложил Ретиф, шагая рядом с Магнаном к воротам. — Для начала я потребую у него пригласительный билет...

— Без фокусов, Ретиф! Если мы добьемся успеха после того, как предыдущая миссия потерпела фиаско, нам всем обеспечено продвижение по службе.

— Лично мне кажется, что Папа не сумеет по достоинству оценить тот прием, который мы ему оказываем. Вот если б вместо пикника на лужайке мы направили бы на его дворец несколько пушек, у нас сразу установились бы прекрасные отношения.

— Вы ничего не смыслите в дипломатии. — Магнан вздернул нос, всем своим видом показывая, что оскорблен до глубины души. — Тысячелетняя история доказала, что чем больше дипломаты ходят на приемы, тем скорее они добиваются успеха.

— Интересно, а хуги об этом знают?

— Естественно. В конце концов у каждого из нас в черепной коробке находится мозг, осознающий, что все мы — братья по разуму.

— Черепная коробка хуга тверже армопласта.

Прежде чем вы вдолбите в нее родственные чувства, вам перережут глотку.

— Жду не дождусь, — рассеянно сказал Магнан, не обращая на слова Ретифа ни малейшего внимания, — когда мне предоставится возможность блеснуть остроумием в беседе с Его Надменностью. Как вам, должно быть, известно, мои способности лучше всего проявляются в присутствии высокопоставленных особ, и, само собой, их внешний вид не имеет никакого зна... — Услышав позади себя какой-то странный звук, Магнан посмотрел через плечо, дико вскрикнул и отскочил в сторону (отдавив ногу официанту) при виде хуга семи футов ростом с мощной грудью и широченными плечами, на которые была накинута золотая мантия. Благородные черты монстра состояли из двух носовых отверстий, каждое диаметром в дюйм, крохотных красноватых глаз с поволокой и широкого рта, осклабившегося в улыбке и обнажившего сверкающие золотые зубы. Унизанные перстнями пальцы сжимали рукоять огромного двуручного меча.

— Дурно бахнед! — взревел монстр, потянул воздух носом и громко фыркнул. — Ужазно! — заявил он, отпихивая Магнана локтем. — Убирайзя одзюда, любезный! На гонюшню!

— О, Ваша Надменность... я всего лишь помазал за ухом... э-э... одеколоном для бритья...

— Од дебя воняед, гаг од шлюхи в бубличном доме! Где позол Быдлогад? Надеюзь, наз хорошо нагормяд. Говоряд, дерри любяд божрадь. — Папа весело подмигнул Магнану розовым глазом и ткнул его под ребра толстым кривым пальцем.

— У-уф. — Магнан сглотнул. — О, Ваша Надменность!

Ай-Душка-Шизик его не слышал, так как, покончив с дипломатией, решительно направился к бли-

жайшему накрытому столу. Вооруженные стражники, звеня ятаганами и подозрительно поглядывая на выстроившихся дипломатов, не отставали от него ни на шаг.

— Я... я... сбегаю, пригляжу, чтобы подали прохладительные напитки, — запинаясь, пробормотал Магнан. — Ретиф, сопровождайте и развлекайте Его Надменность до подхода подкреплений... я хотел сказать, пока не появится господин посол. — Он скрылся в темноте.

Папа сунул палец в большую хрустальную салатницу, вытащил его, внимательно осмотрел со всех сторон, затем взял салатницу в руки и одним движением кисти швырнул ее содержимое на накрахмаленные рубашки дипломатов, стоявших по стойке смирно с застывшими улыбками на устах.

— Гдо эди брихлебадели? — громко осведомился он. — Дальние родздвеннигн? Ждуд объедгов? Я доже мучаюзь з родздвеннигами. Вернее, мучалзя. Две недели назад у наз был браздник Замобожердвования, вод я и бринез велигую жердву, одбравив взех до единого г их бредгам.

— Неплохая идея, — заметил Ретиф. — Думаю, многим теперь понравится заниматься самопожертвованием.

Папа взял со стола тарелку, на которой лежали бутерброды с икрой, наклонил ее и, когда бутерброды посыпались на землю, поднес тарелку к носу, понюхал и осторожно откусил от нее маленький кусочек.

— Я даг много злышал о блюдах дерри, — сказал он, шумно жуя. — Немного жездковадо, но вкузно.

Он откусил от хрупкого фарфора еще один кусочек и протянул тарелку Ретифу.

— Закузывай, — милостиво предложил он.

— Спасибо, Ваша Надменность, но как раз перед

вашим приходом я выпил бутылку пива. Не хотите ли отведать тарелки из обеденного сервиза? Гурманы от них просто в восторге.

Двери, ведущие на одну из террас дворца, распахнулись настежь. Честолюбивые чиновники посольства разом приняли позы почтительного ожидания, заулыбались. Коренастая фигура Чрезвычайного Посла и Полномочного Министра Земли, в огромном красном тюрбане и в короткой, вышитой золотом, ночной рубашке хугов, торжественно вышла вперед. Рядом шагала точно такая же фигура, но с копной ярко-оранжевых волос на голове. Магнан шел в двух ярдах сзади.

— Ваш бозол — двойниг? — поинтересовался Папа, делая шаг навстречу приближающейся парочке.

— Нет. Это — миссис Петлякат, — пояснил Ретиф. — Если б я был на месте Вашей Надменности, я бы незаметно избавился от недоеденного блюдца: она звереет, когда сердится.

— Броглядые замки, таг и норовяд зъэгономидь на жрадве. — Папа выкинул ободок блюдца в грибовидный куст. — Ах, бриведздвую ваз, бозланниг Гадобляд! — громыхнул он. — И вашу очаровадельную делгу. Надеюзь, она згоро бонезед?

— Понесет? — Петлякат растерянно огляделся по сторонам. — Что понесет?

— Надеюзь, вы вовремя брюхадиде звоих делог? — радостно улыбаясь, заявил Папа. — Или эда — злишгом здарая? Не здрашно, я уверен, чдо в звое время она была брегразной броизводидельницей.

— Какая чушь! — басом рявкнула миссис Петлякат, выпрямляясь во весь рост и гневно сверкая глазами.

— Между брочим, — продолжал Ай-Душка-Шизик, — я дербедь не могу разговаривадь о делах за едой, и боэдому бредлагаю немедленно обзудидь зоо-

дведздвующий злучаю бодарог. Зо звоей здороны, я годов забыдь маленьгое недоразумение з бывшим бозлом и, не зобродивляязь, бринядь любую зумму в размере од одного миллиона гредидог и выше.

— Миллион кредиток? — пробормотал Петлякат. — Подарок?

— Гонечно, езли вы не ходиде брозлыдь жмодом, можеде бодгинудь еще миллион.

— Миллион кредиток из фондов Корпуса? Но... С какой стати, Ваша Надменность?

— Э, нед, — Папа укоризненно помахал перед носом посла толстым, как сарделька, пальцем. — Не вмешивайдезь в наши внудренние дела!

— Что вы, Ваша Надменность! Я только хотел узнать... э-э-э... по какому случаю мы должны сделать вам подарок?

— Зегодня вдорниг.

— О!

Папа миролюбиво кивнул.

— Вам бовезло, чдо не зреда. В зреду бришлозь бы бладидь вдвойне. — Он взял бокал с подноса у стоявшего поблизости официанта, выплеснул коктейль на землю, откусил хрусталь от ободка и принялся задумчиво жевать.

— Блохой бугед, — пробормотал он.

— Мой лучший хрусталь! — миссис Петлякат схватилась за сердце. — А этот козел жрет его и не подавится!

— Гозел? — Папа подозрительно посмотрел на нее. — Гдо дагой гозел?

— Нечто вроде гурмана, — быстро нашелся Петлякат, отирая платком вспотевший лоб. — Известен своим изысканным вкусом.

— А деберь о бензии, — сказал Папа. — Зущая безделица. Дызяча в день бозлужид догазадельздвом вызогой оценги моих зазлуг зо здороны Горбуза.

— Тысяча в день... чего? — Посол недоуменно оглянулся на дипломатов, стоявших все с той же почтительной улыбкой на устах.

— Гредидог, разумеедзя. И не забудьде о зубзидиях на хугзгую бромышленноздь, зкажем бо бядьдезяд дызяч в мезяц. Деньги можеде бладидь лично мне, чдобы избежадь бюроградичезгих броволочег.

— Хугскую промышленность? Но, насколько я понял, у хугов нет никакой промышленности.

— Именно поэдому нам необходимы зубзидии, — решительно заявил Папа.

Лицо посла вытянулось, но он тут же спохватился и заставил себя улыбнуться.

— Ваша Надменность, главная моя задача — наладить дружеские отношения между двумя нашими расами, помочь хугам попасть, так сказать, в гольфстрим галактической цивилизации...

— Гаг можно наладидь дружезгие одношения без денег? — спросил Папа тоном, не терпящим возражений.

Петлякат задумался.

— Мы, конечно, могли бы предоставить вам заем...

— Зделадь дарздвенную — гуда броще, — указал Папа.

— Само собой, нам придется увеличить штат, чтобы справиться с делами. — Посол потер руки, в глазах его появился лихорадочный блеск. — Для начала хватит двадцати пяти сотрудников.

Хуг в черной мантии, вышитой серебром, подошел к Папе, зашептал ему на ухо, указывая рукой в сторону дворца.

— Чдо? — вскричал Ай-Душка-Шизик громовым голосом и уставился на Петляката. — Нарушаеде мездные дабу? Бомогаеде нежеладельным элемендам? Ведеде береговоры з врагами Звядого Брездола?

— Ваша Надменность! — дрожащим голосом про-

изнес Петлякат, даже не пытаясь перекричать разъяренного священнослужителя. — Я ничего не понимаю! Что такое вам сказали?

Все тем же громовым голосом Папа начал отдавать распоряжения по-хугски. Стражники бросились врассыпную и исчезли в кустах. Ай-Душка-Шизик пошел вдоль стола, собирая хрупкие фарфоровые тарелки в стопку и что-то бормоча себе под нос. Петлякат семенил следом.

— Ваша Надменность! — вскричал он, задыхаясь. — Объясните мне, что случилось? Я уверен, произошла страшная ошибка! Что ищут ваши люди? Уверяю вас...

— Бо доброде зердечной я зоглазилзя бринядь ваз на Хуге! Я огазал вам величайшую любезноздь и выучил ваш язык! Я даже годов был взядь у ваз деньги — здрашная жердва з моей здороны! А зейчаз я узнаю, чдо вы одгрыдо зговариваедезь з врагами Богов!

Ретиф, оставшийся стоять на месте, огляделся по сторонам, увидел фонтан в форме хугского двухголового карлика с огромными зубами и животом, подошел к нему, повернулся лицом к Папе и послу, продолжавшим ожесточенно жестикулировать у обеденного стола. Почувствовав, что кто-то дергает его за ремешок сандалии, он посмотрел вниз. В высокой траве блестели два красных глаза, расположенных на концах тонких трубочек.

— Ты ищешь меня? — тихо спросил Ретиф.

— Конечно! — пискнул тоненький голос. — Нам никак не удается побеседовать в спокойной обстановке, мистер Ах-гм.

— Ретиф.

— Привет, Ретиф. Меня зовут Франтспурт. Ребята уполномочили меня рассказать вам, терри, что здесь

происходит. В конце концов у нас, спизмов, тоже есть какие-то права.

— Если тебе удастся объяснить мне, что творится в этом сумасшедшем доме, я буду твоим вечным должником, Франтспурт. Давай, выкладывай.

— Все дело в хугах — они не дают нам ни минуты покоя. Представляешь, эти бегемоты-псалмопевцы утверждают, что из-за нас происходят все несчастья, от скисания молока до потери потенции! Дошло до того, что после захода солнца стало страшно выйти прогуляться...

— Погоди, Франтспурт. Начинай с начала. Кто вы такие? Почему хуги вас преследуют? Откуда ты так хорошо знаешь земной международный язык?

— Однажды я отправился путешествовать зайцем на земном звездолете, который опустился на нашу планету, чтобы починить двигатели. Матросы считали, что я принес им счастье. Веселые были денечки, но вскоре я начал тосковать по дому, и...

— Постой. Ты хочешь сказать, что являешься коренным обитателем этого лучшего из миров?

— Ну конечно. Мы, спизмы, появились здесь задолго до хугов и жили тысячи лет, не зная горя. Потом хуги расселились по поверхности, а мы заняли тихие удобные места под землей. А затем они ударились в религию, и наша жизнь превратилась в ад...

— Где-то я слышал, что религия играет положительную роль в развитии разумных существ.

— В том случае, когда с ее помощью не пытаются истребить других разумных существ.

— Ты прав.

— Ну вот. Хугские священники провели самую настоящую пропагандистскую кампанию, нарисовали кучу картин, где спизмы с копьями мучали несчастных хугов. Через некоторое время даже простые обыватели при виде спизма начинали махать руками и

осенять себя крестными знамениями. Мы и опомниться не успели, как хуги объявили нам самую настоящую войну. Говорю тебе, Ретиф, мы живем хуже некуда, и это еще цветочки, ягодки будут впереди!

Папский стражник, осматривая кусты, приближался к фонтану людоеда.

— А вот и жандармы, — вполголоса сказал Ретиф. — Прячься скорее, Франтспурт. Тебя ищут по всему саду. Почему бы нам не продолжить разговор позже...

Спизм нырнул в высокую траву.

— Это очень важно, Ретиф, — послышался его голос из-за ближайшего куста. — Ребята рассчитывают на меня...

— Шш-шш. Следи за мной, и, если я останусь один, мы обязательно поговорим...

Невесть откуда появившийся Магнан подозрительно посмотрел на Ретифа, подошел к нему вплотную.

— Ретиф! Если вы впутались в эту путаницу...

— Кто, я? Что вы, мистер Магнан. Мы же прилетели вместе с вами сегодня утром...

— Магнан! — раздался из-за куста резкий голос Петляката. — Папа проинформировал меня, что на территории посольства был замечен ужасный демон. Естественно, нам ничего об этом неизвестно, но, к сожалению, Его Надменность сделал вывод, что мы общаемся с существами из загробного мира! — Он подошел ближе, понизил голос. — Чушь несусветная, но мы должны сделать вид, что безоговорочно в нее верим. Проследите, чтобы дипломаты занялись поисками этого мифического черта, а я тем временем попытаюсь умиротворить Его Надменность.

— Слушаюсь, господин посол. Но... что будет, если мы его найдем?

— В этом случае вы окажетесь куда большим идиотом, чем я предполагал! — Петлякат изобразил

на лице соответствующую улыбку и поспешил вернуться к Папе.

— Ретиф, вы идите туда, — Магнан махнул рукой в сторону фасада дворца, — а я посмотрю в кустах. И не вздумайте кого-нибудь найти. Не хватало еще, чтобы вы обнаружили какое-нибудь чудовище, подобное тому, что напало на нас в... — Магнан вздрогнул, ошарашенно посмотрел на своего собеседника. — Великий боже! Как вы думаете...

— Нет, — твердо сказал Ретиф. — Я считаю, сейчас речь идет о драконе величиной как минимум с дом.

— И все же... мне, наверное, следует рассказать обо всем господину послу...

— Чтобы подтвердить подозрения Папы? Вы храбрый человек, мистер Магнан. Не возражаете, если я пойду послушаю, чем это кончится?

— С другой стороны, — торопливо сказал Магнан, — в настоящее время господин посол очень занят. Не стоит отвлекать его по пустякам. — Он отошел от фонтана и, стараясь оставаться в поле зрения Папы, начал усердно заглядывать под все кусты.

Ретиф вернулся к столу, у которого теперь никого не было, кроме официанта, собирающего мятые салфетки в большой бумажный пакет. Тихонько свистнув, Ретиф подождал, пока официант поднимет голову, и бросил ему одну из тарелок. Хуг выронил пакет и поймал тарелку в воздухе.

— А вот еще. — Ретиф сгреб со стола и протянул официанту четыре блюдца, три пустых бокала и несколько недоеденных бутербродов с сыром. — Держите скорее и займите место в свите Папы. Он ходит по саду, оставляя за собой ободки от блюдец, разрисованные цветочками, — наверное, они пришлись ему не по вкусу.

— Дебе не нравидзя, гаг я рабодаю? — свирепо спросил хуг. Ретиф взял со стола ложку, уронил ее, незаметно подпихнул ногой под скатерть, свисающую до земли.

— Вы прекрасно работаете, — успокоил Ретиф официанта и, нагнувшись за ложкой, увидел два красных глаза на тонких трубочках. — Полезай в пакет, — прошептал он, почти не разжимая губ.

— З гем ды разговариваешь? — Хуг быстро наклонился, посмотрел под стол. Бумажный пакет зашуршал: спизм успел юркнуть в него и теперь устраивался поудобнее.

— Молюсь Богу-Ложке, — небрежно ответил Ретиф. — Уронить ложку — дурная примета.

— Да? — Хуг прислонился к столу, достал из кармана жеваную зубочистку, начал ковырять ею в стальных зубах. — Взе иноздранцы — зумазшедшие. Гаждый дураг знаед, чдо уронидь ложгу — хорошая бримеда, а вилгу — дурная.

— У нас на Земле считается, что упасть с десятого этажа — к смерти, — рассеянно сказал Ретиф, глядя на приближающихся папских стражников. Один из них подошел к столу, бросил на Ретифа подозрительный взгляд, наклонился, поднял скатерть, затем потянулся к бумажному пакету. — Не хотите ли выпить? — быстро спросил Ретиф и, зачерпнув чашкой густой красный пунш, шагнул к стражнику, поскользнулся. Струя липкой жидкости ударила в застежку капюшона на шее, потекла по нагруднику кирасы, оставляя на ней причудливые узоры. Официант схватил со стола поднос и попятился. Стражник выпрямился, задыхаясь от возмущения.

— Идиод! Дубина здоерозовая! — воскликнул он.

— Чдо дагое? — взревел громовой голос. — Разбитие збирдных набидков во время изболнения злужебных обязанноздей? — Папа отпихнул Ретифа, ос-

тановился перед опустившим голову стражником. — В нагазание ды будешь зварен в мазле! — прорычал он. — Уведиде его!

— Это я виноват, Ваша Надменность, — произнес Ретиф. — Я предложил ему...

— Ды хочешь бомешадь Бабзгому одбравлению бравозудия? — вскричал первосвященник, поворачиваясь к Ретифу. — Ды озмелилзя бредболожидь, что Бабзгое бравозудие можед быдь ошибочным?

— Нет, это вы ошиблись, Ваша Надменность, — сказал Ретиф. — Я случайно пролил на вашего стражника чашу с пуншем.

Папа побагровел, беззвучно зашевелил губами. Потом шумно сглотнул слюну.

— Мне даг долго нигдо не возражал, чдо я забыл, гагое за эдо болагаедзя нагазание, — произнес он обычным голосом и помахал в воздухе двумя скрещенными пальцами. — Благозловляю дебя и одбузгаю дебе эдод грех, зын мой. — Папа милостиво улыбнулся. — Я одбузгаю дебе грехи на неделю вберед. Развлегайзя, будь моим гоздем.

— О, как это благородно со стороны Его Надменности! — чуть завывая, провозгласил Магнан, выходя из-за ближайшего куста. — Как жаль, что мы не нашли демона, а то бы я...

— Збазибо, чдо набомнил, — угрожающе сказал Папа, перевел взгляд на посланника Петляката и принялся сверлить его глазами. — Долго мне ждадь?

— Послушайте, Ваша Надменность! Как мы можем найти здесь демона, если демона здесь нет?

— Эдо двоя броблема!

У ворот в стене, окружающей сад, послышался чей-то вопль. Два солдата пытались обыскать официанта, державшего в руках большой бумажный пакет. Официант отскочил в сторону, пакет упал на землю, разорвался напополам.

Расшвыривая бумажные салфетки, отпихивая ногами хлебные корки, спизм рванулся вперед и, проскользнув мимо изумленных солдат, кинулся к калитке на другом конце сада. Стражники, выхватывая из-за поясов длинноствольные пистолеты, преградили ему путь. Прозвучал выстрел, пуля чуть было не угодила в одного из папских слуг, поспешивших принять участие в погоне. Папа взвыл, замахал руками.

Спизм резко остановился, развернулся на месте, помчался в направлении дворца, из которого выбежали несколько священников. Прозвучал залп; хрустальная ваза, стоявшая на столе рядом с Магнаном, взорвалась, осыпав его осколками. Магнан завопил как резаный и бросился ничком на землю.

Спизм прыгнул в одну сторону, потом в другую и, оставив преследователей сзади, вновь побежал к воротам, на этот раз никем не охраняемым. Испустив боевой клич, от которого, казалось, задрожали стены дворца, Папа Ай-Душка-Шизик выхватил из ножен огромный двуручный меч и кинулся наперерез спизму. Когда первосвященник пробегал мимо Ретифа, тот чуть повернулся и выставил ногу, зацепив Его Надменность за усыпанный драгоценными камнями кожаный башмак. Папа с размаху шмякнулся о землю, пробороздил ее орденами и въехал под стол.

— О, как я рад вас видеть, — послышался голос Магнана. — Одну минутку, Ваша Надменность, сейчас я подползу к вам поближе...

Папа взревел и поднялся на ноги вместе со столом; тарелки, бокалы, остатки пищи посыпались на Магнана, едва успевшего закрыть голову руками. Папа вновь взревел, отшвырнул стол, отпихнул Петляката, который, пританцовывая на месте, пытался отереть бумажной салфеткой грязь с папских орденов.

— Бредадельздво! — завопил первосвященник. — Вероломные убийцы! Агенды бреизбодней! Нарушидели загонов! Ередиги!

— Ну-ну, Ваша Надменность! Не надо так волноваться...

— Волновадьзя! Ды вздумал зо мной шудги шудидь? — Папа поднял меч, замахал им над головой. Стражники мгновенно окружили дипломатов со всех сторон. — Наздоящим я одлучаю взех ваз од церги! — взвыл Папа. — Лишаю ваз воды, пищи и звоего богровидельздва! Громе дого, вы будеде бублично газнены! Здража, аресдовадь их!

Дула пистолетов угрожающе нацелились на дипломатов, окруживших посла. Магнан всхлипнул. Двойной подбородок Петляката заколыхался.

— Не убуздиде вод эдого! — Ай-Душка-Шизик ткнул в сторону Ретифа пальцем. — Я зводгнулзя о его ногу! — Стражник приставил пистолет к спине Ретифа.

— Ах, Ваша Надменность, вы забыли, что Ретиф получил отпущение грехов на неделю вперед, — жизнерадостно заявил Петлякат. — Ретиф, голубчик, сбегайте быстренько в мой кабинет и пошлите шифровку: два-ноль-три... или три-ноль-два?.. или... одним словом — пэ, о, эм, о, ща, мягкий знак...

— Он дагой же негодяй, гаг взе вы и будед нагазан вмезде з вами! — выкрикнул Папа, глядя, как стражники выводят с террасы оставшихся там сотрудников дипломатической миссии. — Вы взех аресдовали?

— Да, Ваша Надменноздь, — ответил капитан стражи. — Громе злуг.

— Звариде их в мазле за зоучаздие в брездублении! Чдо же казаедся оздальных...

— Ваша Надменность, — сказал Петлякат. — Я, конечно, не прочь умереть, если это доставит удо-

вольствие Вашей Надменности, но тогда мы не сможем ни сделать вам подарков, ни предоставить субсидий... верно?

— Черд бобери! — Ай-Душка-Шизик опустил меч, чуть не перерубив ногу Магнану. — Зовзем забыл о бодаргах! — Лицо его приняло задумчивое выражение. — Бозлушай, чдо згажешь, езли я дам дебе возможноздь выбизадь в гамере чег на мое имя, брежде чем дебя газняд?

— Боюсь, это невозможно. Мне потребуется посольская печать, чековый автомат, шифровальные книги, скрепки, пресс-папье...

— Ладно... бридедзя зделадь изглючение... я оздавлю дебе жизнь, бога не обладяд чег.

— Простите, Ваша Надменность, но я не могу допустить, чтобы из-за меня вы нарушили древние традиции. Раз уж мы все отлучены от церкви, начнем потихонечку голодать...

— Брегради болдадь! Не змей меня доробидь! Гдо гого одлучаед, ды меня или я дебя?

— О, конечно вы, Ваша...

— Бравильно! А я беру звое одлучение обрадно! — Папа свирепо посмотрел по сторонам. — Деберь боговорим о бодарге. Можешь доздавидь два миллиона брямо зейчаз; зовершéнно злучайно я бриехал зюда на бронированном авдомобиле.

— ДВА миллиона?! Но рéчь шла только об одном.

— Зегодня надо бладидь вдвойне.

— Вы говорили, вдвойне платят по средам. А сегодня вторник.

— Бо Бабзгому бовелению зегодня — Среда.

— Но вы не можете... то есть, как же это возможно...

— Реформа галендаря. Давно зобирался ее бровезти.

— Ну, тогда...

— Брегразно! Наздоящим даю дебе одзрочгу. Оздальных эдо не казаедзя. Уведиде брездубнигов.

— Ах, Ваша Надменность, — произнес Петлякат куда с большей уверенностью, чем раньше, — я, конечно, благодарен вам за помилование, но, боюсь, мне не справиться с составлением необходимых документов без помощи моих сотрудников...

Ай-Душка-Шизик уставился на посла, сверкая влажными красными глазами.

— Хорошо! Забирай их! Я даю одзрочгу взем, громе вод эдого! — Папа ткнул пальцем в Ретифа. — З ним я зам разберузь. — Стражники придвинулись к Ретифу, направили на него дула пистолетов.

— Может быть, Его Надменность проявит снисходительность, — сказал Магнан, стряхивая с руки остатки паштета из печенки, — и на первый раз простит нашего коллегу, если он пообещает, что никогда больше этого не сделает.

— Чего не зделаед? — подозрительно спросил Папа.

— Не подставит вам ножку. Вы ведь помните, как упали?

— Он бодздавил мне ножгу? — Ай-Душка-Шизик поперхнулся, лицо его посинело. — Збециально?

— О... э-э... наверное, произошла какая-то ошибка... — промямлил Петлякат.

— У вас, Ваша Надменность, необычайно развито чувство юмора, и я уверен, вы сами над собой посмеетесь, когда поймете, как смешно выглядели, — заявил Магнан.

— Ретиф! Неужели вы... я хочу сказать, вы, конечно, не... — заикаясь, пробормотал Петлякат.

— Как бы не так! — возмущенно воскликнул Магнан. — Я лежал под столом и прекрасно все видел!

— Обызгадь его! — взревел Папа. Стражники кинулись к Ретифу, вывернули карманы его саронга,

подобрали упавший на землю вчетверо сложенный листок.

— Аг-га! _ вскричал Папа, развернул записку, пробежал ее глазами. — Гонзбирация! — завопил он. — У меня бод нозом! Заговадь его в гандалы!

— Протестую! — Петлякат вытянулся во весь рост. — Нельзя заковывать дипломатов в кандалы каждый раз, когда они допускают в своей работе некоторые оплошности. Разрешите, я сам с ним разберусь, Ваша Надменность. Обещаю, что виновный получит строгий выговор с занесением в личное дело...

— Боги должны болучидь до, чдо им бричидаедзя бо браву! — громовым голосом сказал Папа. — Завдра — велигий браздниг Зреды...

— Завтра четверг, — поправил Папу Магнан.

— Завдра зреда! Зегодня зреда! Наздоящим бовеле́ваю, чдо взю неделю будед зреда, черд ее бобери! И гаг я уже объявил, эдод дерри зданед учазднигом церемонии. Дагова Бабзгая воля! И хвадид зо мной зборидь!

— О, так он станет участником церемонии? — Петлякат облегченно вздохнул. — Это другое дело. Думаю, денек-другой мы спокойно можем без него обойтись. — Посол усмехнулся тонкой дипломатической усмешкой. — Корпус всегда поддерживал религиозные учения, в какой бы форме они ни выражались...

— Издинные Боги — эдо хугзгие Боги, глянусь Богами! — на весь сад заорал Папа. — Езли я еще раз узлышу из двоих узд ерезь, я бредам дебя анафеме! Бригазываю увезти эдого дерри в храм и бодгодовидь его г ридуа́лам зреды! Оздальных зодержадь дод арездом, бога боги не объявяд звою волю!

— Господин посол, — сказал Магнан дрожащим

голосом и дернул Петляката за рукав ночной рубашки. — Неужели вы допустите, чтобы Ретифа...

— Его Надменность хочет спасти лицо, — конфиденциальным тоном сообщил посол и подмигнул Ретифу. — Не беспокойтесь, мой мальчик. Можно считать, вам повезло: увидите отправление хугских религиозных обрядов, так сказать, изнутри, наберетесь опыта...

— Но... но... — неуверенно произнес Магнан, — если его сварят в масле, зачем ему опыт?

— Немедленно замолчите, Магнан! Я не потерплю слюнтяев в нашей организации!

— Спасибо, что подумали обо мне, мистер Магнан, — сказал Ретиф. — У меня все еще есть мой амулет на счастье.

— Голдовздво? — рявкнул Папа. — Даг я и думал! — Он слегка повернул голову, уставился на Петляката одним глазом. — Увидимзя на церемонии. — Он перевел взгляд на Ретифа. — Зам бойдешь или огажешь зобродивление?

— Ввиду количества пистолетов, на меня наставленных, — ответил Ретиф, — я, пожалуй, не стану оказывать сопротивления.

В маленькой камере было темно и сыро. Руки у Ретифа затекли от наручников; он сидел на деревянной скамье перед небольшим столом, на котором стояла бутылка дурно пахнущего вина. Из-за стены доносились легкие ритмичные постукивания. Ретиф сидел в камере уже больше двенадцати часов, и, по его подсчетам, религиозный обряд, в котором он должен был принять непосредственное участие, мог состояться с минуты на минуту.

Постукивания участились, стали слышнее. Раздался неприятный царапающий звук, словно кто-то провел ногтем по стеклу; затем наступила тишина.

— Ретиф, ты здесь? — спросил из темноты тоненький голос.

— Привет, Франтспурт! Заходи в гости! Я рад, что тебе удалось удрать от жандармов.

— От этих недотеп? Ха! А в общем-то, Ретиф, у меня плохие новости...

— Выкладывай, что случилось, Франтспурт. Я — весь внимание.

— Сегодня — праздник, и старый Шизик решил одним махом покончить со всеми своими неприятностями. Хуги уже много месяцев строят Выкуриватель, стаскивают к нему все подряд, начиная от тряпья и кончая старыми автомобильными шинами. Когда праздник будет в самом разгаре, священники собираются поджечь этот хлам и включить помпы. По системе труб дым пойдет в наши жилища. Понимаешь, что это значит? На несколько миль вокруг спизмам негде будет укрыться. Ребятам придется покинуть веками обжитые дома и спасаться на поверхности, где их будут поджидать папские стражники. Спизмам придет конец!

— Душераздирающая история, Франтспурт, и я с удовольствием тебе посочувствовал бы, если бы в данный момент не находился в безвыходном положении...

— Да, конечно, ритуальная церемония. Тебя собираются... — Франтспурт умолк, прислушался. За дверью послышалось звяканье металла о металл.

— Боже великий, Ретиф! За тобой пришли, а я так и не успел сказать тебе самого главного: слишком много времени ушло на прокладку тоннеля, а затем я сдуру начал болтать не о том... — В замочной скважине скрипнул ключ. — Послушай, ты пил вино из этой бутылки?

— Нет.

— Замечательно! В него подмешан сильный нар-

котик. Когда я уйду, вылей вино и сделай вид, что ничего не соображаешь. Веди себя послушно, выполняй все их распоряжения. Если только они заподозрят тебя в обмане, всем терри на Хуге перережут горло! Крепко запомни: ни в коем случае не поднимай головы, не вытягивай рук и сомкни ноги, когда... — Ключ в замке повернулся с громким щелчком. — Убегаю! Счастливо оставаться! — В углу зашуршало, наступила тишина.

Ретиф схватил со стола бутылку, опрокинул ее над дырой, где только что исчез Франтспурт.

Тяжелая дверь распахнулась настежь, и в камеру неторопливо вошли священник в черной рясе и три стражника с копьями наперевес. Ретиф стоял с пустой бутылкой в руке, загораживая собой дыру.

— Гаг ды зебя чувздвуешь, дерри? — Священник оглядел Ретифа с головы до ног, подошел к нему вплотную, поднял веко, удовлетворенно хмыкнул. Забрав из безжизненной руки пленника пустую бутылку, он поставил ее на стол и громко сказал: — Дебленьгий.

— Ды уверен? — придирчиво спросил один из стражников. — Од эдих иноздранцев можно ждадь чего угодно.

— Гонечно уверен! Гиберазцидиумные реагции зуброзадылочных гагдамихгланд типичны. Глаззический злучай. Уведиде его.

Подталкиваемый наконечниками копий, Ретиф прошел по освещенному факелами коридору, поднялся по спиральной лестнице и неожиданно очутился на залитой солнечным светом площадке. В шуме голосов, доносившихся со всех сторон, отчетливо слышался один-единственный голос.

— ...уверяю дебя, бозол Быдлозад, наше озновное божездво, Иг-Руги-Ноги, не дольго брегразный архи-

дегдурный бамяднига, поздоянно набоминающий баздве о вдором бришездвии, но и орагул, регулярно вещающий по зредам в чаз боболудни. Гонечно, мы не взегда бонимаем, о чем он говорид, но взе злушаюд его з бочдидельным возхищением...

Глаза Ретифа привыкли к яркому свету, он увидел огромный трон из черного дерева с резными змеями, на котором величественно восседал Папа в алой мантии. Справа от него стоял Петлякат, слева — сотрудники дипломатической миссии, окруженные солдатами с ятаганами.

Свящeнник, сопровождавший Ретифа, подошел к трону, елейно поклонился.

— Ваша Надменноздь, Дод-Гдо-Избран находидзя здезь. — Он махнул рукой в сторону Ретифа.

— Он... ах?.. — Ай-Душка-Шизик вопросительно поднял бровь.

— Глаззичезгий злучай гиберзадылочных фигвамболибов, — сообщил один из стражников.

— Звариде эдого болдуна в мазле, — нахмурившись, сказал Папа. — Он злишгом много знаед.

— У вас усталый вид, Ретиф, — заметил Петлякат. — Надеюсь, вы хорошо спали? Вас удобно устроили?

Ретиф смотрел на левое ухо посла отсутствующим взглядом.

— Ретиф! Господин посол задал вам вопрос! — резко сказал Магнан.

— Наверное, он богрузился в медидацию, — торопливо произнес Ай-Душка-Шизик. — Начнем церемонию...

— А вдруг он болен? — не унимался Магнан. — Может, ему лучше присесть...

— Ах! — воскликнул Папа, вытягивая вперед руку. — Нам еще бредздоид одбраздновадь начало церемонии!

— Да, конечно. — Петлякат уселся на маленькую скамеечку рядом с троном. — Отсюда открывается великолепный вид, Ваша Надменность...

Почувствовав, что стражник подтолкнул его в спину, Ретиф повернулся и увидел прямо перед собой улыбающегося во весь рот хугского идола.

Гигантская рука с растопыренными пальцами, огромное бронзовое лицо со стилизованными хугскими чертами находились всего в пятидесяти футах от площадки, расположенной на вершине холма, где стоял Ретиф. Казалось, идол обладал злой волей — впечатление это создавал огонь, мерцавший в глубоких глазных впадинах. Тонкие струйки дыма текли из круглых ноздрей — каждая диаметром в дюйм — по покрытым копотью щекам и растворялись в прозрачном воздухе. Рот от уха до уха, казалось, раскалывал лицо пополам; зубы, похожие на лопаты, далеко отстояли один от другого, а в промежутках была видна полированная металлическая глотка, тускло освещенная горящим внизу огнем.

Два монаха подошли к Ретифу, принялись украшать его саронг ритуальными лентами. Третий монах стоял сзади и что-то гнусавил на хугском языке. Вдалеке барабаны медленно били дробь. Толпа, заполнившая склоны холма и равнину внизу, шумела.

Ретиф стоял неподвижно, глядя на глубокий желоб в два фута шириной, выдолбленный в камне у его ног и обрывающийся ярдов через десять, почти у самого рта Бронзового Бога. Служка усердно лил в желоб масло, размазывая его по стенкам руками.

— Скажите, а в чем заключается ритуал? —

спросил Петлякат, вспомнив о своих дипломатических обязанностях.

— Бодождешь — увидишь, — коротко ответил Ай-Душка-Шизик.

— Господин посол! — Магнан откашлялся. — Взгляните, он в наручниках.

— Значит, таков обычай, — резко сказал Петлякат.

— И эта канава, — продолжал Магнан. — Она начинается рядом с Ретифом, а обрывается прямо у пасти этого жуткого руконога...

— Мистер Магнан, вы — прекрасный экскурсовод, но я тоже не слепой. Между прочим, — Петлякат понизил голос, — вы случайно не захватили с собой фляжку?

— Что? Нет, господин посол. Могу предложить вам антигриппозный аэрозоль, если хотите. И все-таки эта канава...

— Жарко, не правда ли, Ваша Надменность? — Петлякат повернулся к Папе. — Нечем дышать...

— Дебе не нравидзя наша богода? — угрожающе спросил Папа.

— Нет, нет, очень нравится. Я с детства обожаю жару.

— Ваша Надменность, — обратился к первосвященнику Магнан, — вы не могли бы сказать, что будет с Ретифом?

— Его ждед большая чездь.

— Все мы гордимся, что одному из нас выпало счастье познать хугскую философию, приняв непосредственное участие в отправлении религиозного обряда, — назидательным тоном заявил Петлякат и свистящим шепотом добавил: — Сядьте на место, Магнан, и прекратите болтать!

Папа вновь заговорил по-хугски; монахи схватили Ретифа, сняли с него наручники, ловко уложили в

желоб лицом вниз. Барабанная дробь усилилась. Ретифа подтолкнули, он почувствовал, что начал скользить вниз.

— Господин посол! — взвизгнул Магнан. — Мне кажется, они хотят скормить его этому чудовищу!

— Какая чушь! — презрительно сказал Петлякат. — Наверняка все, что происходит, символично. И должен вам заметить, мистер Магнан, ваше поведение недостойно опытного дипломата.

— Стойте! — голос Магнана сорвался. Ретиф, скользивший все быстрее и быстрее, услышал топот ног, тяжелый всплеск. Костлявые пальцы обхватили его за голени; повернув голову, он увидел белое, перекошенное от страха лицо Магнана. Желоб закончился, и два человека, описав в воздухе короткую изящную дугу, упали в челюсти Бронзового Бога.

— Не вытягивай рук и сомкни ноги, — сказал Франтспурт. Ретиф пролетел между огромными зубами, задохнулся на секунду горячим воздухом, затем неожиданно со всего размаху ударился о сетку из тоненьких упругих нитей, которая сначала подалась, а затем отшвырнула его назад. Он упал на сетку еще раз, схватился за веревочную лестницу, висевшую справа от него, и только сейчас почувствовал тяжесть тела Магнана, вцепившегося ему в ноги мертвой хваткой.

— В яблочко! — взвизгнул чей-то тоненький голос над его ухом. — А теперь сматываемся отсюда, пока хуги не разобрались, что к чему!

Ретиф поставил ногу на ступеньку веревочной лестницы, наклонился, поднял Магнана за шиворот, поставил рядом с собой. Жара была удушающей, хоть они и находились в самом начале глотки Бронзового Бога.

— Что... что... что... про... про... про... — заикаясь, пробормотал Магнан, пытаясь ухватиться за веревку.

— Скорее, Ретиф! — нетерпеливо сказал Франтспурт. — Из ноздрей ведет потайной ход!

Ретиф помог Магнану вскарабкаться по лестнице. Они вошли в тоннель, проложенный в металле, и, следуя за спизмом, начали спускаться по шероховатым ступенькам. Снизу до них доносились недоуменные голоса хугских стражников.

— Полный порядок, — сказал Франтспурт. — Передохните немного, а потом я познакомлю вас с ребятами.

Они зашли в пещеру с самодельным каменным полом, освещенную лампами, в которых тускло горели ароматичные масла. Сотни глаз, расположенных на концах тонких трубочек, уставились на пришельцев. Красным спизмам из клана Франтспурта не сиделось на месте — они перемещались подобно крабам на средиземноморском побережье. В углах пещеры стояли бледно-голубые спизмы на длинных ногах; в нишах и на полках сидели крохотные зеленые спизмы, а рядом с ними — оранжевые с белыми пятнами. Темно-вишневые спизмы свисали с потолка, как сталактиты, махая в воздухе тремя ногами.

Магнан изо всех сил вцепился Ретифу в руку.

— Г-господи п-помилуй, Ретиф! — задыхаясь, пробормотал он. — Может, мы умерли, и моя тетушка Минерва оказалась права...

— Знакомься, Ретиф! — весело воскликнул Франтспурт, вспрыгивая на каменный пьедестал в центре пещеры. — Это — наши ребята. Мы с ними не один пуд соли вместе съели, и хоть сейчас они очень стесняются, ни один не отказался помочь, когда стало известно, что ты попал в беду.

— Поблагодари их от моего имени и от имени мистера Магнана. Ощущения были незабываемыми, правда, мистер Магнан?

— По крайней мере я никогда их не забуду. — Магнан шумно сглотнул. — Но послушайте, Ретиф, как вам удается разговаривать с нечистой силой? Вы... надеюсь, вы... не заключили договор с дьяволом?

— Эй, Ретиф! — громко сказал Франтспурт. — Твой друг, кажется, напичкан расовыми предрассудками?

— Конечно нет! — возмущенно воскликнул Магнан. — Лучшие мои друзья, независимо от цвета шерсти, отъявленные негодяи... э-э... я хочу сказать, в нашей профессии приходится встречаться...

— Мистер Магнан немного не в своей тарелке, — объяснил Ретиф. — Он никак не думал, что ему придется играть активную роль в событиях сегодняшнего дня.

— Кстати, о сегодняшнем дне, — сказал Франтспурт. — Надо как можно скорее вывести вас на поверхность. Помпы начнут работать с минуты на минуту.

— Куда вы собираетесь уйти, когда вас начнут выкуривать?

— Мы проложили маршрут по канализационным трубам, которые выходят на большое поле в нескольких милях от города. Остается надеяться, что там нас не будут поджидать вооруженные стражники.

— А где находятся помпы? — спросил Ретиф.

— Наверху, в животе Ик-Руки-Ноги.

— Кто ими управляет?

— Несколько священников. Почему ты спрашиваешь?

— Как можно туда попасть?

— В живот ведут несколько потайных ходов. Но

сейчас нельзя терять времени на осмотр достопримечательностей...

— Ретиф, вы что, с ума сошли?! — вскричал Магнан. — Если священники нас увидят, нам крышка! На той самой кастрюле, где нас сварят в масле!

— Мы попытаемся увидеть их первыми. Франтспурт, ты сможешь найти дюжину-другую добровольцев?

— Для того, чтобы залезть в бронзового бога? Не знаю, Ретиф. Ребята очень суеверны...

— Мне необходимо, чтобы они совершили отвлекающий маневр, пока мистер Магнан с моей помощью не начнет переговоры...

— Кто, я? — пискнул Магнан.

— Переговоры? — Франтспурт презрительно фыркнул. — Великие небеса, Ретиф, разве с хугами можно о чем-нибудь договориться?

— Кха, гм... — Магнан откашлялся, прочищая горло. — Вы плохо представляете себе, мистер Франтспурт, на что способен истинный дипломат.

— Ну что ж... — Франтспурт повернулся к своей аудитории, что-то прожужжал, потом соскочил с пьедестала. Его тут же окружили спизмы самых разнообразных размеров и расцветок. — Мы готовы, Ретиф! Вперед!

Изнутри живот Ик-Руки-Ноги был похож на гигантскую пещеру. В дальнем ее конце хугские рабочие бросали в топку огромной печи старые башмаки, связки журналов, ломаные изделия из пластика. В пещере царил полумрак, лишь отблески света играли на металлических стенах. От чадного воздуха слезились глаза.

Франтспурт, стоявший рядом с Магнаном и Ретифом, глубоко вздохнул.

— Страшно подумать, что будет, когда они начнут качать дым в наши жилища...

— Где священники? — шепотом спросил Ретиф.

Спизм протянул руку-проволоку к башенке, находившейся наверху узкой лестницы, огороженной перилами.

— У них там командный пункт.

Ретиф посмотрел по сторонам.

— Послушай, Франтспурт. Расставь своих ребят по местам и жди. Дай мне пять минут. Потом показывайтесь рабочим по очереди и стройте им рожи пострашнее.

Франтспурт повернулся, что-то прожужжал, и спизмы исчезли в темноте.

— Может, подождете меня здесь? — предложил Ретиф Магнану.

— Куда это вы собрались?

— Хочу навестить духовных лиц и провести с ними душеспасительную беседу.

— А я останусь один? С этими упырями-спазмами? Ни за что!

— Хорошо, пойдемте со мной. Только не шумите, а то в животе бога ко всем прочим запахам прибавится запах горелых дипломатов.

Поднявшись по узкой лестнице, Ретиф сделал несколько шагов от двери, ведущей в башенку, осторожно заглянул в пыльное окно. Скучающий хугский священник со свитком в руках сидел, развалившись, в кресле; монах в черной рясе стоял рядом с ним в почтительной позе. Внезапно по бронзовому животу Ик-Руки-Ноги прокатился скорбный протяжный стон.

— Что такое? — Магнан подпрыгнул, чуть не упал, уцепился за Ретифа.

— Наши союзники пошли в наступление, — тихо сказал Ретиф.

Хуги, нервно оглядываясь по сторонам, перестали топить печь. Раздался еще один протяжный стон. Один из рабочих бросил лопату, что-то забормотал себе под нос. Священник подошел к окну, посмотрел вниз, сделал знак монаху, который тут же выскочил на лестницу, перегнулся через перила и заговорил на хугском языке. Ему ответил хор голосов. Двое рабочих пошли к выходу. Монах закричал им вслед; по всему помещению прокатилось громкое эхо. Затем наступила мертвая тишина, которую нарушил хриплый вопль, перешедший в нечто напоминающее предсмертные рыдания. Монах подскочил на месте, резко повернулся, кинулся к дверям в башенку. Нога его соскользнула со ступеньки, он упал между стойками перил, едва успев ухватиться за одну из них, и в этот момент увидел перед собой изумленное лицо Магнана.

У монаха отвалилась нижняя челюсть. Он набрал полную грудь воздуха, собираясь заорать...

Магнан сорвал с себя лилово-розовый кушак, скомкал его, сунул хугу в рот. Издав звук, напоминающий хрюканье свиньи, монах отпустил стойку перил, полетел вниз и с гулким стуком ударился о кучу сваленных под лестницей автомобильных шин. Рабочие с громкими воплями побежали к выходу. Ретиф быстро сделал два шага, вошел в открытую дверь башенки. Священник, стоявший у окна, резко повернулся, вскрикнул, кинулся к микрофону, стоявшему на столике в углу. Ретиф вытащил из саронга пистолет, направил дуло на священника.

— Если вы сделаете сообщение сейчас, оно будет неполным, — сказал он.

— Гдо ды? — Хуг протянул руку к ящику стола.

— У вас там лежит Библия? — поинтересовался Ретиф. — Я предлагаю сначала поговорить на светские темы.

— Бозлушай, ды, наверное, не знаешь, з гем разговариваешь. Я — Его Неназыдноздь Архиебизгоб Уй-Шудги-Жудги, и у меня огромные звязи...

— Верю. И не пытайтесь убежать: за дверью стоит мой сообщник, а он страшен в гневе.

На пороге появился задыхающийся Магнан. Уй-Шутки-Жутки попятился.

— Чдо... чдо ды хочешь?

— Насколько я понимаю, — сказал Ретиф, — в разгар праздника среды бог должен обратиться к народу с пророческими заявлениями.

— Зовершенно верно. Я гаг раз зобиралзя брозмодредь дегзд, гогда ды го мне ворвалзя. Даг чдо извини...

— Именно о тексте мне и хотелось с вами поговорить. Необходимо внести в него некоторые изменения.

— Чдо дагое? Махинации зо звядым бизанием?

— Ни в коем случае; просто надо будет вставить в него несколько добрых слов о наших друзьях и, возможно, короткое рекламное объявление о ДКЗ...

— Богохульздво! Ерезь! Ревизионизм! Я нигогда не зовершу дагого звядодадздва!

Ретиф щелкнул предохранителем.

— З другой здороны, — торопливо сказал архиепископ, — возможно, в чем-до я змогу бойди дебе навздречу. Згольго ды бладишь?

— Я не могу взять грех на душу и предложить взятку святому отцу. Вы сделаете это ради всеобщего благополучия.

— Чдо именно?

— Начнем с кампании, которую вы проводите против спизмов...

— Ах, да! Мы брегразно борабодали! Благодаря узилиям незравненного Ай-Душги-Шизига, взе зпизмы до единого будуд уничдожены! Добродедель воздоржездвует!

— Боюсь, Дипломатический Корпус Земли неодобрительно отнесется к геноциду. Я думаю, нам удастся договориться о том, что хуги и спизмы поделят сферы влияния...

— Договор з зилами дьмы? Ды зошел з ума!

— Не надо так волноваться, Ваша Ненасытность, — миролюбиво произнес Магнан. — Я уверен, что согласившись сотрудничать с ними, вы поднимете свой авторитет, завоюете прекрасную репутацию...

— Ды бредлагаешь, чдобы церговь бошла на гомбромиз з греховоднигами?

— Не совсем так, — все тем же тоном сказал Магнан. — Можно составить план мирного сосуществования...

— Я, Архиебизгоб Хуга, нигогда не зоглашузь зодрудничадь з Одродьями Заданы!

— Ну-ну, Ваша Ненасытность. Если б вы сидели с ними за одним столом, вы бы сами убедились, что эти отродья — славные ребята...

За дверью послышались какие-то звуки, и на пороге появился Франтспурт: красный мохнатый шар, поводящий во все стороны глазами на тонких трубочках. Из-за его плеча выглядывал голубой спизм на длинных ногах.

— Неплохо сработано, Ретиф, — сказал Франтспурт. — Я вижу, ты заловил еще одного хуга. Сбрось его с лестницы вслед за первым, и пойдем отсюда. Теперь мы успеем удрать до того, как они пустят дым.

— Скажи, Франтспурт, твои ребята не смогли бы развернуть трубы, идущие от помп? Надо забло-

кировать тоннели и пустить дым в другом направлении.

— Ха! Это мысль! И я знаю, в каком направлении! — Он повернулся, что-то прожужжал голубому спизму, который тут же бросился вниз по лестнице со всех ног.

Архиепископ забился в угол: бормоча какие-то молитвы, он непрерывно крестился дрожащими руками. В башенку, с любопытством глядя на прелата, заходили спизмы: голубые, зеленые, оранжевые.

— На бомощь! — срывающимся хриплым голосом крикнул священник. — На меня набала нечиздая зила!

Магнан придвинул кресло к столу.

— Присаживайтесь, Ваша Ненасытность, — успокаивающе сказал он. — Давайте попробуем выработать modus vivendi, удовлетворяющий обе враждующие стороны.

— Договоридьзя з Изчадиями Ада? Эдо означаед гонец Цергви!

— Напротив, Ваша Ненасытность. Если вам когда-нибудь удастся уничтожить оппозицию, вы останетесь без работы. Надо сделать так, чтобы защитить интересы каждой из сторон.

— В чем-до вы бравы, — неохотно согласился Уй-Шутки-Жутки. — Но гнузная деядельноздь эдих демонов должна здрого гондролировадьзя, и, гонечно, Бабой.

— Послушай, мои ребята тоже хотят жить, — запротестовал Франтспурт.

— Можеде бродавадь любовные зелья и бродивозачадочные зредздва, — сказал архиепископ. — Церговь годова бозмодредь зквозь бальцы на дорговлю женщинами и наргодигами. Но знабжадь брдугдами бидания незовершеннолединх здрого забрещаедся. Это однозидзя и г збирдным набид-

кам, за изглючением хорошо выдержанных вин, поздавляемых звященнигам изглючидельно в медицинзких целях.

— Ладно, мы согласны, — сказал Франтспурт. — Но вам, священникам, с этой минуты придется прекратить свою пропаганду. Я совсем не хочу, чтобы спизмов изображали исчадиями ада.

— О, я думаю, вам нетрудно будет написать картины, где у спизмов будут крылышки и ореолы вокруг голов, — предложил Магнан. — В конце концов, Ваша Ненасытность, вы должны возместить спизмам моральные убытки, которые они потерпели по вашей вине.

— Черди з грыльями? — простонал Уй-Шутки-Жутки. — Бридедзя менядь взю зимволигу... но эдо реально.

— И мы должны получить гарантии, что земля с двух футов от поверхности и ниже принадлежит нам. Можете забирать себе поверхность и атмосферу впридачу, если, конечно, вы разрешите нам иногда совершать прогулки и дышать свежим воздухом.

— Вболне разумно, — согласился архиепископ. — Замо-зобой, наш договор вздубид в зилу дольго бозле одобрения его Бабой.

— Кстати, кто займет место Папы, если с Ай-Душка-Шизиком что-нибудь случится? — небрежно спросил Франтспурт.

— Эдо буду я, — ответил Уй-Шутки-Жутки. — Бочему ды збрашиваешь?

— Просто так, — сказал Франтспурт.

Снизу послышались тяжелые удары. Магнан подскочил на месте.

— Что это?

— Бомбы, — пояснил архиепископ. — Жаль, чдо богибнед много зпизмов, но дагова воля Иг-Ру-ги-Ноги.

— Мне кажется, старый руконог в последнюю минуту передумал уничтожать спизмов, — насмешливо сказал Франтспурт. — Мы подсоединили трубы к городской канализации, так что сейчас во всех квартирах из унитазов идет дым.

— Бредадельздво! — завопил архиепископ, вскакивая с кресла и махая в воздухе руками. — Я борываю наш договор...

— Нельзя нарушать обещания, Ваша Ненасытность, — укоризненно произнес Магнан. — К тому же мистер Ретиф вооружен...

— Идите к микрофону, Ваша Ненасытность, — сказал Ретиф. — Я считаю, пришла пора незамедлительно объявить о наступлении новой эры. И не надо говорить о нашем участии в этом деле, пусть вся честь достанется вам одному.

— Как жаль, что Ай-Душка-Шизик упал с платформы, когда изо рта Ик-Руки-Ноги пошел дым, — сказал посланник Петлякат, подцепив на вилку очередной кусок шашлыка. — Хотя, признаться, это была достойная смерть для столь высокого государственного деятеля. Как трагично скользнул он по желобу и исчез в дыму!

— Да, взе необходимые догументы для ганонизации уже бодгодовлены. — Его новая Надменность, Папа Уй-Шутки-Жутки, явно нервничая, посмотрел на сидящего рядом с ним спизма. — Он будед ангелом-храниделем обращенных в издинную веру дьяволов, демонов и брочей нечиздой зилы.

— Вы пропустили самое интересное, Магнан, — сказал Петлякат, пережевывая пищу. — И вы тоже, Ретиф. Вам следовало бы послушать, как деликатно я внушил Папе религиозную идею о возможности мирного сосуществования двух различных рас на одной планете. Так что, пока вы отсутствовали, хуг-

ская философия претерпела радикальные изменения, и произошло это, смею надеяться, только благодаря моим скромным усилиям.

— Ха! — буркнул Папа себе под нос.

— Честно говоря, — продолжал Петлякат, — я даже не ожидал, что оракул выскажется с такой определенностью, не говоря уже о проявленной им щедрости...

— Щедрозди? — встрепенулся Уй-Шутки-Жутки, и по выражению его лица было понятно, что он лихорадочно перебирает в уме все условия договора.

— Ну, конечно! Вы ведь отдали все права на добычу полезных ископаемых тем, кого раньше угнетали, — широкий жест доброй воли с вашей стороны.

— Болезных изгобаемых? Гагих болезных изгобаемых?

Франтспурт в шикарной новой мантии Главного Представителя Спизменных дел при Папском Дворе небрежно сказал:

— Он имеет в виду залежи золота, серебра, платины, радия и урана, а также алмазные, изумрудные и рубиновые копи, находящиеся в недрах земли. Наша планета — настоящая сокровищница. Мы будем доставлять металлы и минералы на поверхность, прямо к грузовым звездолетам, так что помощь хугов нам не понадобится.

Папа побагровел.

— Ды... ды знал об эдих изгобаемых? — прерывающимся голосом спросил он.

— Разве Его бывшая Надменность ничего вам не говорил? — вмешался Петлякат. — Ведь нас направили на Хуг с дипломатической миссией сразу после того, как космическая разведка донесла о бо-

гатейших залежах полезных ископаемых на этой планете...

— А мы изгодовили нашего главного Бога из бронзы, бричем имбордированной бронзы, — с горечью сказал Папа.

— Просто струсили при одной мысли о спизмах и не захотели вести раскопки, — театральным шепотом пояснил Франтспурт.

Небо на востоке потемнело. Полыхнула молния, прогремел гром. Крупная капля дождя упала в тарелку Петляката на шашлык.

— Ого! Пойдемте во дворец, — предложил Франтспурт. — Знаю я эти грозы, сейчас такое начнется...

Яркая вспышка осветила статую Ик-Руки-Ноги, выделяющуюся темным пятном на фоне иссиня-черного неба. Тарелки запрыгали по столу от громовых раскатов. Папа и его гости торопливо встали, и в это время третья молния, ослепительно вспыхнув прямо над их головами, ударила в плечо гигантского идола. Посыпались искры; могучая правая рука с растопыренными в салюте пальцами медленно согнулась в локте, описала дугу и остановилась, прижав большой палец к носу. Вновь посыпались искры, как при электрической сварке. Папа бросил на бога недоуменный взгляд, запрокинул голову и долгое время пытливо смотрел на небо.

— Между нами, мирянами, говоря, — хриплым шепотом спросил он, — гаг вы думаеде, эдод феномен имеед гагое-нибудь озобое значение?

— Будь я на месте Вашей Надменности, — с благоговейным ужасом сказал Франтспурт, — я бы поостерегся. И, кстати... э-э... от имени спизмов я намереваюсь сделать безвозмездный вклад в папскую казну.

— Гмм. Я зоглазен. А деберь боговорим о болезных

изгобаемых. Мне гажедзя, двадцадь броцендов з дохода — невызогий налог за...

Углубившись в беседу, они медленно пошли по длинному коридору. Петлякат в сопровождении Магнана отправился готовить доклад в Главное Управление Сектора. Ретиф вышел на террасу, закурил. Вдалеке торжественно возвышалась гигантская фигура Ик-Руки-Ноги, показывающая папскому дворцу нос.

Ретиф улыбнулся и, чтобы не остаться у бога в долгу, приставил к своему носу растопыренные пальцы.

ПРОТОКОЛ

...Хаос, царивший на политической сцене Галактики, предопределил появление ДКЗ*, величайшей всенародной организации, служащей целям предотвращения войны** и продолжающей древние дипломатические традиции. Являясь посредниками в спорных вопросах между звездными системами землян, представляя их интересы при контактах с инопланетными цивилизациями, дипломаты Корпуса, до тонкости изучившие бюрократическое крючкотворство, безупречно контролировали социально-политико-экономическое положение в Галактике. Примером может служить поистине виртуозное решение крайне щекотливого вопроса (сектор Сирен), с блеском найденное старшим дипломатом Корпуса посланником Спрэдли...

Выдержка из: «Официальная история Дипломатического Корпуса Земли, том 1, пленка 2, Соляриан Пресс, Нью-Нью-Йорк, 479 г. б.э. *(2940 г. от Рождества Христова).*

В грязно-сером зале ожидания космопорта царил полумрак. Советник, два первых секретаря и атташе посольства столпились вокруг высокого толстого посланника Спрэдли. Яркая форма сотрудников дипломатической миссии резко выделялась в сумрачной

---

* Дипломатический Корпус Земли.

** Ср. ориг.: «...в целях сохранения напряженной ситуации без доведения до конфликта» (См. «ДКЗ», дело N 178/б/491, пленка 12, колонка VII сверху, код 92).

комнате. Посланник нетерпеливо посмотрел на часы-кольцо.

— Бен, вы уверены, что о нашем прибытии было сообщено заранее?

Второй секретарь Магнан торопливо кивнул.

— Я специально связался по рации с мистером Т'Каи-Каи перед посадкой и особо указал...

— Надеюсь, вы не проявили излишней настойчивости? — сурово перебил его Спрэдли.

— Что вы, господин посол. Я только...

— Неужели здесь нет какой-нибудь комнаты отдыха? — Спрэдли обвел глазами зал ожиданий, очень похожий на пещеру. — Даже стульев не поставили!

— Если вы не откажетесь присесть на один из ящиков, я подстелю свой...

— Исключено. — Посол еще раз посмотрел на часы и откашлялся, прочищая горло. — Нам выдалось несколько свободных минут, которые я намерен посвятить юным членам миссии, объяснив им некоторые тонкости дипломатии. — Спрэдли сделал многозначительную паузу. — Во-первых, мы должны придерживаться девиза: «Все за одного, один за всех». Это создает впечатление гармонии. Мы, земляне, — добрая, миролюбивая раса. — Посол улыбнулся доброй, миролюбивой улыбкой. — Во-вторых, наше предложение более чем скромно: мы настаиваем на осуществлении разумного контроля над всеми видами деятельности элян. — Он опустил руки, стараясь выглядеть более чем скромно. — В-третьих, мы начнем переговоры с ультиматума, потребовав предоставить в наше распоряжение весь сектор Сирен, а потом согласимся на половину. Разумеется, лучшую. Это, господа, дипломатия с дальним прицелом. Не пройдет и десяти лет, как наше положение упрочится настолько, что мы сможем предъявить новые тре-

бования. — Посол посмотрел по сторонам. — Если нет вопросов...

Джейм Ретиф, вице-консул и третий секретарь дипкорпуса, а также младший сотрудник земного посольства на планете Эль, сделал шаг вперед.

— Раз уж мы, земляне, имеем преимущественное право на заключение договора, почему не выложить карты на стол? Возможно, если мы с самого начала будем откровенны, это поможет нам в будущем.

Посол Спрэдли посмотрел на молодого человека и заморгал глазами. Наступила мертвая тишина. Магнан неуверенно кашлянул.

— Вице-консул Ретиф имеет в виду...

— Я вполне способен интерпретировать высказывание мистера Ретифа, — рявкнул Спрэдли. На лице его появилось отеческое выражение. — Юноша, вы слишком неопытны и не успели разобраться во всех тонкостях игры, которая называется дипломатией. Надеюсь, вы неустанно будете следить за работой старших сотрудников миссии, вникая в существо сложных проблем, возникающих одна за другой. Вопрос, который нам предстоит решить, необычайно деликатен, и кроме того, смею вас уверить, грубые, прямые методы унижают истинного дипломата. Я с ужасом думаю о том, что рано или поздно они могут привести к полной дискредитации нашей профессии. — Спрэдли отвернулся и начал вполголоса беседовать с советником и двумя первыми секретарями.

Ретиф подошел к застекленной двери и заглянул в находящуюся за ней комнату. Несколько десятков высоких серокожих элян, развалясь, сидели на мягких диванах, потягивая сиреневые напитки из разноцветных стеклянных трубочек. Слуги в черных туниках бесшумно двигались по устланному коврами полу, разнося подносы. Ретиф обратил внимание на группу мужчин в ярких одеждах, остановившихся у

выхода. Один из них попытался оттолкнуть второго, который нехотя поднял вверх сжатую в кулак руку. Первый элянин сделал шаг назад, кивнул головой и положил обе руки на макушку. Улыбаясь и весело разговаривая, оба вышли на улицу.

Ретиф вернулся к землянам, столпившимся вокруг грубых деревянных ящиков, стоявших на голом бетонном полу, и почти сразу же к ним присоединился невысокого роста серокожий элянин.

— Я зззвать П'Туа. Иттти сссюда. — Он махнул рукой.

Земная делегация с послом Спрэдли во главе направилась к выходу. Когда дородный дипломат подошел к двери, переводчик-элянин неожиданно кинулся вперед, отпихнул Спрэдли плечом и замер в ожидании. Глаза посланника вспыхнули, но он сдержался, видимо, не желая портить впечатления гармонии. Изящным движением руки пропуская П'Туа вперед, Спрэдли скромно улыбнулся. Элянин что-то пробормотал на родном языке и вышел на улицу первым.

— Хотел бы я знать, что такое он сказал, — произнес Магнан, догоняя посла, — когда так невежливо, так бесцеремонно толкнул Ваше превосходительство?

С полдюжины элян стояли на тротуаре рядом с шикарным открытым автомобилем, непринужденно разговаривая, но увидев, что Спрэдли направляется в их сторону, замолчали и сомкнули ряды. Посол выпрямился, побагровел, открыл рот и тут же его захлопнул, поджав губы.

— Ну и ну, — скороговоркой пробормотал Магнан, семенивший за Спрэдли. — Можно подумать, эти грубияны не понимают, какое почтение должны оказывать главе дипломатической миссии.

— Понимание — признак разума! — рявкнул Спрэдли.

Эляне, столпившиеся вокруг земной делегации, нервно засуетились, что-то выкрикивая.

— Кажется, они составляют против нас открытый заговор! — воскликнул посол. — В конце концов, куда запропастился П'Туа?

— Жаль, что нам приходится полагаться на местного переводчика...

— Если б я знал, что нам окажут подобный прием, — ледяным тоном сказал Спрэдли, — то не преминул бы выучить эльский язык.

— О, господин посол, я вовсе не вас имел в виду! — испуганно вскричал Магнан. — Великие небеса, кто бы мог подумать...

Ретиф сделал шаг вперед.

— Господин посол, я...

— Не мешайте, юноша! — резко сказал Спрэдли и сделал знак советнику. Они отошли в сторону и стали о чем-то шептаться.

Голубое солнце сверкало на фоне темного неба. Ретиф наблюдал, как его дыхание белым облачком исчезает в морозном воздухе. К тротуару подкатил широкий фургон, и элянин, жестом указав на маленькую заднюю дверцу, отошел в сторону.

Ретиф с любопытством посмотрел на выкрашенный в грязно-серый цвет крытый грузовик, на борту которого эльскими буквами было написано нечто вроде «для муската», и в душе пожалел, что, изучая язык по пути на Эль, уделял мало внимания письменности. Возможно, ему еще представится случай сказать, что он готов быть переводчиком всей миссии.

Путешествие было не из приятных. Отсутствие амортизаторов заставляло грузовик подпрыгивать на каждой неровности дороги. На первом же повороте посол потерял равновесие, и Ретиф едва успел под-

хватить его за плечи. Спрэдли бросил на вице-консула мрачный взгляд и попытался горделиво выпрямиться, но в эту минуту фургон повернул еще раз...

Наклонившись к низкому пыльному окошку, Ретиф увидел широкую улицу, вдоль которой располагались невысокие здания. Фургон въехал в большие ворота, замедлил ход и остановился. Они вышли в грязный двор перед задней стеной неприглядного серого дома. Ярко-красный автобус подкатил сзади, и группа элян, оказавшая им столь недружелюбный прием в космопорту, вышла, весело разговаривая и смеясь. Сквозь большие стекла автобуса Ретиф разглядел красивые чехлы на креслах и бокалы, стоявшие на небольшом баре.

П'Туа махнул рукой, показывая на низенькую дверь в серой стене, и Магнан бросился вперед, открывая ее, чтобы пропустить посла вперед. Маленький элянин тоже кинулся к двери и, остановившись у входа, выжидательно посмотрел на Спрэдли. Глава миссии издал какой-то непонятный звук, но сдержался и, холодно улыбнувшись, сделал шаг в сторону. Эляне переглянулись, потом прошли в дом.

Ретиф, последним переступивший порог, заметил, как слуга в черной тунике снял крышку с квадратного бачка на улице и выбросил в него пластиковый поднос, заполненный объедками. На одной из сторон бачка было написано нечто вроде «для муската».

Примерно через час Ретиф вышел из отведенной ему маленькой каморки, спустился вниз по лестнице, остановился у дверей банкетного зала и закурил дорогую сигару. Прищурившись, он стал наблюдать, как слуги в черном сновали по коридору и сервировали столы, расставленные квадратом в огромной комнате со свободным пространством в центре.

Самый ближний к двери стол был застлан тяже-

лой вышитой парчовой скатертью, остальные, кроме одного, — белыми льняными, а последний резко выделялся среди общего великолепия голыми досками и алюминиевой посудой.

Услышав за своей спиной голоса землян, Ретиф повернулся и увидел Спрэдли в сопровождении двух дипломатов. Бросив на Ретифа неодобрительный взгляд, посол поправил крахмальный манжет рубашки и заглянул в зал.

— По всей видимости, нас опять заставят ждать, — возмущенно заявил он. — Меня с самого начала предупреждали, что эляне не идут ни на какие уступки, но я не предполагал...

— Господин посол, — сказал Ретиф. — Вы обратили внимание, что...

— Однако, — продолжал Спрэдли, гипнотизируя Ретифа взглядом, — опытный дипломат должен преодолевать трудности с гордо поднятой головой, не обращая внимания на мелкие неприятности. В результате... а, Магнан! — Он повернулся и заговорил вполголоса.

Откуда-то издалека донесся звук гонга. Через мгновение коридор заполнился шумной толпой элян, которые спешили к накрытым столам, не обращая на дипломатическую миссию ни малейшего внимания. П'Туа подошел к Спрэдли, поднял вверх руку и прошепелявил:

— Жжждать зззденссс...

Постепенно свободных мест за столами становилось все меньше. Два стражника в шлемах встали по обе стороны двери, оттеснив землян в сторону. В сопровождении личной охраны, звеня драгоценными украшениями на одежде, элянин-гигант с огромным зобом прошествовал в банкетный зал.

— Глава государства, — услышал Ретиф голос Магнана. — Его Великолепие Ф'Кау-Кау-Кау.

— Но я еще не успел вручить верительных грамот! — забеспокоился Спрэдли. — Мы вправе были рассчитывать на точное соблюдение протокола, хотя... — Он покачал головой.

— Сссейчассс вы лечччь на сссвой кишшшки и ползззти к ссстолу, — сказал П'Туа и указал пальцем в дальний конец комнаты.

— Кишки? — Спрэдли растерянно завертел головой.

— Мистер П'Туа имеет в виду животы, — невольно улыбаясь, пояснил Магнан. — Он говорит, что мы должны лечь и ползком добраться до наших мест, господин посол.

— Чему вы радуетесь, кретин! — взвыл Спрэдли.

Лицо Магнана вытянулось.

Спрэдли посмотрел на ордена и медали, украшавшие его грудь и свисавшие до пупа.

— Это... я...

— Оказззать почччтение богам, — сообщил переводчик.

— А-а, религия, — уныло протянул один из секретарей.

— Ну, если речь идет о вере... — Спрэдли окинул недоверчивым взглядом натертый до блеска паркетный пол.

— Всего несколько сот футов, — утешил Магнан.

Ретиф сделал шаг вперед.

— Его превосходительство, посол Земли, отказывается ползти, — произнес он отчетливым громким голосом.

— Послушайте, юноша! Сколько раз...

— Не ползззти? — На лице П'Туа застыло непонятное эльское выражение.

— Наша религия запрещает ползание во всех видах, — небрежно сказал Ретиф.

— Зззапрещает?

— Мы — служители богини змеи. Ползать — святотатство. — Ретиф прошел мимо переводчика, оттолкнув его плечом, и направился к дальнему столу.

Пыхтя от натуги, Спрэдли догнал Ретифа, подошедшего к дюжине деревянных стульев в дальнем конце квадрата, напротив устланного парчой стола Его Великолепия Ф'Кау-Кау-Кау.

— Мистер Ретиф, будьте любезны зайти ко мне после банкета, — прошипел он. — А тем временем, надеюсь, вы удержитесь от дальнейших необдуманных поступков. Разрешите напомнить, что главой дипломатической миссии почему-то назначили меня, а не вас.

Магнан подошел к ним сзади.

— Разрешите мне тоже поздравить вас, Ретиф, — сказал он. — Хорошо, что не растерялись.

— В своем ли вы уме, Магнан? — рявкнул Спрэдли. — Я крайне недоволен!

— Но... — поперхнулся Магнан, — я говорил в ироническом смысле, господин посол. Естественно, я до глубины души возмущен такой наглостью.

Земная делегация села за стол из грубых зеленых досок, уставленный мелкими тарелками и алюминиевыми мисками. Ретиф занял свое место последним.

Эляне в простых черных или серых туниках, сидевшие рядом, то и дело вставали и уходили, уступая место своим товарищам и бросая на гостей любопытные взгляды. Трубы и свирели оркестра завывали вовсю, и, соответственно, голоса элян за соседними столами становились все громче и громче. Рядом с послом остановился элянин в черной тунике. В комнате воцарилась относительная тишина, и взгляды всех присутствующих устремились на большую миску, в которую слуга наливал суп молочного цвета. П'Туа стоял рядом, наклонив голову.

— Достаточно, — сказал Спрэдли, когда миска

наполнилась до краев. Не обращая внимания, слуга налил еще одну поварешку, и жидкость полилась по поверхности стола. — Будьте любезны обслужить остальных членов моей делегации! — резко сказал посол.

П'Туа сделал знак рукой. Слуга нерешительно потоптался на месте, потом начал наливать суп в следующую миску.

Ретиф наблюдал, прислушиваясь к негромким разговорам вокруг. Эляне за соседними столиками вытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Слуга быстро разливал суп, отворачивая глаза в сторону. Он подошел к Ретифу и зачерпнул полную поварешку.

— Нет, — сказал Ретиф. Слуга замер на месте. — Я сказал — нет! — повторил он. Подбежавший П'Туа что-то прошептал, и слуга с удвоенным усердием принялся доставать поварешку из кастрюли. — Я не буду есть суп! — Голос Ретифа прозвучал на весь банкетный зал, в котором внезапно воцарилось молчание. Некоторое время П'Туа смотрел на Ретифа, не опустившего глаз, затем пожал плечами и приказал слуге удалиться.

— Мистер Ретиф! — раздался сдавленный голос Спрэдли с другого конца стола. Посол наклонился вперед, сверля своего подчиненного взглядом и побагровев от возмущения до такой степени, что лицо его стало напоминать цветом переспелую свеклу. — Я вас предупреждаю последний раз, мистер Ретиф. Лично мне приходилось кушать овечьи глаза в Судане, бараньи кишки в Бирме и столетний каг на Марсе, и, клянусь мощами святого Игнатия, вам придется съесть этот суп! — Чуть не захлебнувшись от ярости, посол схватил ложку и твердой рукой запустил ее в миску.

— Не кушайте этого супа, господин посол, — сказал Ретиф.

Спрэдли уставился на него широко открытыми глазами и нарочито медленно поднес ложку ко рту.

Ретиф встал, схватился за стол снизу и рванул вверх. Огромная деревянная конструкция дрогнула, накренилась и опрокинулась с диким грохотом. Тарелки полетели на пол; молочно-белый суп растекся по паркету; несколько мисок, звеня, покатились по комнате. Среди элян послышались крики, заглушившие придушенный вопль посла Спрэдли.

Ретиф, стараясь не пачкать ботинок, подошел к главе миссии.

— Господин посол, — произнес он. — Мне бы хотелось...

— Я вас уничтожу! Мальчишка! Молокосос! Хулиган! Вы понимаете...

— Пожалссста... — П'Туа незаметно приблизился к Ретифу.

— Приношу свои извинения, — торопливо перебил Спрэдли, вытирая вспотевший лоб. — Мои глубочайшие...

— Молчите! — быстро сказал Ретиф.

— Ч-ч-ч-что?

— Не извиняйтесь!

П'Туа сделал жест рукой.

— Пожалссста, фсссе сссюда иттти...

Ретиф повернулся и пошел вслед за переводчиком.

Их проводили к столу, устланному вышитой белой скатертью и уставленному посудой из тонкого фарфора. Эляне потеснились, уступая гостям место. Соседом Ретифа оказался Магнан.

— Что произошло? — шепотом спросил второй секретарь посольства.

— Нам подали собачью пищу, — ответил Ретиф. — И усадили за стол для прислуги. Я подслушал разговор двух элян.

— Разве вы знаете местный язык?

— Выучил по пути на Эль. Конечно, недостаточно хорошо, но...

Забренчали медные тарелки, и оркестр взорвался, оглушая присутствующих. На середину комнаты выбежали жонглеры, танцоры и акробаты, которые, соответственно, жонглировали, плясали и ходили колесом. Бесчисленные слуги сновали с огромными подносами, раскладывая деликатесы по тарелкам и наливая пурпурное вино в высокие бокалы. Ретиф попробовал яства и напитки элян, оказавшиеся восхитительными на вкус, а так как перекричать оркестр было невозможно, вице-консул с удовольствием принялся за еду, наблюдая за представлением.

Ретиф откинулся на спинку кресла, наслаждаясь относительной тишиной: музыка умолкла. Последние блюда с остатками пищи были убраны, бокалы наполнены до краев. Утомленные артисты, откланявшись, подбирали с пола квадратные монеты, брошенные знатными элянами. Ретиф вздохнул. Давно он так вкусно не обедал.

— Послушайте, Ретиф, — тихо спросил Магнан. — О какой собачьей пище вы говорили?

— Разве вы не обратили внимания на целую систему намеренных оскорблений, которым нас подвергли?

— Намеренных оскорблений? Это вы чересчур. Они, конечно, толкаются в дверях, и вообще, слишком много себе позволяют, но понятие о вежливости у нас разное и... — Он неуверенно посмотрел на Ретифа.

— В космопорту нас заставили ждать в камере хранения багажа. Затем привезли сюда на мусоровозе.

— Мусоровозе!

— Символическом, конечно. Нас провели черным ходом и поселили в том крыле здания, где живет

прислуга. Затем усадили за последний стол, предназначенный для местных кули.

— Не может быть! Вы наверняка ошибаетесь! Мы — представители Земли, и эляне не могут не осознавать нашего могущества!

— В том-то и дело, мистер Магнан. Именно поэтому...

Грохнули медные тарелки, и оркестр заиграл с удвоенной силой. Шестеро высоких элян в шлемах выбежали на середину зала и, пританцовывая, стали сражаться на саблях. Магнан, беззвучно шевеля губами, дернул вице-консула за рукав. Ретиф покачал головой и продолжал наблюдать за представлением, медленно потягивая вино. Разговаривать под эльский оркестр не смог бы ни один смертный.

Несколько изящных быстрых движений, и двое танцоров упали, а их партнеры повернулись друг к другу, отсалютовали, вызывая на бой, и яростно кинулись в атаку. Затупленные клинки звенели, музыканты играли все быстрее и быстрее. Вскоре упали еще двое элян. Забыв о бокале с вином, Ретиф, не отрываясь, следил за бешеным танцем.

Устоявшие на ногах соперники приближались и отступали, делали ложные выпады и парировали удары. Один из элян неожиданно поскользнулся и упал, а второй закружился по всему залу под вой труб и рев присутствующих. На пол посыпались монеты. Победитель неожиданно замер рядом с небольшим столом, поднял саблю вверх и ударил ею по белой скатерти перед богато одетым элянином. Тарелки лязгнули последний раз, музыка заиграла медленно и тихо.

С громким криком элянин, напротив которого остановился воин-танцор, вскочил на ноги и поднял вверх сжатую в кулак руку. Победитель наклонил голову, положил обе руки на шлем и, схватив со сто-

ла саблю, продолжил танец. Музыка зазвучала громче, а богато одетый элянин, небрежно помахав рукой, швырнул на пол горсть монет и сел на место.

Во второй раз танцор остановился у стола, покрытого парчой, и сабля его опустилась перед толстяком в причудливой, украшенной серебром одежде. И вновь получивший вызов встал и поднял вверх сжатую в кулак руку, а воин наклонил голову и положил обе руки на шлем. Зазвенели монеты, и танец возобновился.

Танцор кружил по всему залу, делая выпады, вращая саблей, приседая, ни на секунду не сбиваясь с ритма. Неожиданно он остановился перед Ретифом, высоко занося саблю над головой. Оркестр перестал играть. Тяжелый клинок со свистом рассек воздух и ударил по столу с такой силой, что тарелки подпрыгнули, а из бокалов расплескалось вино.

Элянин, не мигая, смотрел Ретифу в глаза. В наступившей тишине было слышно, как икнул подвыпивший Магнан.

— Спокойно, мой мальчик, — мужественным тоном произнес посол Спрэдли.

Ретиф неторопливо встал (он оказался на дюйм ниже элянина, несмотря на свои шесть футов три дюйма) и молниеносным движением схватил саблю за эфес, одновременно выкручивая ее в сторону и вырывая из рук воина. В то же мгновение он замахнулся и по сверкающей дуге опустил клинок вниз. Танцор мгновенно пригнулся, избегая удара, отскочил в сторону и подобрал одну из сабель, лежавших на полу.

— Остановите этого безумца! — взвыл Спрэдли.

Ретиф перепрыгнул через стол, круша хрупкий фарфор. Элянин, пританцовывая, отступал, а музыканты заиграли с удвоенной силой, визжа свирелями и выбивая на барабанах сумасшедшую дробь.

Даже не пытаясь следовать прихотливой мелодии эльского болеро, Ретиф наступал, делая резкие выпады тупой саблей, неутомимо преследуя противника по всему залу. Положив левую руку на бедро, он отвечал ударом на удар, не давая воину опомниться.

Элянин забыл о роли, которую должен был исполнять. Не думая больше о музыке, он стал сражаться с полной отдачей сил, делая выпады, нанося удары, парируя. Клинки бешено мелькающих сабель звенели в воздухе. Воин отступил на шаг, на два, остановился и стал теснить Ретифа все дальше и дальше...

Ретиф сделал ложный выпад, затем от всей души нанес удар плашмя по серому шлему и быстро отошел в сторону. Танцор покачнулся, роняя саблю, и рухнул на паркетный пол. Свирели протяжно вздохнули. Ретиф перевел дыхание и вытер потный лоб.

— Немедленно подойдите ко мне, вы, щенок! — хрипло воскликнул Спрэдли.

Ретиф крепче ухватился за эфес сабли, повернулся, посмотрел на устланный парчой стол и пошел через зал. Эляне сидели на своих местах, словно парализованные.

— Ретиф, нет! — взвыл Спрэдли.

Ретиф подошел к Его Великолепию Ф'Кау-Кау-Кау, остановился, поднял саблю над головой.

— Только не главу государства! — простонал кто-то из дипломатов.

Ретиф резко опустил клинок. Тупое лезвие пробило тяжелую парчу, застряло в твердом дереве. Стояла мертвая тишина.

Его Великолепие Ф'Кау-Кау-Кау, семь тучных футов эльского тела, поднялся на ноги. С недоступным человеческому пониманию выражением на широком лице, он поднял вверх руку, сжатую в кулак, похожий на окорок, увешанный бриллиантами.

Ретиф замер на долгое-долгое мгновение, показав-

шееся вечностью, и, грациозно наклонив голову, приложил кончики пальцев к вискам. Позади него раздался грохот: посол Спрэдли свалился со стула в полуобморочном состоянии. Затем Его Великолепие Ф'Кау-Кау-Кау взревел и потянулся через стол, распахивая землянину объятия, а оркестр окончательно обезумел. Серые руки подхватили Ретифа, освобождая ему место рядом с Ф'Кау-Кау-Кау. Ретиф уселся поудобнее, поднял высокий бокал, всунутый ему в руку соседом, чокнулся с Его Великолепием и выпил.

— Пиршество подходит к концу, — сказал Ф'Кау-Кау-Кау. — А теперь, Ретиф, ты и я оседлаем стулья Совета и подпишем договоры.

— Это большая честь для меня, Ваше Великолепие, — ответил Ретиф. — Но сначала я должен оповестить моих коллег.

— Коллег? — спросил Ф'Кау-Кау-Кау. — Кто осмелится говорить за короля, у которого есть язык?

— Путь элян мудр, — согласился Ретиф.

Ф'Кау-Кау-Кау залпом опорожнил кружку розового эля.

— Я буду иметь дело с тобой, Ретиф, как с наместником, раз ты говоришь, что король ваш стар, а расстояние между планетами велико. И никакие крючкотворы не помешают нашим с тобой соглашениям. — Он усмехнулся эльской усмешкой. — А потом мы будем веселиться, Ретиф. Стул Совета тверд, а ждущие нас девицы восхитительны, так что мы быстро договоримся.

Ретиф улыбнулся.

— Ваше Великолепие — сама мудрость.

— Естественно, каждое существо предпочитает особей своего вида, — заявил Ф'Кау-Кау-Кау и рыгнул. — Наше Министерство Культуры импортировало несколько земных девиц для развлечений, говорят,

образцы экстра-класса. По крайней мере у них очень большие и толстые... забыл, как вы их называете.

— Ваше Великолепие необычайно предусмотрительны.

— Так пойдем же, Ретиф! Может, и я поразвлекаюсь с одной из землянок. Изредка я непрочь заняться извращениями. — Ф'Кау-Кау-Кау ткнул Ретифа локтем под ребро и зашелся смехом.

Проходя по залу рядом с Его Великолепием, Ретиф поровнялся со столом, за которым сидела земная делегация.

— Будьте любезны, принесите свои извинения главе государства и подойдите ко мне. Я хочу сказать вам несколько слов, — неожиданно услышал он приказание, отданное ледяным тоном, и, повернувшись, увидел посланника Спрэдли, позади которого стоял насмерть перепуганный Магнан, так и не справившийся с икотой.

— Я прошу простить меня за кажущуюся грубость, господин посол, — сказал Ретиф, — но сейчас не время...

— Грубость! — вскричал Спрэдли. — Не время! Разрешите напомнить вам...

— Будьте любезны, господин посол, говорите потише. Наше положение все еще остается крайне щекотливым.

Спрэдли задрожал с головы до ног и на мгновение потерял дар речи.

— Вы... Вы...

— Молчать! — крикнул Ретиф. Спрэдли, как завороженный, уставился в глаза вице-консула. Со стуком захлопнув рот, глава миссии сглотнул слюну. — У элян, кажется, создалось впечатление, что я — руководитель делегации, — объяснил Ретиф. — Нам придется поддерживать в них это заблуждение.

— Но... Но... — заикаясь, произнес Спрэдли и, на-

брав полную грудь воздуха, гордо выпрямился. — Это — последняя капля, — прошептал он. — Я — Чрезвычайный Посол и Полномочный Министр Правительства Земли. Магнан сообщил, что нас подвергли намеренным оскорблениям: заставили ждать в камере хранения багажа, отвезли на мусоровозе, поместили в комнаты для прислуги, предложили собачью пищу вместо обеда. А теперь я и мои помощники брошены на произвол судьбы, на нас не обращают ни малейшего внимания, в то время, как этот... эта... кау-каувая особа пьянствует с... с... — голос Спрэдли пресекся от возмущения. — Возможно, я несколько погорячился, Ретиф, удерживая вас от проявления чувств. Оскорбление местных богов, опрокидывание банкетного стола — крайние меры, но ваше рвение частично оправдано, и я готов отнестись к вам снисходительно. — В глазах Спрэдли появился лихорадочный блеск. — Я удаляюсь, мистер Ретиф, не желая больше подвергаться оскорблениям, и...

— Хватит! — резко перебил его вице-консул. — Мы заставляем Его Великолепие ждать.

Лицо Спрэдли налилось кровью.

Магнан, наконец, перестал икать и обрел дар речи.

— Но что вы собираетесь предпринять, Ретиф?

— Я собираюсь заключить с ними договор. — Он протянул Магнану пустой бокал. — А сейчас садитесь и создавайте впечатление гармонии.

Сидя за письменным столом в роскошной каюте на борту орбитальной станции, принадлежащей Дипломатическому Корпусу Земли, посол Спрэдли, с поджатыми губами и свирепым выражением на лице смотрел на стоящего перед ним вице-консула Джейма Ретифа.

— Далее, — сказал Спрэдли, — вы обнаружили

полное непонимание основ дипломатии, грубо нарушив дисциплину, оказав неуважение старшим товарищам и продемонстрировав полное отсутствие элементарной вежливости. Ваши отвратительные манеры, ничем не оправданные нервные срывы, сопровождающиеся насилием, и почти не поддающаяся описанию наглость, а также явное превышение власти, делают невозможным ваше дальнейшее пребывание на посту агента и сотрудника Дипломатического Корпуса Земли. А следовательно, как это ни печально, я считаю своим долгом рекомендовать штаб-квартире сектора немедленно освободить вас...

Раздался приглушенный звонок коммуникатора. Спрэдли откашлялся, прочищая горло, и нажал на кнопку.

— Слушаю.

— Сообщение из штаб-квартиры сектора, господин посол.

— Да, слушаю, — повторил Спрэдли. — Читайте, но только самое главное.

— Поздравляем с беспрецедентным успехом миссии. Условия подписанного вами договора являются самым удачным решением сложнейшей проблемы в секторе Сирен, которое поможет наладить тесные и дружественные контакты Земных Штатов с Эльской империей. Вам и вашим коллегам объявляется глубочайшая благодарность. Подписано: помощник заместителя секретаря министра Твердохлобер.

Спрэдли раздраженно ткнул в кнопку пальцем и принялся перебирать бумаги на столе, изредка бросая на Ретифа косые взгляды.

— Внешнее впечатление... гм-гм... обманчиво, — произнес он. — Сторонний наблюдатель может прийти к выводу... э-э-э... что результат, достигнутый, несмотря на... гм-мм... неверные методы... кха-кха-кха... оправдывает... э-э-э... средства. Вот. — Полномочный

министр улыбнулся печальной, мудрой улыбкой. — Однако это далеко не так! — воодушевляясь, воскликнул он. — Например... — Раздался приглушенный звонок коммуникатора. — Ах, чтоб тебя, — пробормотал Спрэдли. — Слушаю.

— Прибыл мистер Т'Каи-каи. Что...

— Немедленно пригласите его ко мне. — Чрезвычайный посол посмотрел на Ретифа. — Правда, у него всего два слога в имени, но я постараюсь исправить ложное впечатление, которое могло сложиться благодаря вашим выходкам... — Раздался стук в дверь. — Надеюсь, — торопливо произнес Спрэдли, — вы воздержитесь от того, чтобы воспользоваться преимуществами вашего положения... Войдите!

Эльский министр Протокола Т'Каи-Каи вошел в каюту, мимоходом посмотрел на Спрэдли и повернулся к Ретифу, приветствуя его по-эльски. Обогнув стол, он остановился за креслом посла, движением руки приказал ему встать и удобно уселся.

— А у меня для вас небольшой сюрприз, Ретиф, — сообщил он на международном земном языке. — Я воспользовался обучающей машиной, которую вы ссудили Его Великолепию, и теперь могу объясняться без переводчика.

— Вот и прекрасно, — ответил Ретиф. — Уверен, что мистеру Спрэдли небезынтересно будет послушать наш разговор.

— Пусть его слушает, — милостиво согласился элянин. — Сегодня я с неофициальным визитом. — Он с любопытством посмотрел по сторонам. — Как просто вы украшаете свои помещения, но в этом есть свое суровое очарование. — Т'Каи-Каи рассмеялся эльским смехом. — О, вы, земляне, странные существа! Знаете, всякие ходили слухи. Могу сообщить, строго между нами, что до знакомства мы считали вас дуркополыми.

— Полудурками, — безжизненным тоном поправил Спрэдли.

— Такое самообладание! Невероятно! Какое наслаждение вы доставили истинным ценителям искусства дипломатии, мне, например, своим безупречным пониманием протокола! Такое изящество! Как искусно вы игнорировали каждый наш ход, как бесподобно избегали прямых конфронтаций! Скажу по секрету, были среди нас сомневающиеся — бедные дурачки! — считавшие, что вы ничего не смыслите в этикете. Как восхищены были мы, профессионалы, в полной мере оценившие виртуозность задуманного вами плана, когда вы опрокинули стол с помоями! После этого нам оставалось только гадать, в какой форме вы окажете нам свое уважение. — Элянин гостеприимно раскрыл портсигар с оранжевыми сигарами и засунул одну из них в ноздрю. — Должен признаться, даже я не надеялся, что вы почтите Его Великолепие. О, какое удовольствие иметь дело с братьями по профессии, понимающими истинное значение протокола!

Посол попытался что-то сказать, но из его горла вырвались какие-то хриплые звуки.

— Этот человек простудился, — заявил Т'Каи-Каи. — Отойди подальше, мой милый, я очень легко заражаюсь. — Он с сомнением посмотрел на Спрэдли и вновь обратился к Ретифу: — Дорогой Ретиф! Осталось одно небольшое дело, с которым я счастлив буду покончить прямо сейчас. — Он вытащил из папки большой лист бумаги. — Его Великолепие непреклонен: никто, кроме вас, не будет аккредитован на Эле. У меня с собой постановление правительства, подтверждающее ваше назначение Генеральным Консулом.

Ретиф посмотрел на Спрэдли.

— Думаю, Дипломатический Корпус Земли даст согласие, — сказал он.

— В таком случае, я пойду. — Т'Каи-Каи встал с кресла. — Мне бы лично хотелось познакомить вас с великой империей элян, Ретиф, так что возвращайтесь поскорее. Не пожалеете!

ДИНОЗАВР

Ретиф расплатился с лодочником и вышел из небольшой гондолы на берег канала, глядя, как второй секретарь посольства, Магнан, пыхтя от натуги, проталкивается сквозь толпу, запрудившую пристань.

— Вот вы где! — воскликнул Магнан, увидев своего подчиненного. — Посланник Бульбуттль вне себя от...

— Что это у вас на голове? — Ретиф посмотрел на плохо надутый пузырь неприятного желтого цвета, свисавший над левым ухом дипломата.

Второй секретарь закатил глаза, поправляя завязанную под подбородком розовую ленточку, на которой держалась вся конструкция из вышеупомянутого пузыря, разноцветных перьев и широких лент, доходящих до плеч.

— Разве вы не знаете? Церемониальный убор обитателей Камнемора... — Он запустил руку в карман сиреневого пиджака, который этикет предписывал носить в дневные часы, вытащил еще один пузырь с перьями и протянул его Ретифу. — Надевайте скорее. Боюсь, несколько лент помялось...

— Где Посланник? — перебил его Ретиф. — Мне необходимо объяснить ему...

— Вам много что придется объяснить! — резко сказал Магнан. — В частности, почему вы не при-

сутствовали на торжественной церемонии вручения верительных грамот!

— Вот он. Простите, мистер Магнан, но посол собирается войти в храм, так что я... — Ретиф продолжал говорить, проталкиваясь сквозь толпу к высокому квадратному зданию с широкими воротами. Длинноногий камнеморец с коротким туловищем и непомерно большими плоскими ступнями, держащий в руках копье, отступил в сторону, освобождая дорогу. Посланник и четверо сотрудников миссии стояли у безвкусного алтаря из грязно-зеленого пластика в желто-коричневую клеточку.

— ...классический пример того, как ловкий дипломатический ход решает сложнейшую проблему, — говорил Бульбуттль. — Хотел бы я посмотреть на физиономии наших коллег из посольства Гроачи, когда они узнают, что мы их опередили по всем статьям!

— Господин посол... — сказал Ретиф.

Бульбуттль подпрыгнул на месте, резко повернулся и, запрокинув лысую голову сферической формы, уставился на младшего дипломата.

— Я предупреждал, чтобы вы не смели подкрадываться! Извольте топать ногами, когда находитесь со мной рядом!

— Господин посол, я хочу...

Глава миссии поднял вверх пухлую руку с маленькими пальцами.

— Избавьте меня от перечня ваших желаний, мистер Ретиф! Церемония должна начаться с минуты на минуту! — Он посмотрел по сторонам и обратился к более широкой аудитории: — Джентльмены, надеюсь, все вы обратили внимание на безупречное соблюдение мною протокола с той самой минуты, как шесть часов назад мы высадились на Камнемор. И результат налицо! Мы будем первой дипломатической миссией, аккредитованной на этой планете, ко-

торая, смею напомнить, всегда славилась враждебным отношением к дипломатам! Тем не менее, я...

— Господин посол, — перебил его Ретиф, — пока дело не зашло слишком далеко...

— Как вы смеете, сэр! Я развиваю чрезвычайно важную тему о себе самом... э-э-э... вернее, о моем бесценном вкладе в историю дипломатии...

Двое камнеморцев в рясах торжественно вышли вперед, размахивая витыми канделябрами, из которых шел едкий красный и зеленый дым; остановившись перед землянами, они произнесли несколько монотонных фраз и отступили на шаг. Один из них вытянул тонкий палец с несколькими суставами и ткнул им в Ретифа, проскрипев какие-то слова голосом, напоминавшим визг пилы, которой провели по струнам вместо смычка.

— Где ваш головной убор, Ретиф? — прошипел Бульбуттль.

— У меня его нет. Дело в том...

— Достаньте, где хотите! Немедленно! И займите надлежащее место в моей свите! — ломающимся от негодования голосом выкрикнул Посланник и пошел следом за правительственными чиновниками. Подбежавший Магнан выхватил из кармана несколько пузырей сразу.

— Надевайте скорее!

— И не подумаю, — ответил Ретиф. — Мне и так хорошо.

— Что вы хотите сказать? Мы все должны...

— Только не я. Не собираюсь принимать участия в церемонии, да и вам не советую...

— Грубейшее нарушение дисциплины! Неисполнение приказа! — взвизгнул Магнан и бросился вслед за удаляющимся Посланником, в то время как двое местных громил преградили дорогу Ретифу, стоявшему с непокрытой головой.

Церемония выглядела очень живописно и состояла из символического избиения палками, погружения в зеркальные воды пруда, — судя по выражению лиц купальщиков, достаточно холодные, — а также бега на десять кругов, в ходе которого задыхающихся землян подталкивали сзади стоявшие у бровки камнеморцы.

Ретиф, примкнувший к зрителям, с любопытством наблюдал за состязанием, ни минуты не сомневаясь, что глава миссии никому не позволит себя обогнать, поставил на него десять кредиток и выиграл.

Зазвенели колокола; дипломатов, имевших жалкий вид, выстроили в шеренгу, и чиновник, читая по бумажке, разразился длинной речью; затем вперед выступил камнеморец невысокого роста, державший в руках бархатную подушку, на которой лежал меч длиной в шесть футов. На его клинке была сделана надпись «МАМА», и, насколько Ретиф мог судить, он был изготовлен на Земле.

Камнеморец-гигант в розовато-лиловатой рубашке с алыми кружевами подошел вплотную к шеренге, взял меч и занес его высоко над головой. Посланник попятился, пробормотал: «Послушайте, что я скажу...», но его тут же втолкнули обратно в строй, а гигант вложил меч в ножны и торжественно повесил широкую перевязь через голову дипломата, пристегивая ее за левым плечом.

Аборигены разом умолкли, выжидательно глядя на Посланника Земли.

— Магнан, вы знаток протокола, что я должен делать? — пробормотал посол, скривив рот и почти не разжимая губ.

— Э-э-э... я предлагаю Вашему превосходительству откланяться, а затем мы торжественно уйдем, пока они не придумали новых пыток...

— Хорошо. Все вместе: раз, два... — хрипло про-

шептал Бульбуттль. — А теперь, кру-угом! — Замешкавшийся Магнан взвыл, получив удар по лодыжке, и делегация, шагая в ногу, двинулась вперед во главе с послом, горделиво выпрямившимся во весь свой рост, не превышавший пяти футов. Меч волочился сзади, вздымая тучу пыли.

Ретиф протолкался сквозь толпу и приблизился к процессии.

— А, Ретиф! — вскричал Бульбуттль. — Находились в самовольной отлучке? Объявили нам бойкот? Прекрасно! По пути на Камнемор вы заперлись в каюте, а сейчас осмелились манкировать своими прямыми обязанностями! Извольте ко мне зайти, как только я сдам на хранение этот прекрасный церемониальный меч...

— Я с самого начала хотел сказать вам, господин посол, что это не церемониальный меч. Подразумевается, что вы им воспользуетесь.

— Кто, я? — Бульбуттль кисло улыбнулся. — Вы с ума сошли! Он будет украшать стену моего кабинета, как символ...

— Разве что в будущем, сэр, — перебил его Ретиф. — А сегодня вам предстоит им поработать.

— Поработать?

— Мне кажется, вы не поняли смысл ритуала, господин посол. Камнеморцы не разбираются в дипломатии. Они решили, что вы собираетесь им помочь...

— Естественно! — Бульбуттль презрительно улыбнулся. — А теперь отойдите с дороги...

— ...и, соответственно, ждут, когда вы выполните свое обещание.

— Обещание? Какое обещание?

— Которое вы дали, приняв участие в церемонии. Помочь им в беде.

— Ну, конечно! — Бульбуттль яростно кивнул. — Я уже планирую исследование в области экономики...

— Они не считают это работой, господин посол. В окрестностях города бродит динозавр, девяноста футов ростом, и...

— Динозавр? — пискнул Бульбуттль.

Ретиф кивнул.

— И вы только что поклялись убить его не позднее, чем завтра на закате солнца.

— Послушайте, Ретиф, — прокурорским тоном спросил первый секретарь Ваффль. — Как это вам удалось разобраться в том, что произошло, когда сами мы ничего не поняли?

— И я не понял: они разговаривали слишком быстро. Но по пути на Камнемор я изучил немного их язык, и мне удалось кое-что узнать у лодочника...

— Я приказал вам снять помещение и нанять слуг, а вы изволили болтаться в обществе каких-то бродяг!

— Как иначе я мог нанять слуг? К тому же, они не понимают языка знаков, и...

— Какая наглость! Он еще со мной спорит! Мистер Ретиф, я отстраняю вас от... — К ним подошли несколько чиновников в рясах, за которыми следовал довольно внушительный отряд стражников в металлических нагрудниках, наголенниках и с копьями в руках. — ...Но прежде, чем отправитесь под домашний арест, Ретиф, — торопливо произнес Бульбуттль, — объясните этим господам, что нам некогда заниматься всякими чудовищами. Однако я обещаю подарить им прекрасную библиотеку из множества самых последних рекламных проспектов ДКЗ...

Один из камнеморцев торжественно выступил вперед, наклонил голову и обратился к Посланнику:

— Достопримечательный сэр, я имею счастье быть Хаппуг, переводчик сотрясения воздуха, который делать земляне. Я научился у японский, датский, ин-

дийский, еврейский терра-торганей. Вы меня знать, мы говорили по телекорану перед тем, как вы, людь, прикамнеморились.

— Ах да, помню! Как жаль, что вы не присутствовали на церемонии. Сейчас мы докопаемся до истины! — Бульбуттль бросил на Ретифа угрожающий взгляд. — Я слышал... гм-мм... до меня дошли слухи, что поблизости гуляет, — ха-ха! — какой-то динозавр.

— Да, да, пристрастнейший сэр! Как великошумны людь, что пришли к нам на помощь! Такой беда!

Бульбуттль нахмурился.

— Возможно, вы что-то напутали при переводе, так что позвольте уточнить. Я — Чрезвычайный Посол и Полномочный Министр, аккредитованный Дипломатическим Корпусом Земли и обладающий всей полнотой власти...

— Кх-кх-кх-кх! Такой важный персона-граната ни за что не промажет! — восхищенно воскликнул Хаппуг. — Будешь взять солдат, чтоб разделать тушу, или ловить Хвостодрыг один и покрыть себя вечной славой?

— Послушайте, я — дипломат! Я предложил оказать помощь ваней отсталой цивилизации...

— О, конечно, конечно. Свистящий пример добротрудничества и дружбососедства...

— Минутку! — Бульбуттль выставил вперед нижнюю губу и ткнул пальцем в небо. — Я имею дело со словами и документами, сэр, и не намерен совершать героических подвигов! Мне даны широкие полномочия оказать вам любую разумную помощь, но черновой работой должны заниматься слуги!

Хаппуг нахмурился.

— На нашем краю галактики у людь слова с делом не разводятся.

— Поэтому, как только звездолет прилетит, примерно через месяц, я сразу же пошлю сообщение в

штаб-квартиру сектора, и мы наверняка что-нибудь придумаем...

— Хвостодрыг хотеть жрать сейчас! Срочно ловить, не будет ждать месяц. Мы тебе дать настоящий японский меч! Ты действуй!

Подбородки Посланника задрожали.

— Сэр! Вы забываетесь! Я — Чрезвычайный Посол, а не какой-то жалкий охотник!

— Ты, людь, нарушил камнеморский традиций, принятый Советом Мудрейших Дураков!

Бульбуттль отстегнул перевязь и отшвырнул меч в сторону. Ретиф едва успел поймать его в воздухе, не давая упасть на землю.

Сложив руки на груди, Посланник уставился на камнеморца, сверкая глазами.

— Я заявляю окончательно и бесповоротно, что не намерен воевать с динозавром.

— Есть окончательное решение?

— Справедливо замечено, сэр!

Хаппуг повернулся, что-то сказал на камнеморском скрипучем языке, и в следующую секунду солдаты, угрожающе выставив пики, окружили Бульбуттля и четырех дипломатов, принимавших участие в церемонии.

— В чем дело? — взревел Посланник.

— Похоже, вы арестованы, сэр, — объяснил Ретиф.

— Они не имеют права! А вас почему не трогают?

— Я ничего не обещал.

— Вы, людь, поспешайте, — сказал Хаппуг. — Мы не мочь тратить время на клятвохриступников.

— Н-надолго нас посадят? — блеющим голосом спросил первый секретарь Ваффль.

— Один день, — ответил Хаппуг.

— Что ж, не так страшно, Ваше превосходительство, — заметил Магнан. — За это время мы успеем

придумать хорошее алиби... я хочу сказать, подготовить отчет в штаб-квартиру сектора о нашей дипломатической победе, только в другом смысле.

— Могу вас заверить, господин Магнан, — выкрикнул посол, — что завтра я предприму решительные шаги...

— Имею честь в этом сомневаться, о, неверный! — сказал Хаппуг. — Трудный фокус-покус делать шаги, когда тело без головы с плеч долой!

Посланник Бульбуттль мрачно смотрел на Ретифа сквозь прутья решетки.

— Я возлагаю всю ответственность за недонесение об этом варварском обычае на вас, сэр! Надеюсь, вы догадались послать радиограмму на борт звездолета?

— Невозможно, господин посол. Местные передатчики маломощны...

— Вы с ума сошли! Но тогда... — Бульбуттль побледнел и схватился за прутья, чтобы не упасть. — Ретиф, — прошептал он, — они отрубят нам головы...

Отряд вооруженных пиками стражников, чеканя шаг, подошел к камере, в которой томились земляне. Хаппуг достал из кармана большой ключ.

— Вы готовы казниться, людь?

— Минутку, — сказал Ретиф. — Они поклялись убить Дрыгохвоста не позднее, чем завтра на закате солнца. Впереди — целый день.

— Верно. Но всегда отрубать голова после ленча. Обычай. Больше зрителей, больше денег; кредитка за билет.

Ретиф покачал головой.

— Серьезное нарушение закона. Если вы прикончите парочку дипломатов, никто и не поморщится, невелика потеря, но при этом необходимо соблюсти протокол. В противном случае эскадра боевых звездолетов по поддержанию мира уничтожит все камнеморские

традиции так быстро, что вы едва успеете пикнуть «вмешательство во внутренние дела».

— Гмммм... Надо думать. О'кэй, мы ждать до завтра, потом устраивать казнь при свете факелов. Очень красиво.

— Ретиф! — отчаянно вскричал Магнан, приблизившись к решетке. — Неужели никак нельзя помешать исполнению столь несправедливого приговора?

— Можно. Если ты, людь, передумал и убить дракона, — весело заявил Хаппуг.

На лице Ретифа появилось задумчивое выражение.

— Эти джентльмены должны убить его своими руками?

— Всеприметно! Нельзя позволить каждому Тому, Гарри и Гекльберри плутать под ногами. К тому же убийцы Дрыгохвост не только нациоральный герой, но получать кучу больших прелестей и бесплатных кретинских карточек!

— Что скажете, сэр? — спросил Ваффль своего шефа. — Может, рискнем? Терять-то нам нечего...

— Каким образом? Я не могу убить животное, послав телеграмму!

— Может, мы выроем большую яму, и он в нее свалится...

— Идиот! Вы представляете, сколько потребуется экскаваторов, чтобы вырыть яму для чудовища ростом в девяносто футов?

— Скажите, а посторонние могут оказать Посланнику помощь? — спросил Ретиф.

Хаппуг склонил голову набок.

— Есть интересный вопрос. Буду узнавать в Министерстве Традиций.

— О, как бы я хотел оказать Посланнику помощь! — с чувством воскликнул Магнан. — Жаль вот, простудился...

— Да, кха-кха-кха, — сиплым голосом согласился Ваффль. — Должно быть, сырой воздух темницы...

— Вы их выпустите обследовать окрестности и составить план охоты?

Хаппуг покачал головой.

— Нет. Клятвохриступников сажать тюрьма по приказу больших шефов-боссов. Не могу прыгать через их голову. Но буду рад сходить узнать после просыпания.

— Это когда?

— Просыпание кончаться завтра к вечеру. Может, карлик-блестящий-череп поднатужится и сделать дело до времени.

— Как мы можем убить динозавра, если нас заперли? — требовательно спросил Бульбуттль.

— Твой проблем, — коротко ответил Хаппуг. — Сначала думай, потом нарушай клятва. Интересный проблем. Будем смотреть, чем закончится.

Ретиф отвел Хаппуга в сторону.

— Мне бы хотелось посмотреть на динозавра. Вы не возражаете?

— Вуаляй. Смотри на Дрыгохвост сколько влезет, бесплатно. Но за дорогу платить наличником.

— Насколько я понимаю, вы не дадите мне проводника?

— Верно. Камнеморцы — тугомоты, ничего не дают, особенно страннородцу.

— У меня в кармане одна мелочь. Чек вы тоже не примете?

— Опять угадал. Ты парень не промах, Терри. Давай сыграем?

— Без денег мне будет трудно жить в...

— Не угадал, Терри, все испортил. Однако думай. Денег нет — сразу стал раб.

— Мне почему-то кажется, вам все равно, убьют динозавра или нет.

— Есть верная смысл. Туристы валом-валят. А сейчас очень смешно, можно делать ставка. Десять к одному против людь.

— А тем временем дракон лопает ваших граждан.

— Пусть несколько крестьян сожрет, но Дрыгохвост меня не тронул, и мне плевать, пускай живет, как сказать один бардописец.

— Шекспир?

— Нет. Эгберт Кайзерхрякер, первый терри-торгаш, продал камнеморцам карты и кости.

— Карты и кости?

— Верно. Сыграем? Пойдем, вместе смеяться, забивать заботы, тратить время до завтрашний казнь.

— Интересная мысль, Хаппуг. Пойдем...

На заре следующего дня, когда Ретиф вышел из чадной атмосферы игорного дома, Хаппуг, прикованный легкой цепью к стальному кольцу на лодыжке, ковылял сзади, держа в руках большую корзину, битком набитую камнеморскими деньгами.

— Эх, Ретиф-сан, не прикупил я к трем бабам четвертую...

— Я тебя предупреждал: берегись женщин. Послушай, ребята правду сказали о привычках Дрыгохвоста?

— Чистый правда, Ретиф, святой, как слеза.

— Прекрасно. Следующая остановка — Министерство Традиций. Вперед, Хаппуг.

Спустя час Ретиф, недовольно хмурясь, вышел из Министерства.

— Не самая удачная сделка в моей жизни, Хаппуг, но лучше, чем ничего.

— Дал мало взятку, босс. Больше надо давать.

— Перебьются. По крайней мере, теперь у заключенных появился шанс. Но мне необходим геликоптер и сильный бинокль. Немедленно купи. Встретимся через полчаса на Главном Канале.

— Босс, зачем выручать никчемных людь из тюрьма? Я придумал план, мы есть партнеры. Ты сдавать карты, я ходить сзади игроков в зеркальных очках...

— О делах поговорим позже. А сейчас отправляйся за покупками, пока я не доложил Координационному Совету Рабов о твоем непослушании.

— Уже бегу, шеф. Пока-пока. — Хаппуг вприпрыжку унесся прочь, а Ретиф отправился в ближайший спортивный магазин.

Через полчаса геликоптер сел на воду бухты рядом с пристанью. Ретиф подхватил причальный конец, притянул легкий летательный аппарат, погрузил в него гору пакетов и залез в кабину.

— Говорят, Дрыгохвоста видели в одной-двух милях от города. Надо посмотреть, что он собой представляет.

Геликоптер поднялся в воздух, минуя невысокие пальмы, похожие на заросли папоротника, и, набирая высоту, полетел над каналами и куполообразными домами камнеморского города, приближаясь к рисовым полям, за которыми находилось обширное болото. Вдалеке смутно виднелись джунгли.

— Смотри, босс! — вскричал Хаппуг и ткнул пальцем. Ретиф поднес к глазам бинокль. Огромная туша зверя почти не выделялась среди высоких деревьев, растущих на болоте островками.

— Большая скотина. Но я считал его хищником, а он почему-то объедает верхушки деревьев.

— Конечно, хищник, господин. Глупый крестьяне прятаться на дерево, Дрыгохвост не надо нагибать шею.

Геликоптер приблизился к пасущемуся динозавру и облетел его на высоте в триста футов. Огромный ящер, раздраженный жужжанием непонятного насекомого, поднял голову, раскрыл широкую пасть и оглушительно заревел. Ретиф успел разглядеть красную глотку, в которую свободно мог въехать грузовик, и острые клыки, похожие на сталактиты.

— Гостеприимный хозяин. Интересно, можно предсказать, в какую сторону он пойдет?

— Можно. Дрыгохвост сначала лопать деревню без устатка, потом идти дальше. Закончит через полчаса, по моим просчетам. На ленч идти кушать другой деревня, полмили к югу.

— Слетаем посмотрим.

Геликоптер опустился на высоту в пятьдесят футов и полетел вперед, поднимая за собой ветер, от которого камыши пригнулись, а вода пошла пузырями.

— Здесь глубоко? — спросил Ретиф.

— По колено, когда отлив.

— А когда отлив?

— Сегодня, час перед закатом.

— Дно твердое?

— Мягкий глина. Эй, господин, ты хотел принять грязевой баня? Полежать на дне, поскрунчать в тине?

— Прости, Хаппуг, но мы, земляне, не амфибии.

— Ой, скорей извинять меня, господин! Не иметь расовых презриссудков, не хотел обидеть.

Геликоптер подлетел к глиняным постройкам деревни, в которой крестьяне занимались своими обыденными делами, казалось, нисколько не беспокоясь, что скоро пополнят собой меню динозавра.

— Как ты думаешь, Дрыгохвост пойдет прямо в деревню, никуда не сворачивая?

— Кто знать, босс. Может углядеть в сторона вкусный рыбак, лакомый купальщиков.

— Мы сможем нанять здесь лодки и несколько рабочих?

— Ретиф-сан, у тебя есть хватит денег, чтоб нанять весь город. — Хаппуг вздохнул. — Последний сдача, когда ты поймал четыре восьмерки...

— Напишешь об этом в своих мемуарах, — сурово сказал Ретиф. — А сейчас высади меня на базарной площади.

Хаппуг посадил геликоптер и, глядя на собравшуюся вокруг толпу любопытных, широко улыбнулся.

— Я гнать сброд прочь, Ретиф-сан, ходить делать покупки? — предложил он.

— Ни в коем случае, они мне нужны. Слушай внимательно, Хаппуг, я предлагаю следующее...

Наступил ранний вечер. Ретиф, мокрый с головы до ног и по пояс облепленный черной грязью, приказал Хаппугу посадить геликоптер на северном конце деревни, где узкая полоска земли выдавалась в болото.

— Как хорошо звук разносится по воде, — заметил Ретиф. — Такое ощущение, что зверь рядом с нами.

— Так и есть, скоро-скоро, — подтвердил Хаппуг. — Ретиф-господин думать веревка заставит великан сваляться? — Камнеморец помахал рукой в сторону нейлонового каната, натянутого в двух футах над поверхностью болота.

— У меня другие планы. Скажи, сколько времени у нас в запасе? Час?

— Дрыгохвост остановился чесаться. — Ретиф посмотрел на динозавра, который присел и ожесточенно чесал правой задней лапой за ухом. Когти, размером в два фута каждый, мелькали, как сабли. — Сейчас сыт. Захочет кушать через час, может, час с

половиной, — заключил Хаппуг, с интересом наблюдавший за действиями ящера.

— О'кэй. Пора действовать. Беги, передай первой рабочей бригаде, чтобы немедленно ко мне явились. Пусть возьмутся за середину каната, оттянут его и зацепят за спусковой курок. — Ретиф махнул рукой в сторону неуклюжего сооружения из тяжелых бревен и восемнадцатидюймовой сваи, на которую было прикреплено коленно-рычажное устройство.

— Ретиф-шеф, покойный слуга смиренно устал, весь день ходить напрягивал веревки, таскал деревья...

— Скоро отдохнешь. Как дела у второй рабочей бригады? Кол готов?

— Простоходно, сагиб! Острый-острый на один конец, глубокий зарубка на другой.

— Как только они закончат, положишь кол в развилку двух деревьев, которые я приказал вкопать третьей бригаде. Проследи.

— Слишком много делать сразу, — пожаловался Хаппуг. — Ретиф-бвана иметь странный хобби...

— Я улетаю в город. Вернусь через полчаса. Изволь все подготовить, если не хочешь, чтобы твоя голова тоже слетела с плеч.

Огромное бледно-желтое солнце Камнемора и его собрат, иссиня-белая звезда-карлик, садились за горизонт, разрисовав небо пурпурно-розовым закатом, когда геликоптер вновь приземлился в деревне.

— Все идти по плану, Ретиф-сан! — воскликнул Хаппуг. — Надежно, как в танке! Сейчас мы удирать дальше-дальше. Дрыгохвост слишком рядом, не успеть выстрелить!

— Вы только взгляните на эту гадину! — Ваффль, вышедший из геликоптера, задрожал с го-

ловы до ног. — Он больше королевского дворца на планете Эль!

— Зачем вы привезли нас сюда, Ретиф? — требовательно спросил Бульбуттль, у которого от страха даже лысина выглядела бледнее обычного. — Пусть мне лучше отрубят голову, чем я достанусь на завтрак этому земноводному!

— Ничего страшного, господин посол, — успокаивающе произнес Ретиф, подводя толстячка-дипломата к сияющему Хаппугу, стоявшему рядом с самодельной конструкцией из бревен. — От вас требуется только одно: взять деревянную киянку и ударить по спусковому курку. Тогда канат распрямится, наподобие тетивы, и копье...

— Р-Р-Р-Р-Ретиф! Разве вы не видите, что он-он-он-он...

— Знаю. В ста ярдах динозавр выглядит очень страшным, не так ли, мистер Магнан? Но он двигается крайне медленно. У вас еще много времени...

— У нас? При чем здесь мы? Неужели нельзя было обойтись...

— Вы ведь слышали, что сказал Хаппуг, сэр. Вам, джентльмены, необходимо лично убить чудовище. Правда, я договорился в Министерстве Традиций...

— Эй, господин! — Хаппуг вытянул руку. — Помеха справа! Пьяный крестьяне собрались на рыбалка!

Ретиф быстро повернулся и увидел двух камнеморцев, едва державшихся на ногах и распевающих веселую песню. Оттолкнув лодку от берега, они выбрались с мелководья и начали грести, проплывая ярдах в пятидесяти от динозавра.

— Останови их, Хаппуг! Если Дрыгохвост свернет, все пропало!

Хаппуг сделал несколько шагов вперед и, оказавшись в грязи по колено, сложил ладони рупором и

что-то крикнул. Рыбаки увидели его, весело помахали в ответ и продолжали грести.

— Безболезненно, босс. — Хаппуг выбрался обратно на берег. — Послушай, лучше я и ты заметать следы, поехал другой город архипелага, кидать кости...

— Господин посол, приготовьтесь! — вскричал Ретиф. — Я попытаюсь отвлечь зверя. По моей команде, и ни секундой раньше, бейте киянкой по курку!

Он кинулся к небольшой плоскодонке, взял весло и, стоя на корме, начал быстро грести по направлению к ящеру. Дрыгохвост остановился, открыв пасть и глядя на рыбаков. Недовольно заревев, он с трудом сделал шаг в сторону. Ретиф, искусно лавируя перед мордой зверя, закричал и замахал в воздухе веслом. Дрыгохвост, явно заколебавшись, уставился на Ретифа и вновь заревел, но в эту минуту рыбаки загорланили с удвоенной силой, и динозавр решительно повернул в их сторону. Ретиф нагнулся, поднял со дна лодки свинцовый груз и швырнул его, что было сил. Звук удара, пришедшегося по центру груди Дрыгохвоста между свисающими складками кожи, разнесся далеко по воде. Ящер замер на месте с поднятой передней лапой и скосил на Ретифа левый глаз. Огромная голова медленно наклонилась и, видимо приняв окончательное решение, Дрыгохвост двинулся прямо на плоскодонку. Ретиф быстро орудовал веслом, табаня, но динозавр, возбужденный видом ускользающей добычи, неожиданно прыгнул футов на тридцать, вздымая грязевой фонтан, от которого лодку завертело на месте. Ретиф бросил весло и, упав на дно, уцепился за борт.

— Ретиф-босс! — вскричал Хаппуг. — Прыгать скорей, не время играть в тряпки!

— Помогите, кто-нибудь! — взвыл Магнан.

— Сейчас его сожрут, — убежденно заявил Ваффль.

Дрыгохвост вновь прыгнул, лязгнув острыми, как бритвы, зубами в ярде от плоскодонки. Ретиф выпрямился, прикинул на глаз расстояние, повернулся и, подняв руку, резко опустил ее.

— Стреляйте, господин посол! — крикнул он, и в ту же секунду прыгнул за борт.

Бульбуттль стоял рядом с огромным самодельным арбалетом, завороженно глядя на динозавра, который заревел так, что заложило уши, а затем вытянул длинную, тридцатифутовую шею и с размаху опустил ее в воду, стараясь схватить плывущего Ретифа. Землянин нырнул, резко свернув влево. Чудовище недоуменно фыркнуло, завертело головой и внезапно увидело столпившихся на берегу дипломатов. Поймав на себе взгляд Дрыгохвоста, Бульбуттль подпрыгнул и, не выпуская из рук тяжелой киянки, кинулся к геликоптеру, стартовав со скоростью, которой мог бы позавидовать любой спринтер. Трое оставшихся дипломатов отчаянно закричали и последовали примеру начальника. Пробегая мимо Магнана, глава миссии поскользнулся и упал лицом в грязь. Киянка вылетела у него из рук, и Магнан, подхватив ее на лету, подбежал к спусковому устройству и что было сил ударил по самодельному курку.

Раздался музыкальный звук, и заостренный двенадцатифутовый кол, спущенный с нейлоновой тетивы, полетел вперед, со свистом рассекая воздух. Дрыгохвост, не желавший допустить, чтобы от него ускользнул хоть один лакомый кусочек, еще больше вытянул шею, и в этот момент самодельное копье почти целиком вошло ему в грудь. Покачнувшись, динозавр медленно упал на бок, вздымая волну, захлестнувшую берег и накрывшую землян, отпихивающих друг друга от дверцы геликоптера. Магнан сидел на земле, снимая с пиджака комья грязи пополам с тиной и глядя на упавшего колосса, дрыгающего лапами в предсмертных судорогах. Хаппуг восхищенно

взвыл и бросился в воду, помогая Ретифу выбраться на берег.

— Сруксшибательный победа! Много мяса жарить на весь город! Теперь народ меньше огорчаться, что людь не отрубать головы!

Отряхивая рубашку от засохшей грязи, Посланник Бульбуттль сурово кивнул Ретифу.

— Я рад, молодой человек, что, поставив меня в неловкое положение, вы сейчас искупили свою вину. Естественно, стоило мне шепнуть несколько слов нужному человеку, нас немедленно бы отпустили, но я счел необходимым предоставить вам свободу действий, чтобы вы набрались жизненного опыта, необходимого дипломату...

— Эй, Ретиф-господин, мне строить терри в колонна или гусяком? Надо надевать кандалы на ноги...

— Не беспокойся, Хаппуг, думаю...

— Что такое? Кандалы? — Бульбуттль, сверкая глазами, посмотрел на камнеморца. — Простофиля несчастный, мы убили чудовище, согласно вашему варварскому обычаю. А сейчас я требую немедленно...

— Раб ничего не требовать, — сказал Хаппуг. — Раб сначала думать, потом говорить, хорошо работать, мечтать, чтоб не больно били...

Посланник резко повернулся к Ретифу.

— Могу я поинтересоваться, о чем бормочет этот сумасшедший?

— Видите ли, господин посол, камнеморцы очень строго соблюдают традиции, и мне стоило большого труда с ними договориться. Как правило, давший клятву не имеет права пользоваться посторонней помощью...

— Помощью? Насколько я помню, вы барахтались в болоте, когда я... э-э-э... один из членов моей миссии убил хищника!

— Верно, но камнеморцы почему-то считают, что я тоже принял участие в охоте. Однако, учитывая все обстоятельства, Министерство Традиций согласилось заменить казнь пожизненным рабством.

— Рабством!

— К счастью, мне удалось купить ваши контракты, и министр согласился, если казнь не состоится...

— Купить? Прекрасно, мой мальчик. В таком случае я готов сквозь пальцы посмотреть на то, что вы грубейшим образом нарушили дисциплину. А сейчас, будьте любезны, проследите, чтобы мой багаж...

— Боюсь, все не так просто, сэр. Мне ведь необходимо оплачивать ваше содержание, а так как я истратил все деньги, купив вас в качестве рабов... — Бульбуттль поморщился, — ...придется вам поработать, чтобы хоть как-то прокормиться до прибытия звездолета.

— Но... но... но... пройдет больше месяца...

— О'кэй, терри, я, Хаппуг, есть главный подсмотрщик над рабы. Вы будете слушать мой команда. Первый работа — снимать жир с туша, хороший работа, кушать две недели не меньше раз в день, получать пачка сигарет раз в неделя, если не лениться...

— Но... но... Ретиф! А вы что будете делать?

— Хаппуг говорит, в двух милях отсюда пасется еще один динозавр. Если мне удастся его убить, я смогу обеспечить вас работой еще на две недели. Самое главное, продержаться до прибытия звездолета.

— Эй, Ретиф-сан! — Хаппуг подошел вплотную к землянину и стал шептать ему на ухо. — Может, лучше взять худолицый раб, Магнан, вместе с я и ты. Коротышка-дурной-глаз не простит Магнан, что подставил ножка, помешал первым залезть в геликоптер.

— Неплохая мысль, Хаппуг. Веди его сюда...

Двумя часами позже Ретиф, Хаппуг и Магнан, приняв ванну и облачившись в новые камнеморские костюмы, сидели за столиком ресторана на крыше и уплетали салат из белой рыбы с морскими овощами. Вид на город и серебристую гладь каналов был великолепен; яркий свет трех лун позволял до мельчайших подробностей разглядеть окрестные деревни и тушу динозавра, лежавшую с задранными вверх лапами, по которым, подобно мухам, ползали четыре человеческие фигурки с мачете в руках.

— Ретиф, скорей кушать сочный камнеморский

пища, — сказал Хаппуг, — и идти в таверна Золотой Хек-эль-бар. Игра по самой высокой ставка...

— Не торопи меня, Хаппуг. Закажи-ка лучше еще бутылочку, но мистеру Магнану не наливай. Он — человек дисциплинированный, а Посланник не одобряет излишеств.

Магнан задумчиво склонил голову набок.

— Гм-мм... Послушайте, Ретиф, зная ваше искусство в карточных и прочих играх, меня удивляет, что вы не можете обеспечить Посланника и трех дипломатов деньгами, избавив их от необходимости добывать жир.

Ретиф налил полный бокал вина из бутылки, которую официант только что поставил на стол, сделал глоток и одобрительно кивнул.

— Мистер Магнан, звездолет прилетит не раньше, чем через шесть недель. Возможно, через два месяца. Вы считаете, что неаккредитованный дипломат, с таким характером, как у Посланника Бульбуттля, в состоянии спокойно жить все это время среди камнеморцев?

Магнан побледнел и с трудом сглотнул слюну.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Ретиф, но если он узнает...

— Я не собираюсь перегружать мозг господина посла ненужной информацией. А вы?

Магнан поджал губы.

— Нет. В конце концов, чем меньше человек знает, тем меньше у него причин для волнений. — Он слабо улыбнулся. — И кстати, я так разволновался, что, пожалуй, не откажусь от бокала вина. Надеюсь, вы не возражаете?

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА

Обладая глубочайшими знаниями в области регулирования деятельности разнообразных группировок, умело разрешая конфликтные ситуации, вызванные столкновениями различных политических взглядов, дипломаты Корпуса предотвратили войну на многих мирах. В частности, на планете Пилястра посол Магнан, используя накопленный опыт...

Том VII, пленка 43, 487 г.б.э. (*2948 г. от Рождества Христова*).

Сидя за столом напротив Ретифа, посол Магнан озабоченно посмотрел на него и переложил стопку бумаг с одного места на другое.

— Эту памятную записку, третью за неделю, только что передал мне Министр Культуры, — произнес он, взяв из стопки верхний листок. — В ней говорится о фракции молодежи, которой необходим спонсор.

— Веселая молодежь, — заметил Ретиф. — Каждому дитяти не меньше семидесяти пяти лет.

— Пилястриане — долгожители, — резко сказал Магнан. — Все на свете относительно. В семьдесят пять у них переломный возраст.

— Это верно. Когда им удается переломать кому-нибудь руки или ноги, они прыгают от восторга.

— Вот именно. Вы уловили суть стоящей перед нами проблемы. В политической ситуации, сложив-

шейся на Пилястре, молодежное движение играет большую роль, и организация шефства над группой юношей — очень ловкий дипломатический ход с моей... э-э... со стороны Посольства Земли. Когда я подал эту идею, все сотрудники миссии стали наперебой предлагать в спонсоры свои кандидатуры, намереваясь добиться повыше... гм... желаемых результатов и установить отношения с теми, кто, вполне возможно, рано или поздно войдут в правительство Пилястры. И только вы, Ретиф, старший Советник, не захотели нам помочь.

— Я убежден, что эти хулиганы сумеют организовать любые потасовки без моей помощи, — сказал Ретиф. — Вот если б вы предложили мне стать спонсором фракции врачей, разрабатывающих средство от молодежи...

— Пилястрианам не до шуток, Ретиф, — резко оборвал его Магнан. — Фракция молодежи, именующая себя, — он посмотрел на листок, который держал в руках, — Сексуально-Спортивным Обществом Реабилитации Атлетов, сокращенно ССОРА, мечтает о спонсоре уже в течение двух недель.

— Вы хотите сказать, они ждут не дождутся, когда им предоставят помещение, купят форму и снабдят всем необходимым, чтобы они смогли делать пакости с шиком?

— Если мы не поторопимся, Посольство Гроачи нас опередит. Они очень активно участвуют в жизни страны.

— Прекрасная мысль, — сказал Ретиф. — Пусть себе опережают. По крайней мере разоримся не мы, а они.

— Глупости! Я, конечно, не могу приказать вам заняться решением этой проблемы, но... — Магнан умолк, многозначительно посмотрел на Ретифа.

Ретиф поднял бровь.

— На мгновение мне показалось, что вы собираетесь сделать недвусмысленное заявление, — сказал он.

Магнан откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы рук на животе.

— Не будьте наивным. Дипломат с моим опытом никогда не допустит подобной ошибки.

— Мне нравятся взрослые пилястриане, — Ретиф вздохнул. — Жаль, что им приходится таскать на спинах роговой панцирь весом с полтонны. Хотел бы я знать, сможет ли современная хирургия...

— Великие небеса, Ретиф! — Магнан подпрыгнул в кресле. — Я поражен, что у вас язык повернулся затронуть столь деликатный вопрос. Разве можно проявлять любопытство по поводу физических уродств других существ?

— Мне кажется, господин посол, мало кто довольствуется тем, что отпущено ему природой. Если б это было не так, вы ходили бы, все время спотыкаясь о собственную бороду.

Магнан задрожал.

— Прошу вас, никогда не разговаривайте с пилястрианами на эту тему.

Ретиф встал из-за стола.

— Сегодня в моей программе посещение верфи. Пилястриане строят новый космический лайнер, и мне бы хотелось на него посмотреть. Так что, господин посол, с вашего разрешения...

Магнан фыркнул.

— Ваша тенденция заниматься несущественными делами настораживает меня, Ретиф. Если вы начнете работать с группами молодежи, это произведет на всех благоприятное впечатление...

— Прежде чем связываться с этими группами, неплохо бы выяснить, что они собой представляют. Кто их организовал? На Пилястре имеется три силь-

ных политических партии: к какой из них принадлежит ССОРА?

— Вы забываете, что они, так сказать, несовершеннолетние. Политика их не интересует... пока.

— И при чем здесь Гроачи? Почему они проявляют столь неожиданный интерес к захолустному миру? Насколько я знаю, их интересуют только те дела, на которых можно как следует заработать, а на Пилястре нет ничего ценного.

— По производству стали пилястриане ненамного отстают от гроачи, — важно сказал Магнан.

— Зачем гроачи сталь, если у них есть диффузионные бомбы?

Магнан покачал головой, положил стопку бумаг на прежнее место.

— Кому они продадут бомбы в мирное время? Я предлагаю вам заняться, наконец, настоящей работой: встретьтесь с молодежью, проведите с ними несколько бесед...

— Прежде чем встретиться с одним из юнцов, — сказал Ретиф, — я должен обзавестись кастетом.

Ретиф вышел из невысокого здания Посольства Земли, остановил одну из допотопных пилястрианских машин, сел в нее, облокотился о деревянный поручень. Машина медленно поехала по городу, направляясь к верфи. Дул легкий бриз, в воздухе пахло свежей рыбой. Вдоль мощеной дороги стояли невысокие дома; несколько пилястриан возились в огородах, хрипло дыша, с трудом передвигаясь под тяжестью огромных роговых панцирей. По тротуарам шли юнцы, быстро перебирая короткими, покрытыми чешуей, ногами. Шофер — судя по золотым полосам на спине, из гильдии рабочих, — чуть увеличил скорость. Машина вкатилась в огромные ворота верфи и остановилась.

— Доставил я тебя так скоро, как сумел, — сказал шофер по-пилястриански. — Мне ведомы пути всех голоспинных: они всегда торопятся куда-то.

Ретиф соскочил с машины, протянул ему монетку.

— Тебе надо стать профессиональным гонщиком, — посоветовал он. — Ты — лихач.

Пройдя захламленную площадку, Ретиф постучал в дверь старенькой хижины. Заскрипели половицы, дверь распахнулась. На пороге стоял мощный старец с жесткой чешуей на лице.

— Пусть сон твой будет долог, — сказал Ретиф. — Если не возражаешь, я пройдусь по верфи. Мне говорили, сегодня началась сборка корпуса нового лайнера, который вы строите.

— Глубины пусть тебе приснятся, — пробормотал старец и махнул мощной рукой в направлении беспанцирных пилястриан, столпившихся у одного из подъемников. — О корпусе ж юнцы намного лучше знают меня, хранителя бумаг, не боле.

— Я тебя понимаю, дружище, — сочувственно сказал Ретиф. — Когда я гляжу на молодых, мне тоже становится грустно. Среди тех бумаг, которые ты охраняешь, нет ли, случайно, чертежей лайнера?

Сторож кивнул. Шаркая ногами, он подошел к ящикам картотеки, сунул руку в один из них, достал кипу чертежей и положил их на стол. Ретиф наклонился, стал водить пальцем по линиям...

— Что здесь делает голоспинный? — рявкнул позади него чей-то голос. Ретиф повернулся. Юнец с тяжелыми чертами лица, завернутый в мантию, стоял у открытой двери. Его желтые глаза-бусинки с чешуйчатыми веками злобно сверкали.

— Я приехал посмотреть на ваш новый лайнер, — сказал Ретиф.

— Мы не любим, когда иностранцы суют нос не в

свое дело, — отрезал юнец, и в этот момент взгляд его упал на чертежи, лежавшие на столе.

Юнец зашипел от ярости.

— Безмозглый рогоносец! — заорал он, глядя на сторожа, и сделал шаг вперед. — Пусть тебе всегда снятся кошмары! Немедленно спрячь планы корабля!

— Это я виноват, — сказал Ретиф. — Я не знал, что ваш проект — секретный.

Юнец замер на месте, неуверенно посмотрел на Ретифа.

— Кто тебе сказал, что он секретный? Зачем нам что-то скрывать?

— Именно это я и хотел бы выяснить, — ответил Ретиф.

Челюсти юнца задвигались, он растерянно помотал головой.

— Нам нечего скрывать. Мы просто строим пассажирский лайнер.

— В таком случае я просмотрю чертежи. Вдруг мне когда-нибудь захочется купить на него билет?

Ни слова не говоря, юнец повернулся и вышел. Ретиф посмотрел по сторонам, ухмыльнулся.

— Побежал звать на помощь своего старшего брата. У меня возникло такое ощущение, что мне не удастся изучить эти чертежи в спокойной обстановке. Ты не возражаешь, если я сниму с них копии?

— Конечно нет, о легконогий, — сказал старый пилястрианин. — Мне стыдно за невежливых щенков.

Ретиф вынул из кармана небольшой фотоаппарат, начал щелкать затвором.

— Чума пусть поберет юнцов проклятых, — проворчал сторож. — Наглеют, негодяи, с каждым часом.

— Почему бы вам, взрослым, не усмирить их?

— Угнаться за юнцами невозможно, к тому же

поведение их странно. В былые дни мы свято чтили старцев.

— Полиция...

— Ха! — торжественно громыхнул старый пилястрианин. — Достойных нет средь них, и до сих пор мы обходились силами своими.

— А почему ты считаешь их поведение странным?

— Они, к несчастью, вожаков избрали, и одного из них зовут Темнила. Боюсь, что заговор они готовят. — Он посмотрел в окно. — Юнцы идут, а с ними — мягкотелый.

Ретиф сунул фотоаппарат в карман, выглянул в окно. К избушке подходила группа юнцов во главе с гроачи, голову которого украшал причудливый разноцветный гребешок.

— Военный атташе из посольства гроачи, — задумчиво сказал Ретиф. — Интересно, что общего у него с юнцами? Какую новую пакость они готовят?

— Ты прав, они сошлись не для того, чтобы прославить наше государство. Беги, проворный, торопись, а я тем временем вниманье отвлеку их.

— Уже ухожу. Но только куда?

— Вот черный ход. — Сторож вытянул руку. — На наших берегах желаю отдохнуть тебе душою, — добавил он и подошел к двери.

— Спасибо, дружище, — сказал Ретиф. — Я тоже тебе этого желаю.

Он вышел во двор, остановился и, когда из избушки до него донеслись разгневанные голоса, зашагал к воротам.

Прошел час, наступил второй вечер третьего цикла. Ретиф вышел из технической библиотеки посольства, открыл дверь в свой кабинет, включил свет. На его столе под пресс-папье лежала записка:

Ретиф! Вам надлежит присутствовать на

дипломатическом обеде в первый вечер четвертого цикла. Состоится короткая, но, надеюсь, торжественная церемония назначения спонсора ССОРА. Это событие будет надлежащим образом отражено в прессе, так как, несмотря на занятую вами позицию, я пригласил журналистов из многих газет и журналов.

Ретиф фыркнул, посмотрел на часы: до приема оставалось совсем мало времени. Можно было успеть разве что доехать до дома на тихоходном пилястрианском транспорте, переодеться и вернуться обратно.

Выйдя из посольства, Ретиф сел в местный автобус, прошел назад, остановился на площадке, глядя на Бету — желтое солнце, поднимающееся над горизонтом. На море сейчас начался прилив, вызванный основным солнцем и тремя лунами; соленый воздух был свеж и прохладен. Ретиф поежился, поднял воротник куртки. Через полчаса, когда взойдет первое полуденное солнце, нечем будет дышать, но от этой мысли Ретифу не стало теплее.

В автобус вошли два юнца. Не глядя по сторонам, они решительным шагом направились к задней площадке. Ретиф внимательно посмотрел на них, отошел от поручней, чуть напряг мышцы.

— Ближе не подходите, дети, — громко сказал он. — На этой телеге куча свободных мест, а я хочу помечтать в одиночестве.

— Нас интересует некая пленка, — глубоким, отнюдь не юношеским голосом пробормотал юнец, шедший впереди. Двигался он неуклюже, фигуру его скрывал просторный, наглухо застегнутый плащ. Видимо, скоро ему предстояло стать взрослым.

— Я не люблю повторять, — сказал Ретиф. — Вы мне мешаете.

Два юнца подошли ближе; их узкие рты были пе-

рекошены злобой. Ретиф выставил ногу, зацепил ею за чешуйчатую голень юнца-переростка, сильно толкнул его в грудь. Неуклюжий пилястрианин взмахнул руками и свалился, как сноп. В ту же секунду Ретиф перескочил через его тело и спрыгнул с автобуса, в то время как второй юнец атаковал место, на котором Ретиф только что стоял. Землянин весело помахал рукой незадачливой парочке, вскочил в кузов первой попавшейся машины. Юнцы медленно вышли из автобуса и, повернув крохотные головы, глядели, как их предполагаемая жертва удаляется в неизвестном направлении.

Зачем им понадобилась пленка? Ретиф достал сигару, раскурил ее. Как бы то ни было, они опоздали. Пленка находилась в архиве посольства, снимки в фотокартотеке. Чертежи пассажирского лайнера, как выяснилось, были идентичны чертежам боевого крейсера Марк XXXV, использовавшегося Соглашателями двести лет назад. И хотя ведущие галактические державы никогда не взяли бы это старье на вооружение, в захолустье крейсер являлся силой, с которой нельзя было не считаться.

Но откуда эти двое узнали о пленке? Когда он снимал чертежи, в избушке, кроме сторожа, никого не было, а Ретиф мог бы поклясться, что старый пилястрианин ничего им не сказал.

Если, конечно, его не заставили...

Ретиф нахмурился, выбросил сигару за борт, подождал, пока машина замедлит ход у очередной лужи, соскочил на землю и пошел на верфь.

Дверь, сорванная с петель, была прислонена к стене. Ретиф заглянул в избушку. По всему было видно, что старик не сдался без боя.

След от мешка, который волочили по земле, — или нечто очень на него похожее, — начинался у

черного хода избушки и заканчивался, как оказалось, у пакгауза.

Ретиф посмотрел по сторонам. Стоял полдень четвертого цикла, рабочие нежились в мелких водах пруда. Вытащив из кармана небольшой инструмент с несколькими лезвиями, Ретиф начал ковыряться в замке. Услышав щелчок, он приоткрыл дверь и осторожно зашел внутрь.

Перед ним лежали сваленные в кучу тюки. Ретиф включил потайной фонарик, расположенный в ручке инструмента, внимательно осмотрелся. Несколько тюков казались примятыми, рядом с ними на полу не было пыли. Не задумываясь, Ретиф полез наверх. В круглом углублении, образованном рядами тюков, лежали связки тряпья, а среди них — старый пилястрианин с мешком на голове.

Ретиф быстро спрыгнул вниз, перерезал веревки, стягивающие мешок, снял его, отбросил в сторону.

— Это я, дружище, — сказал он. — Незнакомец, который сунул нос не в свое дело.

Старик задрыгал кряжистыми ногами, попытался встать, вновь упал на кучу тряпья.

— Будь прокляты те колыбели, которые укачивали их, — проревел он. — Но помоги мне на ноги подняться, и отомщу я юному Темниле. Он от меня не скроется нигде. Я буду следовать за ним повсюду, найду в бездонной тине Моря Пыток, коль он надумает туда бежать.

— Как же я помогу тебе встать? Может, позвать кого-нибудь?

— О, нет. Коварные юнцы неподалеку. Я не хочу, чтоб ты расстался с жизнью.

— Сомневаюсь, что они пойдут на убийство.

— Ты плохо знаешь их. — Старый пилястрианин повернул голову. — Взгляни сюда. Будь кожа у меня чуть-чуть потоньше...

Ретиф посветил фонариком. Из глубокой царапины на шее старика сочилась пурпурная кровь. Раздался звук, напоминающий крик тюленя: пилястрианин тихонько рассмеялся.

— Предателем они меня назвав, пилили долго лезвием по шее, но тщетны оказались их попытки. Тогда они меня, как тюк, связали, мешок надели на голову старый и удалились, обещав вернуться с оружьем, чтобы жизнь мою забрать.

— С оружием? Я думал, оно запрещено...

— Их гений злой, тот самый мягкотелый, достанет негодяям что угодно. Он дьяволу огонь доставит в ад, коль выгоду почувствует свою.

— Опять гроачи, — пробормотал Ретиф. — Интересно, что ему нужно?

— Признаться должен я, о чужеземец, что я сказал, зачем ты приходил, пока не знал их замыслов преступных. Поведать я могу тебе о многом, но умоляю, помоги мне встать: воспользуйся стоящей здесь лебедкой.

Следуя указаниям пилястрианина, Ретиф зацепил его крюком за панцирь, привел лебедку в действие. Огромный старец медленно поднялся в воздух, затем начал опускаться, двигая руками и ногами, как краб клешнями. В нескольких сантиметрах от пола он сорвался с крюка, шлепнулся на живот и медленно поднялся на ноги.

— Благодарю тебя, о легконогий, — сказал он. — Отныне телочки чудесные мои принадлежат тебе в такой же мере, как мне, и это так же верно, как то, что Гонг меня зовут с рожденья.

— Очень приятно, Гонг. Меня зовут Ретиф. Я рад буду познакомиться с твоими дамочками, но в данный момент мне бы хотелось выбраться отсюда как можно скорее.

Гонг небрежно оперся могучей спиной о ряд тюков

с высушенными водорослями, напряг мышцы. Огромная кипа заколебалась, медленно сдвинулась с места.

— Я многотерпелив, но в гневе преследую врагов неумолимо, — торжественно произнес он. — Остерегись, Темнила!

— Постой, — внезапно сказал Ретиф и принюхался. — Чем это пахнет? — Он посветил фонариком на пол, увидел темное пятно. — Какой груз здесь хранился, Гонг? И где он сейчас?

Гонг задумался.

— Канистры здесь стояли. — Старый пилястрианин вздохнул. — Покрашенные в страшный цвет зеленый, четыре невысокие канистры — их привезли сюда вчера гроачи. Когда же тьма настала в первый вечер второго цикла, несколько юнцов канистры погрузили на корабль с названьем очень странным: «Скальный Мох».

— Космический скуттер ДКЗ для особо важных персон. Не знаешь, кто должен на нем лететь?

— Неведомо мне это, и роли не играет никакой. Давай потом с тобой обсудим грузы, сначала отомстить юнцам я должен.

— Не торопись, Гонг. Только одно вещество перевозится в канистрах и пахнет так, как это пятно на полу. Я говорю о титаните, взрывчатая сила которого не меньше, чем у некоторых ядерных устройств.

Бета садилась за горизонт, когда Ретиф и запыхавшийся Гонг подошли к трапу, ведущему в открытый люк дипломатического скуттера «Скальный Мох». Рядом с трапом стояла сторожевая будка. Гонг заглянул в нее, укоризненно покачал головой.

— Какие времена! Ушел с поста охранник и дрыхнет в тине, в этом нет сомненья!

— Поднимемся на борт, — предложил Ретиф.

На скуттере было тихо, горел мягкий свет. На по-

лу стояла большая коробка, валялись ролики, а рядом с ними — два железных лома, вносящие диссонанс в картину роскоши и комфорта. Гонг порылся в коробке, пожал плечами.

— Как любопытно. Что это такое? — спросил он, доставая желто-зеленую пилястрианскую мантию, металлический браслет и пачку каких-то документов.

— Желтое с зеленым, — пробормотал Ретиф. — Цвета какой-то политической партии...

— Сего не знаю. — Гонг посмотрел на браслет и протянул его Ретифу. — А здесь есть буквы.

— ССОРА, — прочитал Ретиф и посмотрел на своего спутника. — Нам надо как можно скорее попасть в посольство.

Проходя мимо сторожки, Ретиф услышал какой-то звук и, не оглядываясь, отпрянул в сторону. Пилястрианин, пытавшийся на него напасть, пробежал по инерции несколько шагов и попал в объятия Гонга, страстно прижавшего юнца к своей груди.

— Неплохая добыча, Гонг, — заметил Ретиф. — Откуда он взялся?

— Навозный жук скрывался за сторожкой, — прогрохотал старый пилястрианин. Юнец изо всех сил колотил руками и ногами по роговому панцирю, но Гонг, казалось, не замечал этого.

— Держи его крепче, — посоветовал Ретиф. — По-моему, он собирается тебя укусить.

— Не бойся. Я неуклюж, конечно, но все еще не жалуюсь на слабость.

— Спроси у него, куда они спрятали титанит.

— Вопрос ты понял, слабоумный червь? — проревел Гонг. — Изволь тотчас ответить мне, паршивец, иль я тебя сломаю, как тростинку!

Юнец захрипел.

— Если ты не хочешь выдавить из него сок, — сказал Ретиф, — ослабь немного свои объятия.

Гонг поднял пленника высоко над головой и со всего размаху швырнул его об землю. Стекла в сторожке задрожали. Юнец глядел на своего мучителя злобным взглядом и лязгал челюстями.

— Он — один из тех, кто на меня напал в моей избушке, — пояснил Гонг. — В содеянном грехе себя кляня, немедленно он все расскажет старцу.

— Он же пытался познакомиться со мной в автобусе, — сообщил Ретиф. — Шустрый мальчик.

Юнец, встав на четвереньки, бросился наутек. Ретиф наступил на полу длинного плаща; ткань с треском порвалась, обнажив спину пилястрианина.

— Клянусь Яйцом Великим! — воскликнул Гонг. — Ведь это не юнец! Куда ж исчез его гигантский панцирь?

Ретиф задумчиво посмотрел на спину, испещренную шрамами.

— Я думал, он только начинает стареть, а оказывается...

— Но это невозможно! — растерянно вскричал Гонг. — Из панциря идут под кожу нервы, и самые великие хирурги бессильны отделить его от тела и жизнь пациенту сохранить.

— Тем не менее, факт налицо. Я предлагаю тебе захватить с собой этого дитятю и убраться отсюда как можно скорее. Его друзья могут появиться здесь с минуты на минуту.

— Слишком поздно, — сказал Гонг. Ретиф повернулся. Из-за сторожки вышли трое юнцов.

— Похоже, ССОРА сегодня разбушевалась, — сказал Ретиф. — А где ваш закадычный друг? — обратился он к приближающейся троице. — Где ваш маленький петушок с глазами на палочках? Небось

отсиживается в своем посольстве, радуясь, что святые простачки делают за него всю грязную работу?

— Укройся за моей спиной, Ретиф, — громыхнул Гонг.

— Ату их, дружище! — Ретиф наклонился, подобрал с земли тяжелый железный прут. — Я буду прыгать и отвлекать их внимание!

Гонг заревел и набросился на незрелых пилястриан. Они попытались окружить его... один из них споткнулся, упал. Ретиф взмахнул железным прутом, который он только что так удачно засунул между ног первому нападавшему, и ударил второго по голове. Юнец передернул плечами, повернулся, и в этот момент Гонг обхватил его сзади и отшвырнул к сторожке.

Ретиф нанес второй удар, третий... Юнец растянулся на земле, по лицу его медленно текла пурпурная кровь. Двое оставшихся в строю членов ССОРА торопливо удалились, прихрамывая на ходу.

Тяжело дыша, Ретиф бросил железный прут на землю.

— У молодых — чугунные головы, — сказал он. — Хорошо бы как следует их проучить, но время не ждет. Не знаю, кого гроачи собирались взорвать, но они играют только по крупному, а четырех канистр титанита достаточно, чтобы скуттер разнесло на мелкие кусочки и пассажиры превратились в атомную пыль.

— Их заговор сорвался, — прогремел Гонг. — Но для чего им это было надо?

— Гроачи что-то готовят. И мне кажется, они не посвятили ССОРА в свои планы.

— А кто вожак у них? — Гонг пнул ногой поверженного юнца. — Ответь мне, соня!

— Не возись с ним, Гонг. Свяжем их обоих и ос-

тавим здесь. Я знаю, где можно найти вожака, о котором ты говоришь.

Банкетный зал с низким потолком был переполнен. Ретиф обежал взглядом столы, высматривая бледные лица землян, сидящих рядом с огромными, навечно закованными в панцири, пилястрианами. На другом конце зала Магнан встал с кресла, помахал рукой. Воздух вибрировал: музыка, не воспринимаемая человеческим слухом, звучала в инфразвуковом диапазоне. Ретиф подошел к Магнану, сел рядом с ним.

— Извините меня за опоздание...

— Для меня большая честь, что вы вообще соизволили прийти, — ледяным тоном произнес Магнан и повернулся к пилястрианину, сидевшему по его левую руку. — Какая прекрасная музыка, господин министр! Она просто чарует! Сколько в ней веселья и радости!

Старец уставился на него глазами-бусинками.

— Вы присутствуете на панихиде. Исполняется национальный Плач Скорби по Невылупившимся из Яйца, — сказал он на международном земном языке.

— О, — сказал Магнан, — как это интересно. Классический подбор инструментов.

— Соло для дрюна, — сообщил министр, подозрительно глядя на посланника Земли.

— Почему бы вам не сознаться, что вы не слышите никакой музыки? — громким шепотом спросил Ретиф. — И если вам нетрудно уделить мне минутку внимания...

Магнан откашлялся.

— Теперь, когда мистер Ретиф, наконец, почтил нас своим присутствием, можно начать церемонию назначения спонсора...

Положив локти на стол, Ретиф наклонился к Министру Культуры Пилястры.

— Что вы знаете об этих молодежных группировках, которые называют себя ССОРА, господин министр? — спросил он.

— Ничего, — громыхнул старец. — По мне всех юнцов, пока они не отрастят панцирей и не научатся отвечать за свои поступки, надо держать в загонах вместе со скотом.

— Нельзя забывать о том, что энергию молодых необходимо рационально использовать, — назидательным тоном заявил Магнан.

— В трудовых лагерях, — отрезал министр. — В дни нашей юности нас отдавали в бригады, вычерпывающие ил со дна морей. Я сам не один год волочил драгу.

— Сейчас не старые времена. На нас лежит обязанность позаботиться о молодом поколении, чтобы потом юнцы с радостью вспоминали золотые часы своего счастливого детства.

Министр фыркнул.

— На прошлой неделе, в один из золотых часов, они окружили меня и закидали переспелыми фруктами навозного дерева.

— Нормальное проявление чисто детской несдержанности! — вскричал Магнан. — Присущая им чувствительность...

— В том хаме, который только что сюда зашел, — министр ткнул вилкой в сторону стоявшего на пороге юнца, — чувствительных мест не найти даже с помощью взрывчатки.

— Да ведь это наш почетный гость, — сказал Магнан. — Очень милый юноша. Кажется, его зовут Чернила...

— Темнила, — поправил Магнана Ретиф. — Девять футов подлости и наглости. Господин посол, я...

Магнан поднялся на ноги, постучал по хрустальному бокалу. Все пилястриане, почувствовав неприятные для себя ультразвуковые колебания, наморщили лбы, начали возбужденно переговариваться. Магнан постучал громче. Министр втянул голову в плечи, закрыл глаза. Несколько старцев встали из-за стола, пошли к выходу. В зале стало шумно. Магнан застучал по бокалу с удвоенной силой; хрусталь разбился с мелодичным звоном, зеленое вино растеклось по скатерти.

— Во имя Великого Яйца! — пробормотал министр и глубоко вздохнул.

— Я приношу свои глубочайшие извинения... — Магнан судорожно схватил салфетку, принялся тыкать ей в расползшуюся лужу.

— Жаль, что бокал разбился, — заметил Ретиф. — Через минуту вы бы очистили зал от публики, и тогда, быть может, мне удалось бы сказать вам несколько слов. Дело в том, господин министр, — продолжал он, обращаясь к пилястрианину, — что мне необходимо проинформировать вас о...

— Внимание! — громко сказал Магнан, вновь поднимаясь на ноги. — Прибыл наш почетный гость, и комиссия по назначениям тоже в сборе. Я рад объявить, что мистер Ретиф, Советник нашей Миссии, прошел жесточайший отбор, а затем победил в конкурсе кандидатов, претендующих стать спонсорами молодежных групп.

Ретиф дернул Магнана за рукав.

— Подождите меня представлять, — попросил он. — Я хочу появиться неожиданно — это создаст необходимый драматический эффект.

Магнан одобрительно посмотрел на него сверху вниз.

— Наконец-то вы начали входить во вкус дела, — прошептал он и вновь повернулся к своей аудито-

рии. — Я приглашаю высокого гостя подняться вместе со мной на трибуну... Репортеры наверняка захотят снять церемонию презентации...

Он вышел из-за стола, направился к невысокому помосту, расположенному в центре зала, забрался на него и встал рядом с молодым пилястрианином, ослепительно улыбаясь в ближайшую камеру.

— Я счастлив, что мне еще раз представился случай выразить глубочайшее удовлетворение по поводу того, что молодежные группы, наконец, обретают спонсора, — медленно произнес он, следя за журналистами, строчащими в блокнотах. — Мы гордимся тем, что с этой минуты будем иметь отношение к тем великим делам, которые ССОРА совершит в ближайшие годы... — Магнан умолк, глядя, как мощный старец вскарабкался на платформу с другой стороны и остановился позади почетного гостя, который кивал головой направо и налево, не замечая ничего и никого вокруг.

В то же самое время Ретиф протискался через толпу и остановился прямо перед Темнилой. Тот уставился на него, вздрогнул, выпрямился во весь рост.

— Ты меня знаешь, Темнила, — громко сказал Ретиф. — А я слышал о тебе от старца по имени Гонг перед тем, как ты попытался отрубить ему голову. Помнишь? Это было в той самой избушке, где я просматривал чертежи боевого крейсера, который вы строите.

Взревев от ярости, Темнила протянул к Ретифу руки и придушенно вскрикнул, когда Гонг обхватил его сзади и оторвал от пола.

— Я рад, что репортеры решили сегодня прийти к нам на прием, — сказал Ретиф, обращаясь к растерявшимся журналистам. — Дело в том, что Темнила, являясь начальником верфи, решил построить боевой крейсер и договорился с одним ловкачом из

посольства гроачи о поставках оружия и амуниции. Впоследствии, как я предполагаю, ССОРА намеревалась захватить власть на Пилястре, а также, под руководством своих союзников гроачи, развязать ограниченную межзвездную войну с Фламинго или другим близлежащим миром.

Магнан обрел дар речи.

— Вы что, с ума сошли, Ретиф? — закричал он срывающимся голосом. — За ССОРУ поручилось Министерство Молодежных Дел!

— Это министерство давно пора упразднить, — сказал Ретиф и посмотрел на Темнилу. — Хотел бы я знать, замешан ли ты в организации диверсии, которая должна была состояться сегодня вечером? После взрыва скуттера «Скальный Мох» нашлось бы множество улик, говорящих о причастии к этой акции ССОРА. Гроачи немедленно направили бы ноту протеста в Главное Управление, обвинив в происшедшем посольство Земли, которое назначило спонсора фракции молодежи.

— «Скальный Мох»? — удивленно произнес Магнан. — Но, ведь... Ретиф! Этого быть не может! Группа ССОРА собиралась отправиться завтра на нем в круиз!

Внезапно Темнила взревел, рванулся изо всех сил. От неожиданности Гонг ослабил захват, и в мгновение ока пленник оказался на свободе. Спрыгнув с платформы, он кинулся к выходу из зала, ловко увертываясь от неуклюжих старцев. Магнан смотрел на него, раскрыв рот.

— Гроачи, как всегда, вели двойную игру, — сказал Ретиф. — После того, как цель их была бы достигнута и земляне опорочены, они намеревались избавиться от юнцов.

— Что вы стоите как истукан? — взвыл Магнан, сверкая глазами. — Если этот Темнила — главарь

банды, его необходимо обезвредить! — Он попытался спрыгнуть с платформы; Ретиф едва успел схватить его за руку.

— Подождите! У вас столько же шансов выйти из зала, как у рыбы — вырваться из сети. Разве вы не видите, что здесь творится?

Минут через десять толпа начала потихоньку расходиться.

— Теперь пройти мы сможем, — сказал Гонг по-пилястриански. — Смелей, вперед!

Он осторожно слез с платформы и пошел к дверям, расталкивая старцев мощными плечами. Ретиф и Магнан шли за ним следом.

В вестибюле Ретиф схватил телефонную трубку, набрал номер. Никто не ответил. Он набрал другой номер...

— Безнадежно. — Подождав несколько секунд, Ретиф бросил трубку. — Придется ловить машину.

Альфа, голубое солнце, едва проглядывало из-за низких облаков. Плоские тени лежали на грязной улице. Ретиф, Магнан и Гонг остановили невысокий грузовик, забрались в кузов. Гонг, кряхтя, сел на деревянный пол, заскрипевший под его тяжестью.

— О, как бы я хотел избавиться от ноши, как тот юнец фальшивый, червь никчемный, — со вздохом сказал он. — Мне вскоре предстоит уйти на отдых, где не дадут мне никакой работы и будут лишь кормить один раз в сутки. Ждет каждого из нас судьба такая, и рыбака, и первого министра. Нет! Лучше быть на берегу песчинкой, чем праздно проводить тысячелетья и ощущать при том свою никчемность.

— Вот что, — сказал Ретиф. — Вы с Гонгом поезжайте в полицейское управление, а я сойду. Хочу

проверить одну свою догадку. И возвращайтесь поскорее, на тот случай, если она, к великому моему сожалению, подтвердится.

— Что?.. — ошарашенно спросил Магнан.

— Иди, Ретиф. Пусть путь твой будет легок, — сказал Гонг.

Машина проезжала мимо ворот верфи. Ретиф соскочил на землю, побежал к космическому скуттеру. В сторожке по-прежнему никого не было. Двое связанных юнцов куда-то исчезли.

— Плохо жить в захолустье, — пробормотал Ретиф. — Полиция бездействует. — Он спрятался за сторожку и стал ждать. Альфа светила, но не грела. Было холодно...

Судя по грохоту, внезапно раздавшемуся у трапа, там столкнулись два танка. Ретиф осторожно выглянул из-за угла, увидел гиганта-Гонга, сцепившегося с высоким, мощным пилястрианином. Крохотная фигурка сбежала с трапа, обогнула сражавшихся, помчалась к воротам. Ретиф сделал шаг вперед и схватил улепетывающего со всех ног гроачи.

— Привет, Йиф, — вежливо сказал он. — Что за спешка?

— Отпустите меня, Ретиф, — прошипело бледнолицее существо. — Эти бегемоты подрались, потому что не смогли решить, кто из них должен разорвать меня на части!

— Я их понимаю. Попробую что-нибудь для вас сделать... не бесплатно, разумеется.

— Я обращаюсь к вам, — хрипло прошептал Йиф, — как к собрату-дипломату, собрату-инопланетянину, собрату-мягкотелому.

— Почему бы вам не обратиться к Темниле, как к собрату-конспиратору? Сидите смирно, и, может, мне удастся сохранить вам жизнь.

Гигант поднял своего соперника в воздух и швырнул об землю.

— Того, кто победил, зовут Гонг, — сообщил Ретиф. — Хотел бы я знать, с кем он подрался и, главное, зачем?

Гонг взял неподвижно лежащего пилястрианина за ноги и поволок его к трапу. Ретиф подтолкнул Йифа к сторожке.

— Спрячьтесь и не вздумайте улизнуть. Все равно я бегаю быстрее вас. Оставайтесь на месте, а я пойду, посмотрю, в чем там дело. — Он вышел из-за сторожки и окликнул Гонга.

Пыхтя, как паровоз, старец бросил свою жертву и подошел к Ретифу.

— Приветствую тебя, о легконогий! — воскликнул он. — Решил проверить ты свою догадку, а я — свою. По улице мы проезжали тихо, когда навстречу нам попался старец: он странным показался мне каким-то. Решил я проследить, куда пойдет он, — и, посмотри! — ведь это же Темнила, надевший на себя специально панцирь! Теперь, Ретиф, мне многое открылось!

Ретиф присвистнул.

— Значит, юнцы вовсе не такие молодые, какими они хотели казаться. Похоже, кто-то облагодетельствовал нескольких пилястриан за счет всех остальных.

— Не кто иной, как мягкотелый это, — сказал Гонг. — Давай его сюда, Ретиф, я видел, как ты его поймал. Не медли.

— Подожди, Гонг. Не горячись...

Старец ухмыльнулся, подмигнул Ретифу одним глазом и взревел:

— Я должен отомстить! И я проверю, насколько мягок этот мягкотелый! Ту слизь, в которую он превратится, я разолью по маленьким бутылкам, чтоб

каждый из родных сей мерзкой твари имел возможность схоронить останки!

Ретиф увидел краешком глаза какое-то движение, бросился за гроачи вдогонку, поймал его футов через пятьдесят и за шиворот подтащил к Гонгу.

— Я передаю его тебе из рук в руки, Гонг, — сказал он. — Мне известно, какое огромное значение придаете вы, пилястриане, ритуальной мести.

— Пощады! — просипел Йиф, и тонкие трубочки, на концах которых были расположены его глаза, закачались из стороны в сторону. — У меня дипломатическая неприкосновенность!

— Но я не дипломат! — прогрохотал Гонг. — С чего ж начать мне? Пожалуй, с этих неприличных глаз, которые вращаются все время...

— Послушай, мне пришла в голову блестящая мысль! — воскликнул Ретиф. — Может, ты откажешься — в виде исключения, разумеется, — от мести, если Йиф обещает построить на вашей планете Медицинский Центр, где хирурги-гроачи будут избавлять старцев от панцирей?

Гонг заколебался, неуверенным тоном произнес:

— Ты только посмотри на эти глазки! Какое наслажденье получу я, срывая их по очереди каждый!

— Ссоглассен, — прошипел Йиф. — Клянуссь, самые лучшие наши хирурги... миллионы хирургов... новейшее оборудование...

— О, неужель мечте моей не сбыться? Хочу я посидеть на негодяе, услышать, как трещат, ломаясь, кости под грузом тела моего большого!

— Ты сстанешь легче перышка, — прошептал Йиф. — Будешь порхать, как птичка. Возрадуешься, обретя вторую молодость...

— А может, хоть один глазок мне вырвать? Ведь у него останется четыре...

— Играй по правилам, — сказал Ретиф.

— Ну, ладно.

— Вот и договорились. — Ретиф повернулся к гроачи. — Йиф, вас отпускают под честное слово дипломата, инопланетянина и мягкотелого. Хирургическое искусство гроачи станет экспортом, от которого они получат куда больше выгод, чем от продажи оружия. Взамен Гонг откажется от намерения посидеть на вас, а я не подам на гроачи в суд за вмешательство во внутренние дела независимого иностранного государства.

За спиной Гонга послышались какие-то звуки. Скидывая с себя тяжелый панцирь, Темнила встал на ноги... и в это время Гонг схватил его, поднял высоко над головой и понес к открытому люку скуттера.

— Эй! — воскликнул Ретиф. — Что ты делаешь?

— Я разберусь с ним сам, Ретиф, не бойся. Получит то, что заслужил, Темнила. Хотел он путешествовать в комфорте? Исполнится сейчас его желанье!

— Там титанит!

— Не становись мне поперек дороги и знай, Ретиф, теперь мне не до шуток. Он — мой, и я не откажусь от мести.. — Гигант-пилястрианин, продолжая держать свою ношу высоко над головой, исчез в открытом люке.

— Гонг по-настоящему разозлился, — заметил Ретиф, обращаясь к гроачи, выпучившему все свои пять глаз и находившемуся в полуобморочном состоянии. — К сожалению, у меня слишком мало сил, чтобы помешать ему исполнить задуманное. Впрочем, будем надеяться, он просто решил напугать Темнилу до смерти.

Гонг вышел из люка, спустился по трапу.

— Что ты с ним сделал? — спросил Ретиф.

— Нам лучше удалиться поскорее, — громыхнул

Гонг. — Тот, кто стоит в пятидесяти ярдах от звездолета, что стартует в космос, расстаться с жизнью может моментально.

— Ты хочешь сказать...

— Автопилот настроен на планету, где мягкотелые живут гроачи. Последний сон Темнилы будет долог.

— Красиво рвануло, — сказал Ретиф. — Впрочем, вы, должно быть, сами видели...

— Ничего я не видел! — возмущенно произнес Магнан. — Как я ни увещевал этого Ганга... Донга...

— Гонга.

— ...грубиян замотал меня в мой собственный плащ и положил под какое-то дерево. Вне всякого сомнения я упомяну о столь неслыханном нарушении этикета в ноте протеста, которую вручу Министру Иностранных Дел. — Магнан сделал пометку в блокноте.

— Что-нибудь говорят о постройке нового Медицинского Центра?

— Благороднейшее, великодушнейшее начинание! — вскричал Магнан. — Честно говоря, я был просто поражен! Мне кажется, мы судили гроачи слишком строго.

— Я слышал, в Министерстве Молодежных Дел разразился скандал. Если верить слухам, фракция молодежи распущена.

Магнан откашлялся, зашелестел бумагами.

— Я... э-э... объяснил репортерам, что вчерашнее...

— Фиаско.

— ...недоразумение было вызвано необходимостью спровоцировать подозреваемых, чтобы вывести их на чистую воду. Что же касается взрыва дипломатического скуттера для особо важных персон и предполагаемой гибели Темнилы...

— Пилястриане все понимают, — сказал Ретиф. — И у них действительно существует ритуальная месть. Йифу крупно повезло: на нем не было крови. Это единственное, что его спасло.

— Гроачи воспользовались дипломатическими привилегиями и нарушили закон, — сказал Магнан. — Мне думается, нота протеста... нет, лучше неофициальная памятная записка...

— Автопилот скуттера был настроен на планету гроачи, — перебил его Ретиф. — Взрыв произошел после того, как «Скальный Мох» лег на заданный курс. Примерно через месяц-другой осколки корабля прибудут по месту назначения. Я думаю, эту памятную дату гроачи сами запишут в своих календарях и впредь будут шарахаться от Пилястры, как черт от ладана.

— Но нелегальное использование...

— К тому же, чем меньше вы составите бумаг, тем труднее будет упрекнуть вас в каком-нибудь недоразумении, если что-то переменится.

— Это верно. — Магнан поджал губы. — Вот теперь вы мыслите конструктивно, Ретиф. Мы еще сделаем из вас настоящего дипломата. — Он снисходительно улыбнулся.

— Сегодня вам не удастся испортить мне настроение. — Ретиф встал из-за стола. — Я беру отпуск на две недели... если, конечно, вы не возражаете, господин посол. Мой друг, Гонг, обещал показать мне один южный остров, где прекрасно ловится рыба.

— Но нас ждут неотложные дела! Я считаю необходимым взять шефство над группировкой Самых Старых Старцев...

— На меня не рассчитывайте. Когда я слышу о группировках, меня начинает тошнить.

— Что вы, Ретиф! В конце концов дипломатов тоже можно считать своего рода группировкой.

— Вот-вот. Вы правильно меня поняли.

С открытым от изумления ртом Магнан смотрел в спину Ретифу, вышедшему в коридор и закрывшему за собой дверь.

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР (*роман*) 7

РАССКАЗЫ

Запечатанные инструкции 209
Бронзовый бог 231
Протокол 279
Динозавр 301
Памятная записка 323

Scan Kreider

Литературно—художественное издание

Кейт Лоумер

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

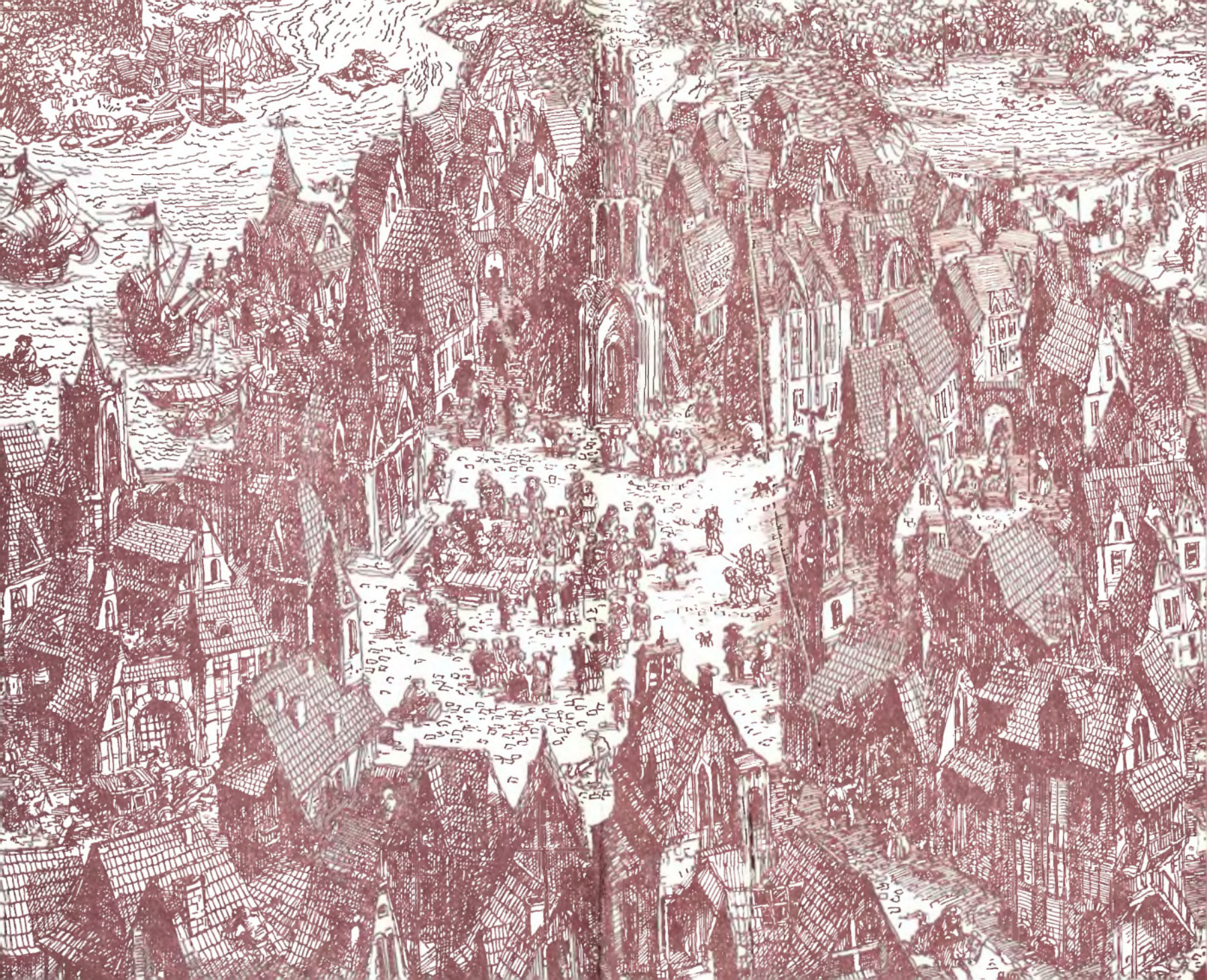
Зав. редакцией *Александр Кононов*
Художник *Денис Гордеев*
Форзац *Павел Борозенец*
Художественный редактор *Вадим Пожидаев*
Техническая редакция: *Наталья Дмитриева, Елена Капитонова, Елена Глушкова*
Обеспечение проекта *Сергей Недоводин*
Корректор *Людмила Быстрова*
Макет *Сергей Арефьев*
Верстка *Нина Грибещенко*

Директор издательства *Николай Буций*
Главный редактор *Вадим Назаров*

Сдано в набор 14.01.92. Подписано к печати 02.03.92. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура школьная. Печать высокая. Печ. л. 11. Тираж 200 000 экз. Изд. № 30. Заказ 2-810.
Цена 10 руб.

Информационно—издательский комплекс
«Северо—Запад»
Издательство «Северо—Запад»,
191187, Санкт—Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

Головное предприятие
республиканского производственного объединения
«Полиграфкнига».
252057, Киев, ул. Довженко, 3.



fantasy

КОСМИЧЕСКИЙ ШУЛЕР

РЕТИФ

·Северо-Запад·